

**ВЕСТНИК
РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ**

**СЕРИЯ:
ИСТОРИЯ РОССИИ**

Февраль 2023 Том 22 № 1

Специальная тема номера:
**НАРОДЫ РОССИИ В СИСТЕМЕ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ
СИБИРИ, КИТАЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ**

Научный журнал

Издается с 2002 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61216 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

**RUDN JOURNAL
OF RUSSIAN HISTORY**

VOL. 22 No. 1 FEBRUARY 2023

Special Theme of the Issue:
**THE PEOPLES OF RUSSIA IN THE SYSTEM OF TRANSNATIONAL RELATIONS
IN SIBERIA, CHINA AND CENTRAL ASIA**

Founded in 2002

Founder: Peoples' Friendship University of Russia

DOI: 10.22363/2312-8674-2023-22-1

<http://journals.rudn.ru/russian-history>

RUDN JOURNAL OF RUSSIAN HISTORY
Published by the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

ISSN 2312-8674 (Print); ISSN 2312-8690 (Online)

Published four times a year in February, May, August, November.

Languages: Russian and English.

Indexed in Scopus, Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index (Clarivate Analytics), Russian Index of Science Citation, DOAJ, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, East View, Cyberleninka, Dimensions.

Aims and Scope

RUDN Journal of Russian History is a periodical international peer-reviewed scientific publication in the field of historical research. The journal publishes original articles and reviews about the historical identity of the Russian state, consisting primarily in its ethno-national and ethno-confessional composition, the processes of mutual influence and enrichment of cultures. The journal also publishes materials on the history and current state of international relations and transnational connections between Russia and the peoples of the world in order to bridge the gap between the Soviet and post-Soviet periods of Russian history and in connection with the emergence of new actors in the historical process. The journal is aimed at cooperation and scientific exchange in the field of historical knowledge, publication of the results of fundamental and applied researches of Russian and foreign scientists studying the process of objective development of the peoples of our country in the context of general pre-revolutionary, Soviet and modern history of Russia. The editorial board of the journal invites researchers working in line with the above areas to prepare special thematic issues.

The journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics): <http://publicationethics.org>

Further information regarding the journal, its editorial board, requirements to articles for contributors, and the journal's archive (full-text issues since 2008) and additional information are available at <http://journals.rudn.ru/russian-history>

E-mail: rushistj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price
Peoples' Friendship University of Russia
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russia
Printed at RUDN Publishing House:
3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russia
Ph.: +7 (495) 955-08-74; e-mail: publishing@rudn.ru

ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ. СЕРИЯ: ИСТОРИЯ РОССИИ

ISSN 2312-8674 (Print); ISSN 2312-8690 (Online)

4 выпуска в год: февраль, май, август, ноябрь.

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Публикует статьи по двум научным специальностям согласно номенклатуре ВАК РФ: 5.6.1. Отечественная история; 5.6.5. Историография, источниковедение и методы исторического исследования.

Включен в каталог периодических изданий Ульрих (Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>).

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Scopus, Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index (Clarivate Analytics), Directory of Open Access Journal (DOAJ), Google Scholar, WorldCat, East View, Dimensions, Electronic Journals Library Cyberleninka.

Цель и задачи

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России» – периодическое международное рецензируемое научное издание в области исторических исследований. Журнал публикует оригинальные статьи, обзоры и рецензии, в которых раскрывается историческое своеобразие России, состоящее, прежде всего, в ее этнонациональном и этноконфессиональном многообразии, процессах взаимовлияния и взаимообогащения культур. Журнал публикует также материалы по истории международных отношений и современному состоянию транснациональных связей России с народами мира с целью преодоления разрыва между советским и постсоветским периодами российской истории и в связи с появлением новых субъектов исторического процесса. Журнал ориентирован на обеспечение сотрудничества в области исторического знания, публикацию результатов фундаментальных и прикладных научных исследований российских и зарубежных ученых, изучающих прошлое и настоящее народов России в контексте современных научных подходов. Редакционная коллегия журнала приглашает к сотрудничеству исследователей, работающих в русле вышеуказанных направлений, для подготовки специальных тематических выпусков.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, обозначенных в документе COPE (Committee on Publication Ethics): <http://publicationethics.org>

Полные сведения о журнале и его редакционной политике, требования к подготовке и публикации статей, архив (полнотекстовые выпуски с 2008 года) и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/russian-history>

E-mail: rushistj@rudn.ru

Подписано в печать 21.02.2023. Выход в свет 28.02.2023. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 14,0. Тираж 500 экз. Заказ № 25. Цена свободная

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов»

117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

115419, Россия, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 955-08-74; e-mail: publishing@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

EDITOR-IN-CHIEF

Marina N. Moseykina, *RUDN University, Moscow, Russia (moseykina-mn@rudn.ru)*

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Rafael A. Arslanov, *RUDN University, Moscow, Russia (arslanov-ra@rudn.ru)*

EXECUTIVE SECRETARY

Gadilya G. Kornoukhova, *RUDN University, Moscow, Russia (kornoukhova-gg@rudn.ru)*

MEMBERS OF THE EDITORIAL BOARD

Alexander Y. Bendin, *Belarusian State University, Minsk, Belarus*

David L. Brandenberger, *University of Richmond, Richmond, USA*

Vladimir P. Buldakov, *Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

Michael David-Fox, *Georgetown University, Washington, USA*

Vladimir G. Datsyshen, *Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia*

Julie Hessler, *University of Oregon, Eugene, USA*

Jahangir Karami, *University of Tehran, Tehran, Iran*

Catriona Kelly, *University of Oxford, Oxford, United Kingdom*

Oleg V. Khlevniuk, *National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia*

Alexander M. Martin, *University of Notre Dame, South Bend, USA*

Ivan O. Peshkov, *Adam Mickiewicz University, Poznań, Poland*

Olga S. Porshneva, *Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia*

Rinat N. Shigabdinov, *Institute of History of The Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan*

Pierre-Emmanuel Thomann, *Paris 8 University, Paris, France*

Irena Vladimírsky, *Achva Academic College, Achva, Israel*

Editor K.V. Zenkin

Translation Editor E.A. Paymakova

Layout Designer Iu.A. Zaikina

Address of the Editorial Board:

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russia

Ph.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Postal address of the Editorial Board of RUDN Journal of Russian History:

10 Miklukho-Makhlaya St, bldg 2, Moscow, 117198, Russia

Ph.: +7 (495) 434-23-12; e-mail: rushistj@rudn.ru

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Мосейкина Марина Николаевна, *РУДН, Москва, Россия (moseykina-mn@rudn.ru)*

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Арсланов Рафаэль Амирович, *РУДН, Москва, Россия (arslanov-ra@rudn.ru)*

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Корноухова Гадиля Гизатуллаевна, *РУДН, Москва, Россия (kornoukhova-gg@rudn.ru)*

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Бендин А.Ю., *Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь*

Бранденбергер Дэвид, *Ричмондский университет, Ричмонд, США*

Булдаков В.П., *Центр изучения новейшей истории России и политологии Института российской истории РАН, Москва, Россия*

Владимирски Ирена, *Академический колледж Ахва, Ахва, Израиль*

Дацышен В.Г., *Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия*

Дэвид-Фокс Майкл, *Джорджтаунский университет, Вашингтон, США*

Карами Джахангир, *Тегеранский университет, Тегеран, Иран*

Келли Катриона, *Оксфордский университет, Оксфорд, Великобритания*

Мартин Александр М., *Нотрдамский университет, Саут-Бенд, США*

Пешков И.О., *Университет имени Адама Мицкевича в Познани, Познань, Польша*

Поршнева О.С., *Уральский федеральный университет имени Первого президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия*

Томанн Пьер-Эммануэль, *Университет Париж-8, Париж, Франция*

Хесслер Джули, *Орегонский университет, Юджин, США*

Хлевнюк О.В., *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия*

Шигабдинов Р.Н., *Институт истории Академии наук Республики Узбекистан, Ташкент, Узбекистан*

Литературный редактор К.В. Зенкин

Редактор перевода Е.А. Паймакова

Компьютерная верстка: Ю.А. Заикина

Адрес редакции:

115419, Россия, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции:

117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2
Тел.: +7 (495) 434-23-12; e-mail: rushistj@rudn.ru

CONTENTS

THE PEOPLES OF RUSSIA IN THE SYSTEM OF TRANSNATIONAL RELATIONS IN SIBERIA, CHINA AND CENTRAL ASIA

- Larisa Zandanova, and Nikolay Puzynya.** Diplomat and Reformer S.L. Vladislavich-Raguzinsky: "...Eternal Peace Was concluded and the Border Was Approved" 8
- Oleg Alpeev.** Behind the Scenes of the Jam Expedition: Russia's Planning of Warfare in Central Asia in 1878 21
- Dmitry Vasilyev, and Svetlana Asanova.** Shelter for the Afflicted: Migration from Xinjiang to Russia in the 1860s–1880s 34
- Irina Smirnova.** Orthodoxy in Western China and Central Asia: Historical Background 47
- Tatiana Kiskidosova.** Relationship of Russian Merchants with the Tuvan Population in the Second Half of the 19th – Early 20th Century 57
- Elena Nazemtseva.** Russian Architectural Heritage in the Xinjiang-Uygur Autonomous Region of China as Manifestation of Interethnic and Intercultural Interaction in the 19th–21st Centuries 72
- Tamara Shemetova.** Trade, Economic and Political Relations between Soviet Russia and the Chinese Province of Xinjiang in 1921–1922 85
- Valerii Barmin.** Searching for Forms and Methods of Acting on Indigenous Population by Turkestan Soviet and Communist Party Bodies in the Context of Fighting the Basmachi in 1918–1924 97
- Mariia Krotova, and Dmitrii Petin.** The Fate of Harbin Repatriate in the Mirror of Anthropology: Liudmila Abramova (1914–2002) 110
- Nataliya Ablazhey, and Nataliya Potapova.** Repressive Policy as a Tool of Resolving the "Chinese Issue" in the USSR in the 1930s 125

ARTICLES

- Sergey Sklyarov.** Curzon's Ultimatum and Its Impact on the USSR Policy Towards Poland 139

BOOK REVIEW

- Vardan Baghdasaryan, and Sergey Resnyansky.** Book Review of *Petr Pervyi i osvoenie severa Tikhogo okeana [Peter the Great and the development of the North Pacific]* by A.Yu. Petrov. Ryazan: Ryazanskii gosudarstvennyi universitet imeni S.A. Yesenina Publ., 2022. 280 p. (in Russian) 151
- Armando Chaguaceda.** Book Review of *Rethinking Post-Cold War Russian-Latin American Relations* by Vladimir Rouvinski, and Victor Jelfets, eds. New York: Routledge, 2022. 302 p. 157

СОДЕРЖАНИЕ

НАРОДЫ РОССИИ В СИСТЕМЕ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ СИБИРИ, КИТАЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

- Лариса Занданова, Николай Пузыня.** Дипломат и реформатор С.Л. Владиславич-Рагузинский: «...вечный мир заключили и границу утвердили» 8
- Олег Алпеев.** За кулисами Джамского похода: планирование Россией военных действий в Центральной Азии в 1878 г. 21
- Дмитрий Васильев, Светлана Асанова.** Приют для страждущих: миграция из Синьцзяна в Россию в 1860–1880-х гг. 34
- Ирина Смирнова.** Православие в Западном Китае и Средней Азии: предыстория вопроса 47
- Татьяна Кискидосова.** Взаимоотношения русских торговцев с тувинским населением во второй половине XIX – начале XX в. 57
- Елена Наземцева.** Русское архитектурное наследие в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая как проявление межэтнического и межкультурного взаимодействия в XIX–XXI вв. 72
- Тамара Шеметова.** Торгово-экономические и политические отношения Советской России с китайской провинцией Синьцзян в 1921–1922 гг. 85
- Валерий Бармин.** Поиски советскими и партийными органами Туркестана форм и методов работы с коренным населением в условиях борьбы с басмачеством 1918–1924 гг. 97
- Мария Кротова, Дмитрий Петин.** Судьба харбинской репатриантки в зеркале антропологии: Людмила Абрамова (1914–2002) 110
- Наталья Аблажей, Наталья Потапова.** Репрессивная политика как инструмент решения «китайского вопроса» в СССР в 1930-е гг. 125
- СТАТЬИ**
- Сергей Скляров.** Ультиматум Керзона и его влияние на политику СССР в отношении Польши 139
- РЕЦЕНЗИЯ**
- Вардан Багдасарян, Сергей Реснянский.** Рецензия на книгу: Петров А.Ю. Петр Первый и освоение севера Тихого океана. Рязань: Ряз. гос. ун-т им. С.А. Есенина, 2022. 280 с. 151
- Армандо Чагуаседа.** Рецензия на книгу: Переосмысление российско-латиноамериканских отношений после окончания холодной войны / под ред. В. Рувинского, В. Хейфеца. Нью-Йорк: Routledge, 2022. 302 с. 157

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-1-8-20>

Научная статья / Research article

Дипломат и реформатор С.Л. Владиславич-Рагузинский: «...вечный мир заключили и границу утвердили»

Лариса Занданова , Николай Пузыня

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

 zandanova@mail.ru

Аннотация: Рассматривается период пребывания графа Саввы Лукича Владиславича-Рагузинского с 1725 по 1728 г. в Восточной Сибири во время и после выполнения им дипломатической миссии в Цинскую империю. Устанавливается его роль в расширении и укреплении российского влияния на восточных рубежах. Особое внимание уделено вопросу упорядочивания отношений между местной администрацией и коренным населением, восстановлению двусторонней торговли между Россией и Китаем, обустройству границы и торговых территорий, организации миссионерской деятельности православного духовенства в Сибири и Цинской империи. Отмечается, что все это существенно повлияло на развитие народов и территорий региона в ходе процесса российской экспансии в восточном направлении, изменение его роли во внешней политике России на Дальнем Востоке. Подчеркивается особая актуальность положения, внесенного в Кяхтинский договор соратником Петра Великого, направленного на то, чтобы между Россией и Китаем «мир крепчайший был и вечный», а межгосударственная граница стал мирной на все времена.

Ключевые слова: российско-китайские отношения, Российская империя, Буринский трактат, Абрам Ганнибал, дальневосточный фронтир

Для цитирования: Занданова Л.В., Пузыня Н.Н. Дипломат и реформатор С.Л. Владиславич-Рагузинский: «...вечный мир заключили и границу утвердили» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2023. Т. 22. № 1. С. 8–20. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-1-8-20>

Diplomat and Reformer S.L. Vladislavich-Raguzinsky: “...Eternal Peace Was Concluded and the Border Was Approved”

Larisa Zandanova , Nikolay Puzynya

Irkutsk State University, Irkutsk, Russia

 zandanova@mail.ru

Abstract: The authors consider the period of stay of Count Sava Lukich Vladislavich-Raguzinsky, from 1725 until 1728, in Eastern Siberia during and after his diplomatic mission to the Qing Empire. His role in the expansion and strengthening of Russia's influence on the eastern borders is established. Particular attention is paid to the issue of streamlining relations between the local administration and the indigenous population, the restoration of bilateral trade between Russia and China, the arrangement of the border and trade territories, the organization of missionary activities of the Orthodox clergy in Siberia and the Qing Empire. All this significantly influenced the development of the peoples and territories of the region during the process of Russia's expansion in the east, the change

of its role in Russia's foreign policy in the Far East. Nowadays, especially relevant is the provision written by the ally of Peter the Great in the Treaty of Kyakhta that between Russia and China "peace should be sustainable and eternal" and the interstate border should become peaceful at all times.

Keywords: Russian-Chinese relations, Russian Empire, Burinsky Treaty, Abram Ganibal, Far Eastern Frontier

For citation: Zandanova, Larisa, and Puzynya, Nikolay. "Diplomat and Reformer S.L. Vladislavich-Raguzinsky: '...Eternal Peace Was Concluded and the Border Was Approved'." *RUDN Journal of Russian History* 22, no. 1 (February 2023): 8–20 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-1-8-20>

Введение

В начале XVIII в. император Петр I поддержал в борьбе с османским игом южных славян, чем навсегда породнил с ними россиян. Это случилось во многом благодаря «мостик», который перекинул между нашими народами «самый образованный и выдающийся серб» – Савва Лукич Владиславич-Рагузинский¹. Этому же человеку выпала другая миссия – примирить Россию и Китай, сделать границу между империями мирной, укрепить отношения между ними на несколько веков вперед, что и сегодня позволяет считать их «образцом взаимоотношений в XXI веке»².

Не менее важным является то, что жизнь С.Л. Владиславича-Рагузинского была связана не только с Россией в целом, но и с Сибирью – Прибайкальем и Забайкальем, а также городом Иркутском. В судьбе последнего он принял непосредственное участие, направляясь на восток страны с поручением Петра I определить и укрепить границы Российской империи, а после смерти императора – с наказом Екатерины I заодно проверить и обороноспособность сибирских городов. Прибыв в Иркутск в 1726 г., Савва Лукич дал указание составить план-чертеж города, произвести его ограждение, обустроить оборонительные сооружения, чем вписал свое имя в летописи города³. В Сибири С.Л. Владиславич-Рагузинский проявил себя как продолжатель дел императора и талантливый дипломат.

Личность С.Л. Владиславича-Рагузинского и его деятельность во времена правления Петра I удостаивались внимания специалистов как в российской, так и зарубежной исторической науке⁴. Однако его участие в реализации петровских реформ, оказавших влияние на жизнь народов сибирской части России, освещалось спорадически и фрагментарно. Приходится констатировать отсутствие в российской и зарубежной историографии обобщающих работ, анализирующих пребывание графа Владиславича-Рагузинского в Восточной Сибири в период и после выполнения им дипломатической миссии в Цинскую империю, также недостаточную изученность его роли в расширении и укреплении российского влияния на восточных рубежах.

¹ *Мартиновић Д.* Генерали из Црне Горе у руској војсци. Подгорица, 2002. С. 7.

² Из речи В.В. Путина на переговорах с Си Дзиньпином 14 декабря 2021 г. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=bCEroFM29jk> (дата обращения: 14.12.2021).

³ Летопись города Иркутска. XVII–XIX вв. / сост. и научн. ред. Н.В. Куликаускаене. Иркутск, 1996. С. 175.

⁴ См. например: *Павленко Н.И.* Савва Лукич Владиславич-Рагузинский // *Вокруг трона*. М., 1998. С. 439–486; *Лециловская И.И.* Серб – сподвижник Петра I. Граф Рагузинский // *Славянский альманах*. 2002. М., 2003. С. 70–93; *Мазина А.Я.* Жалованная грамота Петра I надворному советнику Савве Рагузинскому за верную и усердную службу, 1710 г. Ч. I: Предреставрационные исследования и демонтаж // *Искусство Евразии*. 2018. № 4 (11). С. 180–191; *Базарова Т.А.* Визит С.Л. Владиславича-Рагузинского к Петру Великому в Пирмонт (июнь 1716) // *Труды Санкт-Петербургского института истории РАН*. 2019. № 5 (21). С. 145–169; *Дучич Йован.* Граф Савва Владиславич: Серб-дипломат при дворе Петра Великого и Екатерины I. СПб., 2009; *Foust Clifford M.* II. The Treaty of Kiakhta; III. The New Milieu of Trade // *Muscovite and Mandarin; Russia's trade with China and its setting, 1727–1805*. Chapel Hill, University of North Carolina Press, 1969. P. 24–86 и др.

Неоспоримо, что подписание Буринского и Кяхтинского трактатов, завершившее посольство С.Л. Владиславича-Рагузинского в Поднебесную, не только заложило договорную основу отношений между двумя империями на последующие 130 лет, вплоть до подписания Айгунского договора, но и существенно повлияло на развитие народов и территорий региона в ходе процесса российской экспансии в восточном направлении, изменение его роли во внешней политике России на Дальнем Востоке.

В статье на основе комплексного анализа имеющихся документов и материалов раскрываются различные аспекты и итоги многогранной работы С.Л. Владиславича-Рагузинского не только на дипломатическом поприще, но и в интересах Восточной Сибири, упорядочения отношений между местной администрацией и коренным населением в приграничных районах Российской империи.

Дипломат Петра Великого

Уже в ходе Великого посольства Петром I было положено начало практике привлечения на русскую службу европейских специалистов в разных областях науки и практической деятельности. В начале XVIII в., с принятием манифеста «О вызове иностранцев в Россию, с обещанием им свободы вероисповедания»⁵, петровские реформы стали получать серьезное подкрепление в виде готовых кадров специалистов, в которых остро нуждалось правительство. Это касалось и такой важной области государственной деятельности, как дипломатия. На восточном направлении на службе у русского царя одним из выдающихся дипломатов стал Н.Г. Спафарий (Николае Милеску-Спэтару), политический деятель, ученый и переводчик, возглавивший в 1675–1678 гг. посольство в Китай, выходец из боярской греко-молдавской семьи.

Еще более заметный след в истории русской дипломатической службы эпохи Петра Великого оставил серб по происхождению и православный по вероисповеданию Сава (на русский манер – Савва) Владиславич, известный также как Рагузинский. Он получил это прозвище от г. Рагузы (ныне Дубровник). Город, неподалеку от которого он родился и в котором прошли годы его юности, находился в то время в составе Османской империи. Савва Лукич родился 16 января 1669 г. (по другим сведениям – в 1664 г.) в семье потомственного дворянина, занимавшегося торговлей и имевшего представительство в Венеции. Юноша пошел по пути отца и, получив отличную практику работы негодантом в Венеции, Испании, Франции, окончательно обосновался в Стамбуле. Именно там, располагая значительными связями в политических и военных кругах, он становится на путь борьбы с турецкими угнетателями своей малой родины. Единственным настоящим союзником славянских народов Балкан в борьбе с ненавистным османским игом С. Владиславич считал Россию. Он сблизился с российскими дипломатами в Стамбуле и на протяжении длительного времени оказывал им помощь в сборе и анализе информации, касавшейся всех сторон жизни Османской империи. Некоторые исследователи считают, что в тот период им была создана первая российская разведывательная служба за границей. Его деятельность не осталась незамеченной турецким правительством, поэтому он был вынужден перебраться в Россию.

Поворотным пунктом в судьбе С.Л. Владиславича стала встреча с Петром I летом 1703 г. в Петербурге. Вскоре после этой аудиенции ему «за его... верное служение» была пожалована грамота царя⁶, а сам Петр начал внимательно прислуши-

⁵ «О вызове иностранцев в Россию, с обещанием им свободы вероисповедания» (манифест от 16 апреля 1702 г.) // Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 4. № 1910. С. 192–195.

⁶ Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1889. Т. 2. С. 207–209.

ваться к советам своего сербского сподвижника. Савва Лукич, продолжая оказывать содействие в деятельности первого постоянного российского посольства в Османской империи, снабжал информацией русского посла графа П.А. Толстого, знакомил его с европейскими дипломатами в Стамбуле, выполнял другие поручения российского правительства. Тогда же он привез в Россию «арапа Петра Великого» – Абрама Петровича Ганнибала, прадеда А.С. Пушкина, с которым позже ему было суждено встретиться и работать в Сибири.

С 1708 г. С.Л. Владиславич длительное время находился в России и в ходе заграничных поездок выполнял различные поручения царя и российских властей, связанные с дипломатическими и торговыми отношениями со странами Европы. С 1716 по 1722 гг. он жил в Венеции, являясь фактически личным представителем Петра I, в частности, по его поручению закупал произведения искусств для петербургских коллекций. Но вершиной дипломатической карьеры графа Владиславича-Рагузинского становится его деятельность во главе русского посольства в Цинскую империю, подписание прелиминарного Буринского трактата и на его основе – Кяхтинского договора. В ходе этой поездки он значительное время находился в Восточной Сибири с целью реализации пунктов подписанных соглашений. О результатах его многотрудной деятельности на восточных рубежах России и пойдет речь в данной работе.

Миссия в Цинскую империю

Формально русская миссия под руководством С.Л. Владиславича-Рагузинского отправлялась в Пекин, чтобы сообщить маньчжурской администрации о смерти Петра Великого и восшествии на российский престол императрицы Екатерины I. Кроме того, необходимо было

принести поздравления Его Величеству по случаю его вступления на китайский престол и преподнести уникальные русские подарки, как дань уважения⁷.

Анализ деятельности русских дипломатов на восточном направлении в XVII в. приводит к убеждению, что в тот период установление полномасштабных отношений между Россией и Китаем было практически невозможно. Западные исследователи склонны считать, что причиной этому были разные цивилизационные парадигмы: Россия являла собою западную традицию, а Китай – восточную, и они не могли найти общий язык⁸.

Представляется, что в действительности эта ситуация была обусловлена другими обстоятельствами. Во-первых, это было время, когда маньчжурские завоеватели еще не подчинили окончательно себе весь Китай, поэтому как завоеватели они крайне подозрительно относились к любым попыткам других стран решать любые вопросы: экономические, пограничные, торговые и т.д.⁹ Во-вторых, руководствуясь традиционной китайской внешнеполитической доктриной, цины после соприкосновения территориальных владений двух держав должны были оказывать давление на русских, которые казались «ближними варварами», создавая буферные зоны, неосвоенные соседями. В-третьих, каждая сторона по-своему понимала принципы, на которых должны были строиться дипломатические отношения. В особенности это касалось дипломатического протокола и этикета. Маньчжурские дипломаты

⁷ A Documentary Chronicle of Sino-Western Relations (1644–1820) / ed. by Delmer M. Brown. Tucson, 1966. P. 150–151.

⁸ См. например: *Mancall M. Russia and China: their diplomatic relations to 1728.* Cambridge, 1971. P. 64–65.

⁹ A Documentary Chronicle of Sino-Western Relations... P. 106.

ждали дани и проявления покорности маньчжурскому императору – «Сыну неба»¹⁰. Однако даже в таких условиях итогом деятельности русских дипломатов по установлению контактов с Китаем в тот период явился Нерчинский договор, подписанный в 1689 г. Ф.А. Головиным, подготовкой посольства которого занимался Н.Г. Спафарий. Это был первый межгосударственный договор, заключенный русской дипломатией на Дальнем Востоке.

В начале XVIII в. с российской стороны предпринимались усилия для того, чтобы русско-китайские отношения стабилизировались и не нарушались какими-либо серьезными конфликтами. Такому течению событий положил начало указ Петра I о строгом соблюдении российскими подданными положений Нерчинского договора,

заказ крепкой под смертною казнью, <...> чтоб посольским договорным статьям нарушение не было¹¹.

Однако с китайской стороны постоянно предъявлялись требования о прекращении нарушения границ, разграничении земель, выдаче перебежчиков, запрете на продвижение русских купеческих караванов, ограничивалась торговля на территории империи. Таким образом, положения Нерчинского договора, со времени подписания которого минуло почти сорок лет, практически не выполнялись. Фактически требовалось заключение нового межгосударственного всеобъемлющего соглашения.

Для выполнения этого сложнейшего дела в ранге чрезвычайного посланника и полномочного министра и был избран С.Л. Владиславич-Рагузинский, высокопрофессиональный дипломат, обладавший не только большими знаниями и жизненным опытом, но и прекрасно понимавший все тонкости и нюансы восточной дипломатии. О важности предстоявшего дела свидетельствует инструкция Коллегии иностранных дел, выданная послу и состоявшая из сорока пяти пунктов¹².

Трудности преодоления колоссальных расстояний между столицами двух империй описаны в путевом журнале, который Савва Лукич вел более трех лет – с 12 октября 1725 г. по 18 декабря 1728 г. В пути посольство останавливалось на длительное время в Москве, Тобольске и Иркутске. Во время пребывания в Иркутске – три месяца и одиннадцать дней – он занимался изучением исторических документов, касавшихся пограничных отношений России с Китаем, ведомостей о состоянии пограничных населенных пунктов, которые были доставлены из всех приграничных и внутренних сибирских городов. По его указанию для описания пограничных местностей были посланы геодезисты, проведена большая подготовительная работа для последующего продвижения посольства¹³.

После встречи в Пекине и аудиенции у императора С.Л. Владиславич-Рагузинский использовал опыт посольства Ф.А. Головина и предложил перенести работу над межгосударственным договором из имперской столицы на берега реки Буры. В ходе переговоров русский посол продемонстрировал большое дипломати-

¹⁰ A Documentary Chronicle of Sino-Western Relations... P. 20, 24.

¹¹ № 1. 1700 г. января ранее 27. Отписка селенгинского приказчика А. Москвитинова иркутскому воеводе И.Ф. Николеву об ознакомлении селенгинских служивых людей с указом о запрещении нарушать границу с цинской империей // Русско-Китайские отношения в XVIII веке. Т. 1. URL: <https://www.abirus.ru/content/564/623/626/14338/16913/16914/> (дата обращения: 03.11.2021).

¹² № 56. 1725 г. сентября 14. Инструкция Коллегии иностранных дел С.Л. Владиславичу-Рагузинскому о посольстве в Цинскую империю // Русско-китайские отношения в XVIII веке. Т. 2. URL: <https://www.abirus.ru/content/564/623/626/14338/16913/16915/17085.html> (дата обращения 05.11.2021).

¹³ № 88. 1725 г. октября 12 – 1728 г. декабря 18. Путевой журнал С.Л. Владиславича-Рагузинского // Там же. URL: <https://www.abirus.ru/content/564/623/626/14338/16913/16915/> (дата обращения 05.11.2021).

ческое искусство, что позволило отклонить все территориальные претензии маньчжурской стороны и попытки навязать неравноправные условия в работе сторон. Буринский договор, установивший линию границы между двумя империями на западе и востоке от российского караульного строения на речке Кяхте, был подписан на базе принципа «каждый владеет тем, что у него есть»¹⁴.

В Кяхтинском договоре, «чтоб между обоими Империями мир крепчайший был и вечный», фиксировались границы, действия в отношении нарушителей и перебежчиков, порядок урегулирования пограничных споров местными администраторами, предусматривались новые правила приема посольств и дипломатической переписки между государствами, решались проблемы с титулованием глав государств, вопросы упорядочения торговых отношений между двумя странами, включая свободную и беспошлинную приграничную торговлю, юридически оформлялось пребывание Русской духовной миссии в Пекине и другие насущные вопросы двусторонних отношений¹⁵. Вполне обоснованно составители словаря Брокгауза и Ефрона так охарактеризовали результат деятельности графа Владиславича-Рагузинского в Китае: «Изворотливость мандаринов и двуличность богдыхана разбили об энергию и стойкость посла»¹⁶.

Отмечая решающую роль С.Л. Владиславича-Рагузинского в заключении Кяхтинского договора, имевшего государственное значение и укрепившего положение России на Востоке, необходимо остановиться на некоторых важных и малоисследованных аспектах его деятельности как видного российского дипломата XVIII в. и проводника петровских реформ, оказавшего влияние на жизнь сибирской части России.

Регулирование дела посольского

После успеха посольства С.Л. Владиславича-Рагузинского и подписания в 1727 г. прелиминарного Буринского трактата и Кяхтинского договора дипломатические обмены активизировались, чему немало способствовала юридически оформленная в Пекине Русская духовная миссия, которая состояла из нескольких человек и продолжительное время фактически являлась дипломатическим представительством Российской империи. Однако некоторые западные специалисты высказывают прямо противоположные суждения о роли Русской духовной миссии и ее значении в поддержании и развитии русско-китайских отношений. В частности, утверждается, что русская духовная миссия потерпела неудачу и как миссионерский орган, и как научный, а представителям русского духовенства не удалось наладить полноценное функционирование миссии как дипломатического учреждения¹⁷. Такие суждения оставляют место для дискуссии.

В статье 9 Кяхтинского договора оговаривались правила обмена посольствами во главе с великими и малыми послами, передвижение посланников и курьеров, предусматривались новые правила дипломатической переписки между государствами, решались проблемы с титулованием глав государств¹⁸.

Постепенно отрабатывалась дипломатическая практика посещения посольствами Цинской империи России, первого европейского государства, которое посетили дипломаты Поднебесной. В процессе обеспечения путешествий, организации

¹⁴ Сборник договоров России с Китаем. 1689–1881 гг. СПб., 1889. С. 11–14.

¹⁵ Там же. С. 50–60.

¹⁶ Владиславич-Рагузинский, Савва Лукич // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. VIA (12). СПб., 1892. С. 657.

¹⁷ См. например: *Widmer Eric D.* The Russian ecclesiastical mission in Peking during the eighteenth century. Cambridge, 1976. 262 p.

¹⁸ Сборник договоров России с Китаем... С. 58.

приемов и бесед с послами русские дипломаты вырабатывали основные правила проведения протокольных мероприятий, оттачивали нюансы дипломатического этикета¹⁹.

В документах того времени находим информацию о том, что проезд посольств через большие русские города, в т.ч. и в сибирской части России, сопровождался воинскими почестями, салютами, организацией официальных приемов с угощениями. Есть указания на то, что

3 июня 1729 г. Ли-фань-юань направил Правящему Сенату письмо, в котором указывалось на желание императора направить миссию с целью поздравить Петра II с недавним вступлением на российский престол в обмен на поздравительное посольство Владислава в Китай. Сенат 23 октября ответил, что миссия будет очень приветствоваться и будет сопровождена в Москву с полным почетом при условии, только если власти Пекина проинформируют Москву о численности и звании членов посольства. Титулярному советнику Ивану Глазунову, бывшему ранее с Владиславичем, почти сразу же (31 октября) приказали выехать на границу, чтобы подготовить встречу и приветствовать послов канонадой в Селенгинске, Иркутске и Тобольске²⁰.

Также сообщалось, что при въезде цинского посольства в Москву 14 января 1731 г.

...у Красных ворот столицы были выстроены четыре полка; в честь китайских послов как представителей дружественного государства был произведен артиллерийский салют, состоявший из 31 залпа²¹.

Размещали послов с учетом национальных обычаев, привычек и вкусов:

Свита из тридцати пяти человек во главе с чиновником Ли-фань-юаня прибыла в Москву в начале января 1731 г. и разместилась в небольшом пригородном поселке Алексеевское. Через три дня посетителей проводили в загородный дом и.о. тайного советника Василия Федоровича Салтыкова, где угощали за огромными столами с едой, кондитерскими изделиями и питьем, а также исполняли серенаду под музыку. 26 января, наконец, была назначена первая императорская аудиенция. Перед послами шли девять карет, которые везли в дар фарфор, лакированную посуду, тонкие стальные сабли в золотой оправе и другие ценные предметы²².

В программу пребывания посольств, как правило, включались аудиенции у высшего руководства страны. При посещении членами посольства в 1732 г. Петербурга, а затем на обратном пути в Москве

китайские послы были приняты с большим вниманием и торжественностью. В Петербурге они осмотрели Кунсткамеру и встречались с китаеведами, служившими в Российской Академии наук. В Москве им были показаны фабрики, заводы и культурные достопримечательности²³.

«Границы суть дело зело важное...»

Урегулирование пограничных вопросов на переговорах с цинскими дипломатами было самой сложной частью работы С.Л. Владиславича-Рагузинского. В статье 3 согласованного и подписанного текста Кяхтинского договора мы находим

¹⁹ См.: Русско-китайские отношения в XVIII в. Т. 1. № 91–101. URL: <https://www.abirus.ru/content/564/623/626/14338/16913/16914/> (дата обращения 04.11.2021).

²⁰ Foust Clifford M. *Muscovite and Mandarin; Russia's trade with China and its setting, 1727–1805*. Chapel Hill, University of North Carolina Press, 1969. P. 58–59.

²¹ Реализация русской дипломатией Кяхтинского договора с Китаем (середина XVIII века) // Русско-китайские отношения в XVIII веке. Документы и материалы / отв. ред. С.Л. Тихвинский. М., 2011. Т. 6. С. 8.

²² Foust Clifford M. *Muscovite and Mandarin...* P. 60.

²³ Реализация русской дипломатией... С. 9.

упоминания о личном осмотре послом межгосударственной границы²⁴. Однако после установления границы необходимо было решить проблемы кочующего коренного населения,

которые подлые люди воровски заочевали, завладев землями, и внутри юрты поставили, сысканы и в собственные кочевания переведены», а также перебежчиков «обоих государств люди, которые перебежали туда и сюда, сысканы и установлены жить в своих кочевьях. И тако пограничное место стало быть чисто²⁵.

В XVII в. русское правительство достаточно сдержанно относилось к тому, чтобы вопросы двусторонних отношений решались сибирскими властями. Так, в приговоре боярской думы от 31 декабря 1616 г. говорилось:

... с Китайским государством ссылке не быти... в Китайское государство велено послать не посольство и не от себя, ис казаков или ис каких людей не будут, затеяв, будто ненароком отколе к ним вышли²⁶.

В грамотах сибирским воеводам содержался прямой запрет устанавливать и поддерживать контакты с Китаем.

А вперед бы <...> с китайским государством без нашего указу ни о чем ссылки не держали <...> о послех ссылаться не велено²⁷.

Это свидетельствовало о принципах внешней политики на Востоке и стремлении московского руководства того времени к централизации управления дипломатической деятельностью.

В Кяхтинском договоре, напротив, особо отмечалась роль местной сибирской администрации в урегулировании многочисленных вопросов на границе. Так, в статье 4 зафиксировано:

С одной же стороны и с другой равное число служивых да установится, над которыми управляют равного рангу офицеры, которые единодушно место да стерегут и несогласия да разводят²⁸.

В статье 6 говорилось:

Ежели же от границ и порубежных мест пошлются письма о перебежчиках, воровствах, и протчих сим подобных нуждах, то которые пребывают на границах российских городов начальники²⁹.

Наконец, в вопросе об улучшении сообщения между двумя странами, регулирования процедуры документального оформления взаимного въезда и выезда констатировалась необходимость введения печатных паспортов. Одним из субъектов, который мог обращаться к цинской администрации за оформлением такого паспорта, определялся тобольский губернатор, о чем свидетельствует статья 6. Одновременно, при расширении внешнеполитических полномочий местных властей, в статье 8 предусматривалось наказание для чиновников на местах, затягивающих решение вопросов ради своих корыстных интересов:

²⁴ Сборник договоров России с Китаем... С. 51.

²⁵ Там же. С. 53.

²⁶ Русско-китайские отношения в XVII веке. Материалы и документы / сост. Н.Ф. Демидова, В.С. Мясников: в 2 т. М., 1969. Т. С. 99–100.

²⁷ Курц Б.Г. Русско-китайские сношения в XVI, XVII и XVIII столетиях. Харьков, 1929. С. 26.

²⁸ Сборник договоров России с Китаем... С. 54.

²⁹ Там же. С. 56.

А ежели будет замедление за свою партикулярную корысть, тогда каждое государство да накажет своих по своим правам³⁰.

До заключения Кяхтинского договора охрана русско-китайской границы практически организована не была. Понимая, что

дело пограничное превеликое и граничится единожды в несколько веков человеческих, и всякому верному подданному по силе своего разума доведется лишние труды приложить³¹,

Савва Лукич лично принимал активное участие в налаживании обустройства и организации охраны вновь проведенной границы. По его распоряжению строились пограничные маяки, создавались пограничные караулы, работала геодезическая служба. Он разработал подробные инструкции для пограничной администрации. Одной из таких инструкций предписывалось проводить ежегодные

объезды пограничных маяков... в летнее время, с мая месяца по октябрь, осматривать маяки и которые развалились починивать, а которые малы, оных прибавлять, дабы все были на мере равномерны величиною... надлежит... всяким образом трудиться свитою по оным по горам чинить разезд по границе и маяки починивать для предков³².

Еще во время пребывания в Восточной Сибири и Забайкалье С.Л. Владиславич-Рагузинский занимался упорядочением отношений между местной администрацией и коренным населением. Он сообщал, что за время, прошедшее после заключения Нерчинского договора, буряты и эвенки стали лучше относиться к властям:

Служат верою России, не уступая природным россиянам: своим оружием и кочеванием границу распространяли, мунгальской землицы великою частью завладели, на границы с великим чаением и верностью были доброоружены и доброконны, держали оную почти по всему расстоянию в многолюдстве; прикрытием границ и разезда служили без жалованья с добрым сердцем и учтивостью, на которых я имел большую надежду, видя их храбрость и усердие³³.

По решению Владиславича-Рагузинского к охране государственной границы начали привлекать представителей коренных народов. С принятием на государственную службу их возводили в статус казаков. В некоторых родах, особенно бурятских, было заведено правило вручать знамена и учреждать должности знаменщиков, которые считались почетными. Контроль над работой пограничной администрации граф возложил на членов своего посольства.

Прямая дорога купечества

Основным документом, регулировавшим русско-китайскую торговлю в конце XVII в., являлся Указ Петра I от 1698 г., который несколько смягчил строгие правила «Наказа таможенным головам», составленного в 1693 г. для Сибири. В соответствии с этим Указом,

товары частных торговцев больше не подлежали осмотру в каждом городе и на каждой рыночной ярмарке, но только в ... Верхотурье и Нерчинске... Что касается самих караванов, то Указ

³⁰ Сборник договоров России с Китаем... С. 58.

³¹ № 5. 1727 г. мая 10. Письмо С. Л. Владиславича-Рагузинского иркутскому коменданту М. П. Измайлову о подготовке к разграничению // Русско-китайские отношения в XVIII веке. Т. 3. URL: <https://www.abirus.ru/content/564/623/626/14338/16913/16916/17383.html> (дата обращения 06.11.2021).

³² Цит. по: *Постников А.В.* Работы по организации охраны и картографирования территорий, разграниченных между Российской империей и цинским Китаем по условиям Нерчинского договора (1689 г.) и Кяхтинского (Буринского) трактата 1727 г. // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2016. Т. 17. С. 13.

³³ История Бурят-Монгольской АССР / изд. 2. Улан-Удэ, 1954. Т. 1. С. 137–138.

1698 г. предусматривал, что они должны путешествовать не чаще одного раза в два года. За четыре года до издания указа караваны, очевидно, были ежегодными и угрожали насытить китайские рынки... Иностранцев не допускали к участию в этой китайской торговле, за исключением специального разрешения, предоставленного Сибирским приказом³⁴.

В начале XVIII в. Петром I был издан Указ о караванной торговле и миссионерской деятельности православного духовенства в Сибири и Цинской империи. По нему на торговлю с Китаем распространился «Наказ таможенным головам» 1693 г., учитывавший все особенности местной торговли, в т. ч. китайскими товарами³⁵. Однако ко времени прибытия в Пекин посольства во главе с Владиславичем-Рагузинским шаги, предпринимаемые китайской стороной, фактически привели к почти полному прекращению двусторонней торговли. Для скорейшего исправления ситуации Коммерц-коллегией был подготовлен список вопросов, включенных в инструкцию Коллегии иностранных дел, настоятельно требовавших своего решения. Перед посольством ставилась задача рассматривать территориальное размежевание как основу для расширения торговых связей. Это было настолько важно, что разрешалось при необходимости идти на некоторые уступки³⁶. В связи с этим в Кяхтинском договоре следующим после вопроса о государственной границе было урегулирование проблем торговли: определялось количество купцов, регулярность движения их торговых караванов. Статья 4 устанавливала режим свободной и беспошлинной торговли между Россией и Китаем, при этом оговаривалось, что число купцов не будет более двухсот человек, «которые по каждых трех годах могут приходить единожды в Пекин». Не разрешалось торговать запрещенными товарам. На границах около Нерчинска и Кяхты «ради меньшаго купечества» (то есть для мелких торговцев, не участвовавших в караванной торговле) предполагалось создать торговые дворы, на которых разрешалось вести торговлю любому желающему. В противном случае товары подлежали конфискации в пользу государства³⁷.

Обустройство границы и торговых территорий потребовало от графа Владиславича-Рагузинского больших организационных усилий, связанных со строительством новых городов и крепостей, а также укреплением имевшихся. Уже в ходе переговоров с цинскими дипломатами Савва Лукич начал укрепление Селенгинской крепости, для которой он подобрал новое место. В Селенгинск проездом через Иркутск для подготовки проекта крепости был направлен Абрам Петров (Ганнибал)³⁸. В это время начали строить и Ново-Троицкую крепость, представлявшую собой острог с четырьмя бастионами и церковью Святой Троицы с приделом Святого Саввы Сербского. Граф подарил ей церковную утварь и книги. Крепость дала начало городу Троицкосавску (ныне г. Кяхта), названному так в честь ее основателя и строителя. В нескольких верстах от речки Буры, где проходили переговоры и обсуждалось содержание прелиминарного Буринского трактата, к осени 1728 г. была

³⁴ Fous Clifford M. Muscovite and Mandarin... P. 8–9.

³⁵ № 5. 1700 г. июня 18. Указ царя Петра I по вопросам караванной торговли и миссионерской деятельности православного духовенства в Сибири и Цинской империи // Русско-Китайские отношения в XVIII веке. Т. 1. URL: <https://www.abirus.ru/content/564/623/626/14338/16913/16914/16923.html> (дата обращения 03.11.2021).

³⁶ № 24. 1725 г. августа 10. Пункты, представленные Коммерц-коллегией в Коллегию иностранных дел для включения в инструкцию С.Л. Владиславичу-Рагузинскому // Русско-китайские отношения в XVIII веке. Т. 2. URL: <https://www.abirus.ru/content/564/623/626/14338/16913/16915/17012.html> (дата обращения: 05.11.2021).

³⁷ Сборник договоров России с Китаем... С. 53–54.

³⁸ № 38. 1727 г. августа 3. Письмо сибирского губернатора М.В. Долгорукова С. Л. Владиславичу-Рагузинскому об отправлении поручика А. П. Ганнибала для постройки новой Селенгинской крепости // Русско-китайские отношения в XVIII веке. Т. 3. URL: <https://www.abirus.ru/content/564/623/626/14338/16913/16916/17468.html> (дата обращения 06.11.2021).

возведена Кяхтинская слобода с избами для купцов, гостиным двором, амбарами и подсобными помещениями, первый камень в основание которой заложил в торжественной обстановке лично граф Владиславич-Рагузинский, памятуя о примере своего покровителя Петра Великого.

Православная миссия в Пекине

С 1700 г. в связи с Указом Петра I по вопросам караванной торговли и миссионерской деятельности православного духовенства в Сибири и Цинской империи началось изменение политики русского правительства в религиозной сфере в отношении русских поселенцев и коренного населения Восточной Сибири³⁹. Кяхтинский договор также содержал вопросы организации духовного окормления россиян, находившихся по роду своей деятельности в Пекине. Статьей 5 предусматривалось устройство дома для постоянного проживания четырех священников и церкви, где дипломатам и купцам «не будет запрещено молиться и почитать своего Бога по своему закону»⁴⁰. При этом священники находились на обеспечении наравне с членами посольства. Кроме того, было

назначено в Пекине держать ея императорского величества из российских подданных шесть человек школьником для науки мунгальского, китайского и маньчжурского языков и письма, которые Росийскому империи не без нужды суть, и дабы были между оными два человека, которые б знали латинской язык, чтоб могли китайских школьником в своей бытности тому языку учить взаимно. А вышеписанным школьником, шести человеком, постановлено, что будет давано из казны богдыханова величества корм и жалованье по тамошнему обыкновению⁴¹.

Таким образом, благодаря усилиям Саввы Лукича Владиславича-Рагузинского православная миссия в Пекине на начальном этапе выполняла функции образовательного языкового центра. Позднее она превратится в центр изучения Китая, а вместе с иркутской школой монгольского языка, «первым монголоведным учебным заведением в России»⁴², впоследствии сыграет важнейшую роль в становлении российского востоковедения.

Выводы

Как видно из проведенного исследования, Савва Лукич Владиславич-Рагузинский на протяжении многих лет являлся сподвижником Петра I, принимавшим деятельное участие в преобразованиях первого российского императора, реализация которых оказала заметное влияние на различные аспекты истории народов России. В особенности это касается его пребывания в Восточной Сибири в период и после выполнения им дипломатической миссии в Цинскую империю.

Благодаря успешной деятельности графа Владиславича-Рагузинского во главе русского посольства в Пекине состоялось подписание Буринского и Кяхтинского трактатов, заложивших правовую основу для налаживания отношений между двумя крупнейшими империями в течение последующих веков, что существенно повлияло на развитие всего региона, изменение его роли во внешней политике России на Дальнем Востоке.

³⁹ № 5. 1700 г. июня 18... URL: <https://www.abirus.ru/content/564/623/626/14338/16913/16914/16923.html> (дата обращения: 03.11.2021).

⁴⁰ Сборник договоров России с Китаем... С. 55.

⁴¹ № 52. 1727 г. сентября 5. – Указ из Походной посольской канцелярии агенту Л. Лангу о жалованье ученикам монгольского, маньчжурского и китайского языков, отправляющимся в Пекин // Русско-китайские отношения в XVIII веке. Т. 3. URL: <https://www.abirus.ru/content/564/623/626/14338/16913/16916/17493.html> (дата обращения: 06.11.2021).

⁴² *Литованный Е.И.* Становление и развитие иркутской школы монголоведения. URL: http://mion.isu.ru/ru/news/docs/2009_09_24.pdf (дата обращения: 30.10.2021).

В области политико-дипломатической наступил период активизации дипломатических обменов. Русская духовная миссия продолжительное время выполняла дипломатические функции, являясь представительством Российской империи. Были установлены правила обмена посольствами и дипломатической переписки между государствами. Россия стала первым европейским государством, с которым Поднебесная наладила регулярный обмен официальными миссиями.

Усилиями С.Л. Владиславича-Рагузинского была организована планомерная делимитация и демаркация вновь установленной русско-китайской границы, налажена работа по ее обустройству и охране, начало улучшаться сообщение между двумя странами, регулирование процедуры документального оформления взаимного въезда и выезда, вводились печатные паспорта, расширились внешнеполитические полномочия местных властей.

Обустройство границы и торговых территорий потребовало от графа Владиславича-Рагузинского больших организационных усилий, связанных со строительством новых городов и крепостей, а также укреплением имевшихся, приведших к развитию всей территории Восточной Сибири и Забайкалья. При непосредственном участии Владиславича-Рагузинского были упорядочены отношения между местной администрацией и коренным населением, что повлекло за собой улучшение отношения бурят и эвенков к властям и дало возможность привлекать представителей местных народов на государственную службу по охране границы.

В торгово-экономической области заключение Кяхтинского договора стало поворотным историческим моментом. В результате усилий российского посольства и лично Владиславича-Рагузинского были созданы благоприятные условия для развития взаимовыгодного экономического сотрудничества России и Китая. Товарооборот между странами приобрел регулярный характер, определялся порядок торговли, была налажена инфраструктура, которая позволила русским купцам использовать преимущества старых торговых путей, по которым шла торговля чаем и шелком, одновременно развивая новые торговые направления с Запада на Восток. Представляется возможным утверждать, что с заключением Кяхтинского договора русско-китайские отношения вышли на качественно новый уровень. Сбалансированный учет государственных и частных интересов в статьях соглашения позволил подготовить основу для развития деловой коммуникации в межгосударственном масштабе.

Как видим, время не умало той роли, которую сыграл выходец из старинного сербского рода Савва Лукич Владиславич в установлении добрососедских отношений между народами. И сегодня отношения между славянскими народами Средиземноморья и России, России и Китая превосходят союзнические отношения, о чем мечтал российский император Петр Великий.

Поступила в редакцию / Submitted: 31.08.2021

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 15.10.2022

Принята к публикации / Accepted for publication: 15.01.2023

References

- Bazarova, T.A. "Vizit S.L. Vladislavicha-Raguzinskogo k Petru Velikomu v Pirmont (iyun' 1716). [Visit of S.L. Vladislavich-Raguzinsky to Peter the Great in Pymont (June 1716)]." *Trudy Sankt-Peterburgskogo instituta istorii RAN*, no. 5 (2019): 145–169 (in Russian).
- Brown, Delmer M., ed. *A Documentary Chronicle of Sino-Western Relations (1644–1820)*. Tucson: The University of Arisona Press, 1966.
- Duchich, Iovan. *Graf Savva Vladislavich: Serb-diplomat pri dvore Petra Velikogo i Ekateriny I* [Count Savva Vladislavich: Serbian diplomat at the court of Peter the Great and Catherine I]. St. Petersburg: ITD Skifiya Publ., 2009 (in Russian).

- Foust, Clifford M. *Muscovite and Mandarin; Russia's Trade with China and its Setting, 1727–1805*. Chapel Hill, University of North Carolina Press, 1969.
- Kurc, B.G. *Russko-kitaiskie snosheniia v XVI, XVII u XVIII stoletiiakh* [Russian-Chinese Relations in the 16th, 17th and 18th Centuries]. Kharkov: Ukrainian State Publ., 1929 (in Russian).
- Leshchilovskaya, I.I. “Serb – spodvizhnik Petra I. Graf Raguzinskii [Serb – associate of Peter I. Count Raguzinsky].” In *Slavyanskii al'manakh*. Moscow (2003): 70–93 (in Russian).
- Lishtovannyi, E.I. *Stanovlenie i razvitie Irkutskoi shkoly mongolovedeniia* [Formation and development of the Irkutsk school of Mongolian studies], http://mion.isu.ru/ru/news/docs/2009_09_24.pdf (in Russian).
- Mancall, M. *Russia and China: their diplomatic relations to 1728*. Cambridge: Harvard University Press, 1971.
- Martinovich, D. *Generali iz Crne Gore u ruskoj vojsci*. Podgorica: CID Publ., 2002 (in Serbian).
- Mazina, A.Ya. “Zhalovannaia gramota Petra I nadvornomu sovetniku Savve Raguzinskomu za vernuyu i userdnuyu sluzhbu [Letter of commendation of Peter I to court councilor Savva Raguzinsky for faithful and diligent service].” *Iskusstvo Evrazii*, no. 4 (2018): 180–191 (in Russian).
- Pavlenko, N.I. *Vokrug trona* [Around the throne]. Moscow: Mysl' Publ. 1998 (in Russian).
- Widmer, Eric D. *The Russian Ecclesiastical Mission in Peking during the Eighteenth Century*. Harvard University Asia Center, 1976.

Информация об авторах / Information about the authors

Лариса Викторовна Занданова, д-р истор. наук, профессор, заведующий кафедрой истории и методики Педагогического института, Иркутский государственный университет; 664003, Иркутск, ул. К. Маркса, 1; zandanova@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2063-8568>

Larisa V. Zandanova, Dr. Habil. Hist., Professor, Head of the Department of General History and Methods, Pedagogical Institute, Irkutsk State University; 1, K. Marx Str., Irkutsk, 664003, Russia; zandanova@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2063-8568>

Николай Николаевич Пузыня, д-р истор. наук, профессор кафедры истории и методики Педагогического института, Иркутский государственный университет; 664003, Иркутск, ул. К. Маркса, 1; stazirovka@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7321-1157>

Nikolay N. Puzynya, Dr. Habil. Hist., Professor of the Department of General History and Methods, Pedagogical Institute, Irkutsk State University; 1, K. Marx Str., Irkutsk, 664003, Russia; stazirovka@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7321-1157>

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-1-21-33>

Научная статья / Research article

За кулисами Джамского похода: планирование Россией военных действий в Центральной Азии в 1878 г.

Олег Алпеев

Военная академия Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации,
Москва, Россия

✉ oalpeev@yandex.ru

Аннотация: Рассматривается процесс планирования действий русских войск в Центральной Азии в 1878 г., связанный с подготовкой к возможной войне с коалицией Великобритании, Австро-Венгрии и Турции. Разработка плана военной кампании в этом регионе была вызвана неспособностью русской армии, ослабленной Русско-турецкой войной 1877–1878 гг., вести активные военные действия в Европе. Вместо этого предполагалось воздействовать на Великобританию путем создания угрозы ее богатейшей колонии – Индии. В исторической литературе нет однозначного ответа на вопрос о целях Джамского похода русской армии. Цель исследования – не только раскрыть содержание замысла несостоявшейся кампании и реконструировать план действий русских войск в случае войны против Великобритании в Центральной Азии, но и показать его значение в дальнейшем процессе стратегического планирования в регионе. Делается вывод, что русское военно-политическое руководство первоначально рассчитывало осуществить вторжение в Индию, но под воздействием изменившейся обстановки ограничилось ведением демонстрационных действий. Результаты жамской экспедиции поставили перед русским командованием задачу поиска плацдарма для возможного продвижения в сторону Индии. Опыт неудачного похода подтолкнул военное руководство России к разработке планов войны с Великобританией, предусматривающих ведение наступательных действий на гератском направлении.

Ключевые слова: стратегическое планирование, Афганистан, Британская Индия, К.П. фон Кауфман, Туркестанский военный округ

Для цитирования: Алпеев О.Е. За кулисами Джамского похода: планирование Россией военных действий в Центральной Азии в 1878 г. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2023. Т. 22. № 1. С. 21–33. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-1-21-33>

Behind the Scenes of the Jam Expedition: Russia's Planning of Warfare in Central Asia in 1878

Oleg Alpeev

Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation,
Moscow, Russia

✉ oalpeev@yandex.ru

Abstract: The author examines Russia's planning of warfare in Central Asia in 1878 while preparing for a possible war with the coalition of Great Britain, Austria-Hungary and Turkey. The development of the war plan was caused by the inability of the Russian army weakened by the Russo-Turkish War of 1877–1878 to conduct active military operations in Europe. Instead, it was aimed to influence Great Britain by creating a threat to its richest colony – India. In the historical literature there is no clear answer to the question about the goals of the unsuccessful Jam expedition. In this regard, the aim of this research is to reveal the content of

© Алпеев О.Е., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

the failed campaign's plan based on the available historical sources and try to reconstruct Russia's war plan against Great Britain in Central Asia, as well as to show its significance in the further process of war planning in the region. The author comes to conclusion that the Russian military-political leadership initially expected to invade India, but due to the changed situation they conducted just demonstration actions. The failure of the Jam expedition showed the Russian commanders the need to search for a springboard for future actions against India. Moreover, based on the experience of the unsuccessful campaign, the Russian commanders began regular planning for war against Great Britain in Central Asia which provided for the conduct of offensive operations in the direction of Herat.

Keywords: war planning, Afghanistan, British India, Jam, K.P. von Kaufman, Turkestan military district

For citation: Alpeev, Oleg. "Behind the Scenes of the Jam Expedition: Russia's Planning of Warfare in Central Asia in 1878." *RUDN Journal of Russian History* 22, no. 1 (February 2023): 21–33 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-1-21-33>

Введение

В первой половине 1878 г. перед Россией, только что завершившей войну с Турцией, возникла перспектива нового вооруженного столкновения с коалицией Великобритании, Австро-Венгрии и Османской империи. Печальный опыт Крымской войны 1853–1856 гг. и недостаточная готовность армии и флота к новому конфликту заставили военно-политическое руководство страны рассматривать любые возможности сохранить плоды победы русского оружия. Исчерпав все средства продолжать борьбу на Балканах, военное ведомство России перенесло свой взгляд с берегов Босфора на пустынные равнины и предгорья Центральной Азии. Активизация русской военной и дипломатической деятельности открыла новую страницу международных отношений в этом регионе, спровоцировав Вторую англо-афганскую войну 1878–1880 гг., приведшую к потере Россией влияния в Афганистане.

Основным средством военно-дипломатического давления на британское правительство стала миссия генерал-майора Н.Г. Столетова к афганскому эмиру Шир-Али, призванная заключить антибританский союз. Предполагалось также сосредоточение войск Туркестанского военного округа в кишлаке Джам, на границе с Бухарским эмиратом. Вместе с тем вопрос о вероятных целях, возлагаемых на русские войска в Средней Азии, до сих пор остается открытым. Готовились ли они к походу в Афганистан и дальнейшему вторжению в Индию или с самого начала на отряд возлагалась задача служить средством, по современной терминологии, «стратегического сдерживания» и ограничиться демонстрационными действиями на подступах к индийской границе?

В научной литературе преобладает точка зрения на подготовку и планирование так и несостоявшегося, Джамского похода, согласно которой сосредоточение русских войск на границе с Бухарой не предназначалось для полномасштабной военной экспедиции и преследовало цель оказать давление на Великобританию во время Берлинского конгресса¹. Среди зарубежных авторов данную позицию разделяют Р. Джонсон², А. Маршалл³, М. Эванс⁴, А. Моррисон⁵.

¹ См.: Худоятов Г.А. Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX в. (60–70-х гг.) Ташкент, 1969. С. 259–261; Киятина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России (вторая половина XVIII – 80-е годы XIX в.). М., 1984. С. 305; Айранетов О.П. История внешней политики Российской империи. 1801–1914 гг.: в 4 т. М., 2018. Т. 3. С. 506; «Большая игра» в Центральной Азии: «Индийский поход» русской армии: сборник архивных документов / сост. Т.Н. Загородникова. М., 2014.

² Johnson R. Spying for Empire. The Great Game in Central and South Asia, 1757–1947. London; St. Paul, 2006. P. 146.

³ Marshall A. The Russian General Staff and Asia, 1860–1917. London; New York, 2006. P. 135–136.

⁴ Ewans M. Securing the Indian Frontier in Central Asia. Confrontation and Negotiation. London; New York, 2012. P. 70.

⁵ Morrison A. 1) Beyond the «Great Game»: the Russian Origins of the Second Anglo-Afghan War // Modern Asian Studies. 2017. Vol. 51. № 3. P. 686–735; 2) The Russian Conquest of Central Asia. A Study in Imperial Expansion, 1814–1914. Cambridge, 2021. P. 430.

Однако в исторических трудах существует и альтернативная точка зрения. Еще в первом комплексном, и по сей день не утратившем актуальности, военно-политическом исследовании генерал-лейтенанта М.А. Терентьева проскальзывают намеки на более амбициозные цели, преследуемые генерал-губернатором, командующим войсками Туркестанского военного округа, К.П. фон Кауфманом, назначенным руководить экспедицией⁶. Современный российский историк Е.Ю. Сергеев в монографии, посвященной Большой игре – противостоянию России и Великобритании в Центральной Азии, назвал целью экспедиции русских войск поход в Индию, но убедительных документальных подтверждений своей точки зрения не представил⁷.

Отсутствие однозначного ответа на вопрос о целях военной акции России в Центральной Азии в 1878 г. можно объяснить тем, что до нас не дошли планирующие документы полевого штаба действующих на южных рубежах империи войск. Кроме того, свое влияние на изучение военно-дипломатического противоборства России и Великобритании в этом регионе оказала и политическая конъюнктура.

Цель настоящего исследования – на основании сохранившихся исторических источников, прежде всего документов Российского государственного военно-исторического архива, раскрыть содержание замысла руководства российских войск в случае начала военных действий против британских владений на Индостане и выявить его роль в дальнейшем процессе стратегического планирования России в Центральной Азии.

Также привлечены материалы, хранящиеся в Архиве внешней политики Российской империи, Российском государственном военном архиве, Государственном архиве Российской Федерации и National Archives of India.

Военно-политическая обстановка в Европе после окончания Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

Подготовка России к новой войне началась после разгрома последней боеспособной турецкой армии Сулеймана-паши в сражении при Филиппополе 3–5 января 1878 г., окончательно предопределившем военное поражение Турции. В ночь на 10 января главнокомандующий Действующей армией великий князь Николай Николаевич запросил у императора Александра II указания на случай занятия Константинополя и возможной интервенции Великобритании, которая справедливо расценивалась военно-политическим руководством России как ядро формирующейся враждебной коалиции⁸.

После подписания Сан-Стефанского мирного договора 19 февраля 1878 г. Великобритания и Австро-Венгрия, опасаясь усиления позиций России на Балканах, потребовали вынести решение спорных вопросов на рассмотрение Великих держав. 1 (13) февраля Великобритания ввела в Мраморное море эскадру адмирала Дж. Горнби.

Агрессивные шаги сент-джеймского кабинета вынудили Александра II и его окружение начать подготовку к новой войне. Основа российского военного планирования зимой – летом 1878 г. была заложена в записке, предположительно подготовленной генерал-лейтенантом Н.Н. Обручевым, занимавшим должность управляющего делами Военно-ученого комитета Главного штаба. Она датируется концом января – началом февраля, но, вероятнее всего была составлена до 6 февраля⁹.

⁶ См., например: *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. СПб., 1906. Т. 2. С. 439.

⁷ *Сергеев Е.Ю.* Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М., 2012. С. 153–167.

⁸ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. 138. Оп. 467. Д. 29/30. Л. 44–44 об.

⁹ Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 846. Оп. 3. Д. 31. Л. 17–28, 35–39; Документ также опубликован в: *Алтеев О.Е.* Война после победы?.. Планы

В документе генерал рассмотрел складывающуюся военно-политическую обстановку и предложил планы действий на случай войны с союзом Великобритании, Австро-Венгрии и Турции. В записке он рассмотрел два варианта развития событий: 1) война против Великобритании и Турции, 2) война против Великобритании, Австро-Венгрии и Турции. В первом случае он склонялся к продолжению ведения активных действий на Балканах и захвату Босфора. По второму, наиболее тяжелому сценарию, Обручев предлагал готовиться к наступлению против Австро-Венгрии, на Балканском же полуострове ограничиться обороной.

Необходимо отметить, что в начале 1878 г. командование русской армии и Н.Н. Обручев недооценивали значение подготовки к боевым действиям против Великобритании на второстепенных удаленных театрах, в т. ч. в Центральной Азии. Сам автор отмечал в записке:

Помимо Босфора мы можем действовать на решения Англии раздачей каперских свидетельств и демонстрациями в Средней Азии. Но оба эти средства только паллиативы, самая организация коих представляет еще много проблематичного¹⁰.

Александр II, оставивший на записке помету: «Все эти опасения и я вполне разделяю», одобрил предложения Н.Н. Обручева, которые были приняты Главным штабом к руководству при составлении утвержденного 24 февраля 1878 г. Александром II плана развертывания войск Российской империи на случай новой войны¹¹.

В марте 1878 г. военно-политическая обстановка изменилась в худшую для России сторону. Правительство премьер-министра Б. Дизраэли активно готовилось к войне: еще 28 января канцлер Казначейства баронет сэра С. Норткот запросил у Парламента увеличения бюджетных расходов на армию и флот на 6 млн фунтов стерлингов¹². После многодневных дебатов эта просьба была удовлетворена. 27 марта британский кабинет приступил к мобилизации резервистов. Одновременно с этим началась переброска 7 тыс. военнослужащих из Индии на Мальту, главную базу «Туманного Альбиона» на Средиземном море. 8 апреля Дизраэли выступил в палате лордов с обращенной к королеве Виктории воинственной речью, в которой подчеркнул, что Великобритания не остановится перед применением силы для защиты своих интересов¹³.

Позиции, которые занимали в отношении России Австро-Венгрия и Османская империя, также стали более угрожающими. Миссия графа Н.П. Игнатьева в Вену, целью которой был раскол англо-австрийского альянса, провалилась. 14 и 15 марта великий князь Николай Николаевич провел переговоры с османским султаном Абдул-Хамидом II, в ходе которых последний предупредил русского главнокомандующего о том, что в случае новой войны Турция выступит против России. Одновременно турецкая армия постепенно начала восстанавливать свою боеспособность¹⁴. Русские же войска, испытывавшие недостаток боеприпасов и страдавшие от эпидемических заболеваний, не были способны на активные действия. Изменившаяся стратегическая обстановка продемонстрировала Александру II и его окружению бесперспективность перехода к наступлению в Юго-Восточной Европе и привела к пересмотру утвержденных планов.

генерала Н.Н. Обручева на случай борьбы с коалицией Великобритании, Австро-Венгрии и Турции (1878 г.) // Вопросы истории. 2021. № 11-1. С. 28–55.

¹⁰ РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 31. Л. 35 об. – 36.

¹¹ Там же. Л. 16–16 об., 33–34 об.

¹² *Seton-Watson R.W.* Disraeli, Gladstone, and the Eastern Question. A Study in Diplomacy and Party Politics. London, 1962. P. 303.

¹³ Ibid. P. 384.

¹⁴ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 7468. Ч. 3. Л. 386 об.

Центральная Азия в военных планах Петербурга весны 1878 г.

Бесперспективность подготовки к военным действиям на Балканах вынудила Александра II и его военных советников начать поиск альтернативных путей борьбы с Великобританией – того самого «паллиатива», который еще в феврале даже не брался в расчет. Действительно, создание угрозы Индии представляло немало трудностей, т. к. между российскими среднеазиатскими владениями и британскими на Индостане лежали территории, населенные неподконтрольными российскому правительству туркменскими племенами (Ахалтекинский и Мервский оазисы), а также независимый Афганистан. Предложения о подготовке планов военных действий в Центральной Азии были подготовлены в конце марта 1878 г. в трех военных округах, отвечавших за это стратегическое направление – Кавказском, Оренбургском и Туркестанском. 23 марта командующий войсками Туркестанского военного округа К.П. фон Кауфман представил в Главный штаб свой план действий в случае войны с Великобританией¹⁵. По мнению покорителя Туркестана, на будущем театре военных действий требовалось создать две войсковые группировки – одну в Закаспийском военном отделе Кавказского военного округа для действий в направлении на Мерв, другую – в Туркестанском военном округе и сосредоточить ее севернее Амударьи у Ширабада. Генерал настаивал на том, чтобы отряд кавказских войск примерно соответствовал по силе Туркестанскому отряду и состоял из 10–15 тыс. чел. Также Кауфман предлагал войти в переговоры с эмиром Афганистана с целью привлечения его на сторону России.

Руководство Кавказского военного округа подготовило более детальные предложения о действиях в Центральной Азии. 26 марта начальник Кавказского горского управления генерал-майор В.А. Франкини представил помощнику Главнокомандующего Кавказской армией и наместника на Кавказе Великого князя Михаила Николаевича генералу от инфантерии генерал-адъютанту князю Д.И. Святополк-Мирскому записку с изложением плана будущей кампании¹⁶. Задачей русских войск он называл не «поход в Индию», а только разгром британцев на северо-западных подступах к ней¹⁷. По его мнению, главную роль в предстоящих боевых действиях надлежало сыграть кавказским войскам, на которые возлагалась задача наступать от Красноводска через Кызыл-Арват на крепость Гяурс (восточнее Геок-Тепе), попутно подчинив власти русского царя туркмен-текинцев. Отряд, составленный из туркестанских войск, он планировал направить через Бухару и Чарджуй на Мерв, где предполагалось покорить местных туркмен и соединиться с кавказскими войсками. После соединения обоих отрядов В.А. Франкини предлагал войти в афганские владения и занять Герат, считавшийся русскими и британскими военными специалистами «ключом к Индии». С целью обеспечить беспрепятственное продвижение по территории Афганистана генерал рекомендовал добиться благожелательного нейтралитета со стороны Персии и заключить союз с кабульским эмиром Шир-Али.

Д.И. Святополк-Мирский лишь отчасти поддержал В.А. Франкини. Представляя записку на рассмотрение Великому князю Михаилу Николаевичу, он возразил против движения русских войск со стороны Каспийского моря через туркменские земли и сохранения нейтралитета Персии. По его мнению, русской армии следовало наступать на Герат через персидскую провинцию Хорасан¹⁸. Сходные идеи сформулировал генерал-майор И.И. Стебницкий, начальник Кавказского военно-топо-

¹⁵ «Большая игра»... С. 46–47.

¹⁶ Там же. С. 47–52.

¹⁷ Там же. С. 51.

¹⁸ Там же. С. 53.

графического отдела. Весной 1878 г. он подготовил записку, в которой также высказался за наступление в пределы Афганистана через территорию Персии¹⁹. Он предложил в течение лета оборудовать в Астрабаде базу, сосредоточить здесь продовольственные и боевые припасы, а в сентябре двинуться в поход на Герат.

Командование Оренбургского военного округа также настаивало на решительных действиях против британских владений в Индии. 2 апреля командующий войсками Оренбургского военного округа и оренбургский генерал-губернатор Н.А. Крыжановский представил Д.А. Милютину записку военного губернатора Тургайской области генерал-майора А.К. Гейнса (Гейнца), посвященную возможным военным действиям на южных рубежах империи²⁰. Как и В.А. Франкени, генерал отдавал предпочтение гератскому операционному направлению. Он считал отряд в 30–35 тыс. чел. достаточным для захвата Герата. Эти войска должны были двигаться к крепости от Красноводска через Мерв. Гейнс также признавал необходимым заключение союза с афганским эмиром. Сам же командующий Оренбургским военным округом сомневался в том, что ограниченные действия сравнительно небольшого отряда принесут пользу. Вместо диверсии Крыжановский предложил осуществить полномасштабное вторжение в Афганистан и далее в Индию армией в 200 тыс. чел.²¹

Свое видение подготовки к войне представил прославленный полководец генерал-фельдмаршал князь А.И. Барятинский, уже давно отошедший от активной военно-политической деятельности и состоявший членом Государственного Совета. Он изложил свое понимание ситуации с помощью пера другого заслуженного участника покорения Кавказа – известного ученого-востоковеда, генерал-лейтенанта барона Ф.Ф. фон Торнау. 22 марта фельдмаршал передал министру иностранных дел канцлеру А.М. Горчакову письмо²², к которому приложил записку Торнау с перечислением возможных мер по противодействию англичанам в Центральной Азии и Индии²³. В ней предлагалось начать подготовку к походу в Индию через территорию персидского Хорасана.

Рассмотренные аналитические документы, составленные представителями высшего военного руководства России, наглядно свидетельствуют о том, что в 1878 г. среди них не было согласия в вопросах планирования применения вооруженных сил против Великобритании. Чтобы разрешить вскрывшиеся противоречия и разработать единый план действий в Центральной Азии, 4 и 8 апреля Александр II провел в Петербурге совещание по вопросу подготовки к войне на южных рубежах империи.

Сохранившиеся материалы показывают, что в ходе первого заседания между участниками происходила борьба из-за определения цели будущей кампании: или это будет настоящий «поход в Индию», или демонстрация ограниченными силами. Присутствовавшие единодушно высказались за подготовку силовой акции в Центральной Азии, чтобы предотвратить возможные враждебные действия Великобритании против Русского Туркестана и самим создать угрозу для Индии. Предложения А.И. Барятинского и Ф.Ф. Торнау о нарушении суверенитета Персии были решительно отвергнуты. «Таким образом, мечты скерневицкого боярина были рассеяны», – не без злорадства записал в дневнике Д.А. Милютин²⁴. Грандиозный план Н.А. Крыжановского осуществить вторжение двухсотысячной армией в Индию также не встретил сочувствия у участников совещания, хотя сама идея о возможности такого похода

¹⁹ РГВИА. Ф. 1300. Оп. 2. Д. 28. Л. 4–12 об.

²⁰ «Большая игра»... С. 67–89.

²¹ Там же. Л. 67.

²² РГВИА. Ф. 846. Оп. 1. Д. 17. Л. 7.

²³ «Большая игра»... С. 61–64.

²⁴ Милютин Д.А. Дневник. 1876–1878 / под ред. Л.Г. Захаровой. М., 2009. С. 409.

принципиально отвергнута не была. Отсутствие единства среди военно-политического руководства Российской империи помешало сформулировать по итогам совещания четкую цель будущей кампании, что отразилось в документально зафиксированных решениях: с одной стороны, предполагалось ограничиться стратегическим сдерживанием на Центральноазиатском театре военных действий силами войск Туркестанского и Кавказского военных округов²⁵, с другой, – им предписывалось быть готовыми и к полноценным военным действиям. Участники совещания одобрили проведение следующих мероприятий по подготовке к войне:

1) усиление войск Туркестанского военного округа формированием новых резервных частей, чтобы использовать в предстоящей силовой акции максимально возможное количество полевых войск из его состава;

2) направление отряда «возможно большей силы к Амударье, к Ширабаду или другому пункту». Кроме создания угрозы для британских владений в Индии, на этот отряд возлагалась задача быть готовым к более активным действиям в случае ухудшения военно-политической обстановки;

3) формирование приблизительно равного по силе отряда в Закаспийском военном отделе из войск Кавказского военного округа и движение его в туркменские степи, в Ахалтекинский и Мервский оазисы

в видах ознакомления с этою неисследованною еще местностью и упрочения там нашего влияния, а равно в видах охранения пространства между Каспийским морем и Амударьей от вторжения туркменских шаек²⁶;

4) с целью дипломатического обеспечения военной акции было признано необходимым направить посольство к афганскому эмиру, чтобы заручиться его нейтралитетом или даже склонить его на свою сторону в будущей борьбе против англичан. Эта миссия была возложена на генерал-майора Н.Г. Столетова.

На основании решений совещания в Азиатской части Главного штаба подготовили доклад за № 5, обсуждение которого состоялось на заседании 8 апреля. Спустя два дня документ был утвержден Александром II. 13 апреля Д.А. Милютин направил приказ К.П. фон Кауфману начать подготовку к походу. В нем же военный министр изложил задачи, поставленные перед Туркестанским округом совещанием 4 и 8 апреля²⁷. Туркестанский генерал-губернатор должен был осуществлять общее руководство отрядами войск двух военных округов после установления связи между ними²⁸. Подготовка же выступления в поход кавказских войск проводилась в Тифлисе совершенно автономно от Петербурга и Ташкента – помощник Главнокомандующего на Кавказе Д.И. Святополк-Мирский поставил задачу начальнику Закаспийского военного отдела генерал-майору Н.П. Ломакину готовиться к движению на Мерв 8 апреля 1878 г., еще до утверждения верховной властью общего плана действий²⁹.

Реконструкция плана действий русских войск в Центральной Азии в 1878 г.

Решения, принятые на совещании 4 и 8 апреля 1878 г. в Петербурге, и подготовленные на их основаниях директивные указания служили для их исполнителей, и прежде всего К.П. фон Кауфмана, лишь общими предписаниями на случай воз-

²⁵ «Большая игра»... С. 91.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. С. 95–100.

²⁸ Там же. С. 104.

²⁹ РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 105. Л. 15–16.

никновения конфликта в Центральной Азии. Заложенная в их основание ситуативность, во многом ставшая следствием отсутствия консенсуса по вопросу определения конечной цели экспедиции, ставила возможные действия русских войск в зависимость от изменений обстановки и ответных шагов британцев. Это затрудняет установление соответствия разработанных в Петербурге указаний действительным замыслам его составителей. Крайне неопределенно высказывался о целях и задачах предстоящего похода и сам туркестанский генерал-губернатор. Не делился он своими соображениями даже со своим начальником штаба – Генерального штаба полковником Н.И. Гродековым³⁰.

Реконструкция плана действий русских войск в Центральной Азии весной-летом 1878 г. становится возможной только на основании комплексного привлечения косвенных свидетельств современников и сохранившихся делопроизводственных документов. Изучение доступных исторических источников позволяет воссоздать ключевые положения не зафиксированного документально замысла применения русских войск в Центральной Азии.

Выбор главного операционного направления

Участники петербургского совещания, как было указано выше, приняли решение сосредоточить в регионе две группировки, но направление главного удара ими определено не было. Имеющиеся источники позволяют однозначно утверждать, что основные действия русских войск в случае похода против Индии должны были развиваться в направлении на Герат – проходящем по равнинной западной части Афганистана и более удобном для ведения наступления. Важным для раскрытия замысла экспедиции представляется замечание Н.И. Гродекова, оставленное им в отчете о поездке по северу Афганистана осенью 1878 г.:

Вопрос о том, куда идти по переправе наших войск через Аму [Амударью. – *О.А.*], т. е. на Кабул или на Герат, не был решен в принципе, но генерал Кауфман, кажется, высказывался за направление на Герат³¹.

В пользу этого предположения говорит также запись от 8 апреля в дневнике генерал-адмирала великого князя Константина Николаевича, участника совещаний в Петербурге по центральноазиатским делам. В ней речь шла о том, что предметом обсуждения была исключительно подготовка похода на Мерв, лежащем на гератском направлении³².

Не менее важным свидетельством приоритета гератского направления для российского командования является донесение хорошо осведомленного британского консула в Петербурге Дж. Мичелла послу Великобритании в России лорду А. Лофтусу, представленное им в октябре 1878 г.³³ Он утверждал, что по сведениям, полученным от «одной сведущей и достойной доверия особы», основные наступательные действия русских войск ожидалось в направлении на Герат, тогда как на силы Туркестанского военного округа возлагалась задача провести демонстрацию.

³⁰ Поездка Ген[ерального] шт[аба] полковника Гродекова из Самарканда через Герат в Афганистан (в 1878 году) // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. 5. СПб., 1883. С. 58.

³¹ Там же.

³² Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 722. Оп. 1. Д. 1160. Л. 16 об.

³³ National Archives of India (NAI). Foreign Department. Secret. Progs. December 1878. № 41/44. P. 3.

Ведущая роль войск Кавказского военного округа в предстоящем походе

В исторической литературе при изучении перипетий подготовки Джамского похода основное внимание сосредоточивается на действиях войск Туркестанского военного округа и его командующего К.П. фон Кауфмана, хотя в первоначальном замысле, как показывают документы, именно кавказским войскам предназначалась главная роль в планируемой силовой акции, что диктовалось выбором гератского направления в качестве главного. Успех туркестанского отряда ставился самим Кауфманом в зависимость от действий войск Кавказского округа, о чем он докладывал 25 апреля 1878 г. начальнику Главного штаба генералу от инфантерии графу Ф.Л. Гейдену³⁴. По расчетам петербургских и ташкентских стратегов, совокупных сил кавказских (10–15 тыс.) и туркестанских (14 тыс.) войск было достаточно для успешной борьбы с британцами, численность экспедиционного корпуса которых в случае войны в Центральной Азии оценивалась русской разведкой в 30 тыс. чел.³⁵

Цель похода русских войск

Выбор в качестве основного операционного направления гератского и привлечение к операции, согласно первоначальному замыслу, значительных сил Кавказского военного округа свидетельствуют о том, что российское командование все же серьезно рассматривало возможность осуществления похода против британской Индии. Отказ от этой идеи в пользу проведения демонстрации, как покажут последующие события, стал следствием срыва подготовки к выступлению кавказских войск. К.П. фон Кауфман же, напротив, был готов наступать в пределы Афганистана даже без поддержки со стороны Кавказского округа. В пользу этого говорит болезненная реакция генерал-губернатора на высочайшее повеление прекратить подготовку к «походу в Индию», отмечавшаяся современниками³⁶. Сам властитель Русского Туркестана во всеподданнейшем отчете Александру II за 1878 г. выразил сожаление об отмене силовой акции:

Возвратясь с похода и доблестно вынеся непогоды удушливо-жаркого времени, войска вашего императорского величества бодры и молодцеваты, и в душе все чины сожалели, что им не удалось на этот раз доставить новое торжество русскому оружию³⁷.

Таким образом, доступные исторические источники позволяют реконструировать план действий русских войск в Центральной Азии в случае открытия военных действий против Великобритании (см. рисунок). Предполагалось сосредоточить две примерно равные группировки войск – одну в пределах Туркестанского военного округа, вторую – в Закаспийском отделе. Главный удар предполагалось нанести через западную равнинную часть Афганистана, на гератском направлении. Для решения этой задачи кавказские войска должны были подчинить власти русского царя ахалтекинских и мервских туркмен, что выглядело крайне трудновыполнимым. Туркестанская группировка должна была переправиться через Амударью и двигаться на соединение с кавказскими войсками. Осенью 1878 г. полковник Н.И. Гродеков проследовал по маршруту, который, по его словам, выбрал К.П. фон Кауфман для движения по территории Афганистана. Согласно замыслу Кауфмана, туркестанский отряд должен был проделать долгий круговой путь от переправы через Амударью

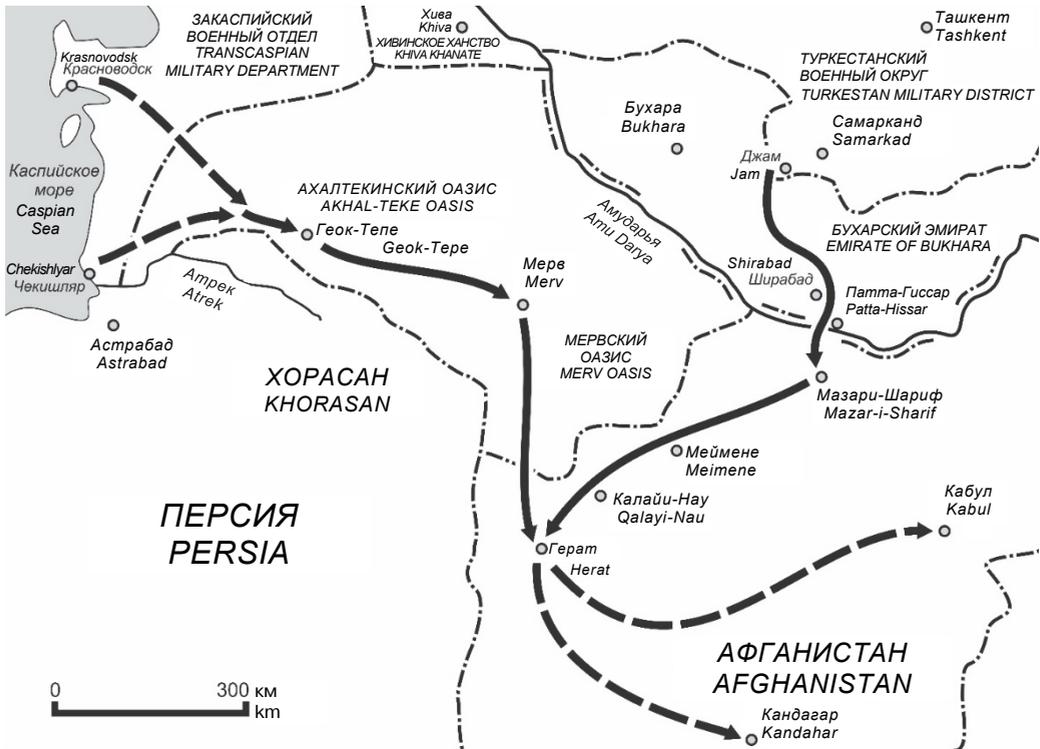
³⁴ РГВИА. Ф. 402. Оп. 1. Д. 170. Л. 9.

³⁵ Там же. Ф. 431. Оп. 1. Д. 48. Л. 18.

³⁶ Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии... С. 441.

³⁷ РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 915. С. 86–87.

у Патта-Гиссара и далее по Афганскому Туркестану через Мазари-Шариф, Меймене и Калайи-Нау на Герат, где ожидалось соединение двух русских группировок³⁸. Далее, вероятнее всего, экспедиционный корпус мог действовать в восточном направлении, на Кабул, или в юго-восточном, на Кандагар.

Вероятный план действий русских войск в Центральной Азии в 1878 г.
Probable plan of action for Russian troops in Central Asia in 1878

Примечание: Карта составлена автором.
Note: Map compiled by the author.

Амбициозный план похода русской армии в Афганистан и Индию не был реализован. В Петербурге быстро поняли нереалистичность его замысла, отдав предпочтение проведению демонстрации со стороны Туркестанского военного округа. Причина такого решения заключалась в невозможности сосредоточения на основном, гератском направлении сильной группировки. Еще на этапе выработки общего стратегического замысла будущей кампании русское командование приняло решение не посылать значительных сил за Каспийское море, т. к. в его распоряжении не оказалось свободных войск. Единственные соединения Кавказского военного округа, не вошедшие в состав Действующего корпуса на кавказско-турецкой границе, – 20-я и 21-я пехотные дивизии – обеспечивали безопасность на Северном Кавказе после восстания горцев Чечни и Дагестана 1877 г. О принятом решении начальник Кавказского горского управления В.А. Франкини уведомил начальника Закаспийского военного отдела Н.П. Ломакина 8 апреля³⁹. Состав экспедиционного отряда, который предполагалось двинуть в сторону Мерва, определялся в четыре батальона, 2 сотни казаков и 2 сотни местной милиции – 3888 чел., что не позволяло решать масштабные задачи⁴⁰. Но и своевременная отправка столь немногочис-

³⁸ Поездка Ген[ерального] шт[аба] полковника Гродекова... С. 69–70.

³⁹ РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 105. Л. 15.

⁴⁰ Там же. Ф. 1300. Оп. 2. Д. 28. Л. 44.

ленного отряда оказалась Кавказскому военному округу не по плечу: так, разработавший план экспедиции против Ахала и Мерва Ломакин 14 апреля запросил дополнительные полтора месяца для ее подготовки.

К.П. фон Кауфман не был вовремя оповещен о фактическом саботаже выступления кавказских войск и весь апрель, и первую половину мая продолжал рассчитывать на осуществление, в случае принятия соответствующего политического решения, вторжения в Афганистан и далее в Индию силами войск двух военных округов. 14 мая 1878 г. он отдал приказ по Туркестанскому военному округу № 180 о формировании трех отрядов, предназначенных для выступления в поход, – Главного (в Самарканде и Джаме, на границе с Бухарой), Ферганского (в Маргелане) и Амударьинского (в Петроалександровске) общей численностью около 14 тыс. чел.⁴¹ Но уже 19 мая Д.А. Милютин сообщил генерал-губернатору об отмене похода на Мерв, ставившей крест даже на гипотетических идеях об осуществлении «похода в Индию»⁴². Секретное соглашение с Великобританией 18 (30) мая 1878 г. и последующее мирное разрешение Восточного вопроса на Берлинском конгрессе 1 (13 июля) окончательно деактуализировали план военных действий в Центральной Азии. Так и не дождавшись приказа перейти границу с Бухарой, 19 июля К.П. фон Кауфман получил высочайшее повеление об отмене подготовки к военным действиям в Центральной Азии и о возвращении войск в места постоянной дислокации⁴³.

Несмотря на то, что силовая акция русских войск на границе с Афганистаном была отменена, дипломатическая миссия генерал-майора Н.Г. Столетова продолжала выполнение возложенных на нее задач, хотя смысла в ней уже не было – русское посольство прибыло в Кабул только 29 июля, спустя месяц после подписания Берлинского трактата. Деятельность Столетова при дворе афганского эмира обернулась громким провалом для Петербурга и Ташкента, результатом которого стала потеря какого-либо влияния в Афганистане. Другим следствием несогласованного и импровизационного планирования военных действий в Центральной Азии стал такой же запоздавший поход войск Закаспийского военного отдела под командованием Н.П. Ломакина во владения туркмен-текинцев, состоявшийся в июле – сентябре с ограниченной целью занятия «твердого пункта в верховьях Атрека или близ Текинского оазиса» и обеспечения «спокойствия степи и красноводско-хивинского пути»⁴⁴. Эта экспедиция не принесла желаемых результатов и привела только к активизации набегов туркмен на Чекишляр и Красноводск.

Выводы

Таким образом, первый опыт планирования военных действий против Великобритании в Центральной Азии оказался неудачным. Попытка применить стратегическое сдерживание в Центральной Азии для решения Восточного вопроса привела к совсем противоположным результатам. Вместо козыря на переговорах в Берлине и установления контроля над афганским эмиром действия царского правительства привели к внешнеполитическому поражению в регионе. Сохранившиеся документы позволяют утверждать, что разработчики военных планов всерьез рассматривали возможность осуществления «похода в Индию», но смелый замысел военной кампании достаточно быстро был изменен в пользу осуществления демонстрации. В силу очевидной сложности организации похода и снабжения крупных масс войск на

⁴¹ «Большая игра»... С. 106–108.

⁴² Там же. С. 113.

⁴³ Там же. С. 146.

⁴⁴ РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 650. Л. 55 об. – 56.

территории, не имевшей необходимых транспортных коммуникаций, Джамский поход стал рассматриваться в Петербурге как блеф или, скорее, как жест отчаяния.

Тем не менее, военно-политическое руководство Российской империи сумело вынести из кризисной ситуации 1878 г. важный урок, легший в основу последующего русского стратегического планирования на южных рубежах страны вплоть до Русско-японской войны 1904–1905 гг. Именно провал плана Джамской экспедиции показал российскому командованию необходимость искать плацдарм для будущих действий против Великобритании и ее богатейшей колонии – Индии, что привело к активизации центральноазиатской экспансии России, в результате которой в 1881 г. к России был присоединен Ахалтекинский, а в 1884 г. – Мервский оазис. После неудачного похода 1878 г. в России начали вести систематическое планирование военных действий в Центральной Азии, а присоединенные территории вновь образованной Закаспийской области стали выступать в качестве районов сосредоточения для экспедиционного корпуса, нацеленного против британских владений на Индостане. Благодаря этому уже во время Пендинского кризиса 1885 г. Россия получила возможность диктовать Великобритании свои условия. Все дальнейшие русские планы войны с Великобританией в Центральной Азии предусматривали ведение наступательных действий на гератском направлении, уже в 1878 г. признававшимся оптимальным для осуществления «похода в Индию».

Поступила в редакцию / Submitted: 03.09.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 12.12.2022

Принята к публикации / Accepted for publication: 10.01.2023

References

- Airapetov, O.R. *Vneshniaia politika imperatorov Aleksandra II i Aleksandra III. 1855–1894* [The foreign policy of the Emperors Alexander II and Alexander III], vol. 3 of *Istoriia vneshnei politiki Rossiiskoi imperii. 1801–1914 gg.* [The history of the foreign policy of the Russian Empire. 1801–1914]. Moscow: Kuchkovo pole Publ., 2018 (in Russian).
- Alpeev, O.E. “War after Victory?.. The Plans of General N.N. Obruchev for War Against the Coalition of Great Britain, Austria-Hungary and Turkey (1878).” *Voprosy istorii*, no 11-1 (2021): 28–55, <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202111Statyi03> (in Russian).
- Ewans, M. *Securing the Indian Frontier in Central Asia. Confrontation and Negotiation*. London; New York: Routledge, 2012.
- Johnson, R. *Spying for Empire. The Great Game in Central and South Asia, 1757–1947*. London; St. Paul: Greenhill Books; MBI Publishing Co, 2006.
- Khidoiatov, G.A. *Iz istorii anglo-russkikh otnoshenii v Srednei Azii v kontse XIX v. (60–70-h gg.)* [From the history of Anglo-Russian relations in Central Asia at the end of the XIX century (1860s–1870s.)]. Tashkent: FAN Publ., 1969 (in Russian).
- Kinyapina, N.S., Blied, M.M., and Degoev, V.V. *Kavkaz i Sredniaia Aziia vo vneshnei politike Rossii (vtoraia polovina XVIII – 80-e gody XIX v.)* [The Caucasus and Central Asia in Russia's Foreign Policy (the second half of the XVIII – 80s of the XIX c.)]. Moscow: Moscow University Press, 1984 (in Russian).
- Marshall, A. *The Russian General Staff and Asia, 1860–1917*. London; New York: Routledge, 2006.
- Milyutin, D.A. *Dnevnik. 1876–1878* [Diary 1876–1878]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2009 (in Russian).
- Morrison, A. “Beyond the ‘Great Game’: the Russian Origins of the Second Anglo-Afghan War.” *Modern Asian Studies* 51, no 3 (2017): 686–735. <https://doi.org/10.1017/S0026749X1500044X>
- Morrison, A. *The Russian Conquest of Central Asia. A Study in Imperial Expansion, 1814–1914*. Cambridge: Cambridge University Press, 2021.
- Sergeev, E.Yu. *Bol'shaia igra, 1856–1907: mify i realii rossiisko-britanskikh otnoshenii v Tsentral'noi i Vostochnoi Azii* [The Great Game, 1856–1907: Russo-British Relations in Central and East Asia]. Moscow: Tovariishestvo nauchnykh izdaniy KMK Publ., 2012 (in Russian).
- Seton-Watson, R.W. *Disraeli, Gladstone, and the Eastern Question. A Study in Diplomacy and Party Politics*. London: Frank Cass and Co Ltd, 1962.

- Terent'ev, M.A. *Istoriia zavoevaniia Srednei Azii* [History of the Conquest of Central Asia]. Vol. 2. St. Petersburg: Tipo-litografija V.V. Komarova, 1906 (in Russian).
- Zagorodnikova, T.N., ed. *'Bol'shaya igra' v Tsentral'noi Azii: 'Indiiskii pokhod' russkoi armii: sbornik arkhivnykh dokumentov* [The «Great Game» in Central Asia: The «Indian Campaign» of the Russian army: a collection of archival documents]. Moscow: Novyi khronograf Publ., 2014 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Олег Евгеньевич Алпеев, канд. истор. наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института (военной истории), Военная академия Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации; 119330, Россия, Москва, Университетский проспект, 14; oalpeev@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4248-5811>

Oleg Alpeev, PhD in Hist., Senior Researcher of the Research Institute of Military History, the Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation; 14, Universitetskii Ave., Moscow, 119330, Russia; oalpeev@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4248-5811>

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-1-34-46>

Научная статья / Research article

Приют для страждущих: миграция из Синьцзяна в Россию в 1860–1880-х гг.

Дмитрий Васильев ^a , Светлана Асанова ^b

^a Московский городской педагогический университет, Москва, Россия

^b Национальный исследовательский технологический университет «МИСИС»,
Алматы, Узбекистан

 dvvasiliev@mail.ru

Аннотация: Рассматривается история миграции китайских подданных с территории Синьцзяна в 1860–1880-х гг. и мероприятия российской администрации, направленные на их адаптацию к новым социально-политическим и экономическим условиям. На основе предпринятого историографического исследования установлены волны и масштабы миграции, названы их причины. Научную новизну имеет исследование таких источников, как российская делопроизводственная и служебная документация, законопроекты и действовавшее региональное законодательство. Их изучение осуществлено с привлечением формально-юридического, сравнительно-правового методов; методов анализа и синтеза письменных источников, а также индукции, которые позволили сформулировать общее заключение о политике Российской империи в отношении нерусского населения региона, частью которого были китайские иммигранты. Проведенное исследование документов, связанных с миграцией синьцзянского населения на территорию российских владений в Центральной Азии, убеждает в том, что власти Российской империи были заинтересованы в этом процессе. Они стремились найти новым подданным место как в физическом смысле, так и среди сформировавшихся социально-экономических общностей коренного населения своих туркестанских областей. При этом имперское правительство, вслед за региональными властями, в интересах адаптации китайских иммигрантов применяла в отношении них нормы, свойственные как кочевым, так и оседлым жителям, преследуя цель сближение их статуса с положением основного податного населения государства. Иными словами, власть, как и в отношении коренных жителей степных и туркестанских областей, стремилось завершить эту адаптацию органическим слиянием бывших цинских подданных с подданными внутренних губерний Российской империи.

Ключевые слова: Семиреченская область, Джаркент, Кульджа, империя Цин, калмыки, уйгуро-дунганское восстание, Петербургский договор 1881 г., сибиряки, солоньки, маньчжуры

Для цитирования: Васильев Д.В., Асанова С.А. Приют для страждущих: миграция из Синьцзяна в Россию в 1860–1880-х гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2023. Т. 22. № 1. С. 34–46. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-1-34-46>

Shelter for the Afflicted: Migration from Xinjiang to Russia in the 1860s–1880s

Dmitry Vasilyev ^a , Svetlana Asanova ^b

^a Moscow City Teachers' Training University, Moscow, Russia

^b National University of Science and Technology "MISIS", Almaty, Uzbekistan

 dvvasiliev@mail.ru

Abstract: The authors examine the history of the migration of Chinese subjects from the territory of Xinjiang in the 1860s–1880s and measures taken by the Russian administration aimed at adapting them to the new socio-political and economic conditions. On the basis of the research, the waves and scales of migra-

tion are established and their reasons are named. The study of the sources is implemented using the formal legal method, the comparative legal method, the methods of analysis and synthesis of written sources, as well as induction. The application of these methods made it possible to formulate a general conclusion concerning the policy of the Russian Empire in relation to the non-Russian population of the region, including Chinese immigrants. The study of the documents related to the migration of the Xinjiang population to the territory of Russian possessions in Central Asia convinces us that the authorities of the Russian Empire were interested in this process. They sought to find a place for new subjects in the socio-economic communities of the indigenous population of the Turkestan territories. At the same time, the Russian authorities applied to the Chinese settlers the norms characteristic of both nomadic and settled residents. Their goal was to bring the status of former Chinese subjects closer to the status of the main population of the state. The Russian government sought to complete this adaptation through the merger of the former Qing subjects with the population of the internal provinces of the Russian Empire.

Keywords: Semirechensk region, Dzharkent, Kalmyks, Qing Empire, Uyghur-Dungan uprising, Petersburg Treaty of 1881, Kulja, Uyghurs, Dungsans, Sibo, Solons, Manchus

For citation: Vasilyev, Dmitry, and Asanova, Svetlana. "Shelter for the Afflicted: Migration from Xinjiang to Russia in the 1860s–1880s." *RUDN Journal of Russian History* 22, no. 1 (February 2023): 34–46. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-1-34-46>

Введение

Современная отечественная историография богата работами, освещающими различные вопросы взаимодействия Российской империи с подвластным ей населением Центральной Азии. Известно, что эти взаимодействия имели системный характер и были направлены на интеграцию так называемых национальных окраин в единое гетерогенное пространство империи, на перспективу его социально-политической гомогенизации. При этом вопросы трансграничных миграций рассматриваются, как правило, в контексте международных отношений, а политика Российского государства в отношении пришлого населения выпадает из поля зрения исследователей.

Настоящая статья направлена на ликвидацию этой лакуны. В ней предлагается оценить миграционные процессы не с точки зрения государственной безопасности или возможности политического давления на соседа, а с позиции выбора государством стратегии отношения к пришлому населению.

Среди работ, связанных с российско-китайскими отношениями второй половины XIX в., в которых находят отражение сюжеты пограничной миграции, вызванной мусульманским восстанием в Синьцзяне, следует отметить монографию В.А. Моисеева¹, обобщающую значительный фактологический и статистический материал и, можно сказать, представляющую полноценное исследование внешне-политических аспектов российско-китайских отношений. Специальные исследования, посвященные истории Синьцзяна интересующего нас периода, принадлежат Д.В. Дубровской², а также советским исследователям из Средней Азии Э.М. Мамедовой³ и Г.Б. Никольской⁴.

Среди первых мигрантов, покинувших китайские владения в 1860-е гг., безусловно, доминировали калмыки, перешедшие из Калмыцкого ханства на территорию бывшей Джунгарии почти за столетие до этого. Различные аспекты этой истории довольно полно исследованы как в академических изданиях⁵, так и в трудах

¹ Моисеев В.А. Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX в. – 1917 г.). Барнаул, 2003.

² Дубровская Д.В. Судьба Синьцзяна: Обретение Китаем «Новой границы» в конце XIX в. М., 1998; Дубровская Д. В. Илийский кризис в русско-китайских отношениях // Восток. 1994. № 5. С. 51–63.

³ Мамедова Э.М. Из истории взаимоотношений народов Туркестанского края и Синьцзяна: со второй половины XIX века до 1917 г.: дис. ... канд. истор. наук. Ташкент, 1963.

⁴ Никольская Г.Б. Выходцы из Синьцзяна в Туркестане в конце XIX – начале XX вв.: материалы к истории Средней Азии: дис. ... канд. истор. наук. Ташкент, 1969.

⁵ История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 т. Элиста, 2009. Т. 1.

отдельных ученых⁶. Вопросы, связанные с оттоком китайских подданных на российскую территорию в 1860–1870-е гг., освещаются в работах Б.П. Гуревича⁷, Ю.А. Лысенко⁸, других авторов⁹. Этим исследованиям, как представляется, не хватает конкретного наполнения как раз в части правительственных мероприятий, направленных на обустройство пришлого населения в российских пределах.

Исходя из этого источниками настоящей статьи стали материалы делопроизводства властей пограничной с Китаем Семиреченской области Туркестанского генерал-губернаторства¹⁰, законы и законопроекты, учреждавшие административно-правовую систему в российских владениях в Центральной Азии¹¹, донесения и рапорты должностных лиц российской региональной администрации¹².

Названные источники обусловили применение в статье формально-юридического метода, позволяющего осуществить соответствующий анализ событий и фактов, имеющих правовое значение. Сравнительно-правовой метод дает возможность осуществить сравнение нормативно-правовых актов, относящихся к одной сфере регулирования, но к разным периодам времени. Это позволяет выявить преемственность или отклонения в государственной политике, реализовывавшейся в отношении рассматриваемой категории населения. Анализ опубликованных и неопубликованных (архивных) источников, обобщение материалов (синтез) и индукция, позволяют сформулировать общее заключение о политике Российской империи в отношении нерусского населения региона вообще.

Известно, что 31 декабря 1770 г. наместник Калмыцкого ханства Убаши приказал выступить в поход¹³. И после тайной подготовки 4–5 января следующего года калмыки двинулись в путь на Джунгарию – регион на севере Сибиряка, где проживало родственное им (ойраты) население бывшего Джунгарского ханства, поглощенного империей Цин.

Оставляя за скобками подоплеку этих событий¹⁴, приведем замечание одного из наиболее известных историков Калмыкии М.М. Батмаева:

Наряду с признанием приволжских степей «привольной и покойной» родиной, а Волги – «матерью» своей, в умах калмыцкой знати параллельно существовало убеждение, что у них есть универсальная

⁶ Долбежев Б.В. Судьба калмыков, бежавших с Волги // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. СПб., 1913. Вып. 86. С. 1–52; Дорджиева Е.В. Исход калмыков в Китай в 1771 г. Ростов-на-Дону, 2002; Колесник В.И. 1) Последнее великое кочевье (о значении «торгутского побега» для периодизации всемирной истории) // Международный конгресс монголоведов, VII-й: Доклады российской делегации. М., 1997. С. 30–32; 2) К вопросу о политике Цинской империи в отношении возвращения калмыков из Нижнего Поволжья в Джунгарию в 1771 г. // Бюллетень Общества востоковедов РАН. М., 1999. Ч. 2. С. 116–118; Шиханов Н.А. Политика правительства империи Цин по расселению калмыков-торгутов в Китае в конце XVIII в. // Клио. 2021. № 6 (174). С. 90–94.

⁷ Гуревич Б.П. История «Илийского вопроса» и ее китайские фальсификаторы // Документы опровергают. Против фальсификации истории русско-китайских отношений. М., 1982. С. 423–459.

⁸ Лысенко Ю.А. 1) Проблема устройства китайских беженцев в Семиреченской области в 1868–1874 гг. // Международные отношения в Центральной Азии: история и современность: материалы международной научной конференции. Барнаул, 2008. С. 319–329; 2) К вопросу о переселении уйгур и дунган Илийского края в Российскую империю (70–80-е гг. XIX в.) // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы III международной научно-практической конференции / отв. ред. Д. В. Бузаров. Благовещенск, 2013. С. 71–75.

⁹ Тумайкина В.В. Вопрос о китайских эмигрантах, пришедших на территорию Семиречья во второй половине XIX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4–5 (60). С. 214–218.

¹⁰ Национальный архив Республики Узбекистан (далее – НА РУз). Ф. И-1. Оп. 29. Д. 16. Л. 3–29.

¹¹ НА РУз. Ф. И-1. Оп. 22. Д. 825. Л. 13–32об; Полное собрание законов Российской империи. 3-е собр. (далее – ПСЗРИ-III). Т. 11: 1891. СПб., 1894. С. 135–147 (1-я паг.).

¹² НА РУз. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 579. 46 л.; Там же. Д. 15749. 30 л.

¹³ Сусеева Д.А. Письма калмыцких ханов XVIII века и их современников (1713–1771 гг.). Элиста, 2009. С. 912–913.

¹⁴ Васильев Д.В. Рождение империи. Юго-восток России: XVIII – первая половина XIX в. СПб., 2020. С. 270–283.

возможность сохранять свои свободы и привилегии от притязаний российского правительства. Калмыцкая знать чрезмерно уповала на особенности кочевого образа жизни, на мобильность своих улусов, которая, по их мнению, давала им возможность при неблагоприятном стечении обстоятельств, или при чрезмерном нажиме правительства уйти из-под его влияния, сменить территорию обитания¹⁵.

Считается, что Россию безвозвратно покинули 70 % калмыков (19 027 из 30 285 чел.)¹⁶ и это ускорило процесс ликвидации калмыцкой административной автономии в Российской империи. 19 октября 1771 г. был издан высочайший указ, упразднивший Калмыцкое ханство и уничтоживший его организационную структуру.

Однако на новом месте откочевавшие калмыки столкнулись со всем тем, от чего их якобы пытался защитить ближайший советник Убаши Цебек-Доржи вместе с далай-ламой: улусы были раздроблены, территорий для кочевий не хватало, простой люд попал в услужение либо стал заниматься земледелием, а калмыцкая элита была уничтожена либо ассимилирована.

Наместник и владельцы улусов были низведены до уровня маньчжурских чиновников¹⁷, упомянутых выше Убаши и Цебека-Доржи вынуждены поменяться улусами¹⁸. В следующем году для кочевий Убаши была выделена юго-западная часть Тарбагатая в глубине империи, удаленная как от возвратного пути в Россию, так и от дороги в собственно китайские земли¹⁹. В 1773 г. калмыки расселились в Восточном Туркестане к востоку от Кульджи (от Карашара до Урумчи)²⁰.

Начавшаяся административно-политическая ассимиляция в империи Цин отнюдь не устраивала волжских калмыков, и в их среде зрело желание вернуться в Россию. Препятствуя их консолидации, китайское правительство в итоге разделило прибывших торговцев и хошеутов на несколько групп и разместило в Кашгаре в северных предгорьях Тянь-Шаня: западнее Карашара (Яньци); в районе Шихо (Усу); в районе Цзинхэ; в районе Кобук-Сайр; в районе Кобдо (Ховд)²¹. Волжские калмыки оказались разделенными географически и административно, оказавшись в разных административных районах.

В 1775 г. была осуществлена административная реформа, в соответствии с которой торгуты и хошоуты были разделены на географически изолированные аймаки (по племенной принадлежности) и хошуны и утратили свое этническое единство. Вслед за этим началась перетасовка первичных административных единиц – сомонов (одни были уничтожены, другие разделены между соседями, третьи созданы заново). Та же участь ждала и хошунов. «С разрушением племенной организации исчезали старые традиции, рвались личные и имущественные связи, тесные отношения»²².

Иммиграция в результате уйгуро-дунганского восстания

В 1862 г. в глубине Китая в провинции Шаньси вспыхнуло восстание дунган, которое возглавили мусульманские духовные лидеры. Распространившееся на соседнюю провинцию Ганьсу, к лету 1864 г. оно докатилось до Синьцзяна, где приобрело жесточайшие формы. В центре событий оказалась Кульджа и Тарбагатайский округ, где на сторону маньчжур встали калмыки, которые нанесли тяжелейшее поражение казахам, примкнувшим к повстанцам. Власть в Кашгаре перешла к бывшему коканд-

¹⁵ Батмаев М.М. Уход большей части калмыков в Джунгарию // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 т. Элиста, 2009. Т. 1. С. 421.

¹⁶ Там же. С. 431.

¹⁷ Санчилов В.П. Предисловие // Бичурин Н.Я. (Иакинф). Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. Элиста, 1991. С. 16.

¹⁸ Колесник В.И. Последнее великое кочевье... С. 31

¹⁹ Колесник В.И. К вопросу о политике Цинской империи... С. 117.

²⁰ Шиханов Н.А. Политика правительства империи Цин... С. 91.

²¹ Долбежеев Б.В. Судьба калмыков, бежавших с Волги... С. 6; Дорджиева Е.В. Исход калмыков в Китай в 1771 г... С. 201.

²² Шиханов Н.А. Политика правительства империи Цин... С. 93.

скому военачальнику Якуб-беку. В марте 1866 г. Кульджа, а в апреле и Чугучак (центр Тарбагатай) оказались в руках восставших, что стало триггером, запустившим неконтролируемые процессы миграции российских подданных номадов на китайскую территорию, а китайских калмыков и др. – в Россию. Отказ российского правительства от оказания военной помощи Китаю привел к появлению в западной его части

недружественных по отношению к России мусульманских государственных образований – Таранчинско-дунганского султаната в Илийском крае, государства Джетышар или Йэтишар в Кашгарии и Союза дунганских городов в Урумчи, Манасе и прилегающих районах²³.

Российская приграничная администрация вынуждена была сразу включиться в решение вопроса обустройства беженцев. И, в свойственном империи подходу, склонялась к обращению их в российское подданство и православие. Однако некоторые местные чиновники сомневались в искренности желаний китайских иммигрантов принять подданство Российской империи²⁴.

Причинами бегства кочевых и оседлых калмыков, которые после мусульманского восстания в Западном Китае бежали в российские пределы, назывались гонения, обрушившиеся на калмыков, уйгуров (таранчей), дунган и казахов по религиозному и этническому признакам. Но главная причина эмиграции калмыков состояла в том, что они во время восстания не приняли сторону ни одной из воюющих сторон, хотя более склонялись в пользу китайцев и таким образом оказались во время восстания во враждебных отношениях к мусульманам. Согласие с китайцами ими также не было достигнуто, и ни одна из воюющих сторон не смирилась с их нейтралитетом. В российские пределы бежали калмыки близлежащих к границе территорий. Калмыцкие племена, проживающие в Кашгаре и Кульдже, стали для таранчей и дунган фактически рабами, покоровившись им.

Первая партия оседлых калмыков была направлена в 1865 г. в окрестности г. Верного, где и остановилась. Последние же партии солонов, переселенных в Синьцзян из северо-восточного Китая еще в XVIII в., направились в окрестности г. Капал на р. Турген, где к 1869 г. сформировалась их значительная колония. Некоторое число беженцев прибыло к ст. Лепсинской на другом участке границы. В течение 1865 и 1867 гг. в пределы Капальского уезда эмигрировало более 3 000 чел. (не считая перешедших в Верненский уезд), около половины из которых были оседлыми²⁵.

Кочевые калмыки, прибывшие на российскую территорию в течение 1865 г., первоначально разместились в Иссык-Кульском уезде, а затем перешли в Верненский. Их численность доходила до 8000 чел.²⁶ Эти племена были обеспеченнее остальных, так как часть своего скота сохранили от разграбления сами, а часть разграбленного казахами и кыргызами была им возвращена при российском содействии. Поэтому на их содержание требовались относительно незначительные расходы.

В ином положении оказались оседлые калмыки (посаженные на землю после прибытия в джунгарские земли), а также те из кочевых, которые прибыли с границы Капальского уезда. Они не имели ни скота, ни средств к существованию. Для их устройства в сентябре 1866 г. в Верном и Капале были учреждены два специальных комитета. Капальский и Верненский комитеты по призрению китайских эмигрантов до 19 сентября 1867 г. оказали помощь иммигрантам хлебом, одеждой и деньгами на сумму около 30 тыс. руб. Кроме того, они содействовали переселенцам в отводе земель в их временное пользование и поиске заработков²⁷.

²³ Моисеев В.А. Россия и Китай в Центральной Азии... С. 67–92.

²⁴ Бижигитова К.С. Религиозно-нравственное состояние Сибирских и Семиреченских казаков (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Вестник КазНПУ имени Абая, серия «Исторические и социально-политические науки». 2013. № 2. С. 16–20.

²⁵ НА РУз Ф. И-1. Оп. 29. Д. 16. Л. 6.

²⁶ Там же. Л. 6 об.

²⁷ Там же. Л. 10–10 об.

Пока просьбы эмигрантов о принятии их в подданство отклонялись российскими властями, китайское посольство в среду эмигрантов своих чиновников, убеждавших не оставлять китайского подданства, предлагая для беглецов земли на Черном Иртыше. И они достигли успеха. Когда комитеты стали принимать заявления от желающих вступить в русское подданство, их среди оседлых эмигрантов оказалось совсем немного. Первые заявления о принятии в русское подданство и православие в адрес Капальского комитета с марта 1867 г. были поданы от 73 семейств (298 чел.) оседлых и 210 семей (739 чел.) кочевых калмыков²⁸.

Семиреченская администрация понимала, что новые подданные империи могли принести пользу краю только в том случае, если бы им была дана возможность завести самостоятельное хозяйство, а аккультурация их стала бы возможной только под влиянием русского просвещения и веры. В представлении командующему войсками Западной Сибири от 21 марта 1867 г. военный губернатор области Г. Колпаковский просил для каждой семьи новых подданных 1 быка, 1 лошадь, 1 корову, земледельческие орудия и денежные пособия 40 руб. на постройку дома, 15 руб. на одежду, небольшое количество хлеба на посев. Он предлагал построить для иммигрантов церковь и школу и учредить при них должности священника-миссионера и учителя. Принявших подданство китайских переселенцев предполагалось отделить от прочих и поселить на удобных землях на урочища Теректы (между станицей Лепсинской и выселком Сарканским)²⁹.

Разрешение на это представление было получено только спустя год 6 марта 1868 г., но вместо запрашиваемой суммы на единовременные расходы из казны (39 584 руб. 42 ½ коп.) было отпущено только 25 тыс. руб. На месте эти деньги стали раздавать только в мае 1868 г. Затягивание более чем на год вопроса по устройству иммигрантов, пожелавших принять российское подданство, спровоцировало возвращение значительной части из них в китайские пределы. В итоге желающих принять подданство оказалось уже не 283 семьи, а 175, в том числе оседлых – только 35 семей. Весной 1868 г. они были собраны в выселке Сарканском, где им была отведена земля для посева хлебов³⁰.

Обратим внимание на одно весьма примечательное обстоятельство. Когда Капальский Комитет все-таки начал выплату пособий иммигрантам, число претендентов на подданство резко увеличилось. Вместо 283 (а фактически 175) семей за пособием обратилась 351 семья в составе 651 чел. (По другим сведениям, это число доходило до 873 чел., а число семей – до 344 чел.). Среди них 187 семей (364 чел.) принадлежали кномадам и 164 (293 чел.) к оседлым³¹.

Из отпущенной на обустройство суммы в 25 тыс. руб. было вычтено 6 844 руб. 10 коп. на постройку церкви и школы, на покупку крестов и икон. Оставшуюся сумму следовало разделить на 283 семьи, как предполагалось изначально³².

Для увеличения размера выплаты иммигранты придумали раздробить свои семьи, чтобы получить по два, а то и три, пособия. Ради предотвращения таких злоупотреблений областным начальством было дано распоряжение, чтобы пособие в полной сумме (65 руб.) выдавалось только семьям, состоящим не менее чем из трех человек. Соответственно, семьям из двух человек выдавалось две трети полного пособия, а одиночкам только одна треть. Позднее выплаты последним были вовсе прекращены на том основании, что они не в состоянии самостоятельно вести домохозяйство, и потому искать помощи для себя должны в частной благотворительности, не обременяя

²⁸ НА РУз Ф. И-1. Оп. 29. Д. 16. Л. 11.

²⁹ Там же. Л. 11 об.

³⁰ Там же. Л. 12.

³¹ Там же. Л. 12 об. – 13.

³² Там же. Л. 26.

расходами правительство. При этом подчеркивалось, что выдававшиеся пособия предназначались на государственно-экономические цели, то есть на помощь бедным семьям для первоначального обзаведения хозяйством, а не на филантропию. Когда выделенных на пособие сумм не хватило, недостающие средства заимствовали из денег, выделенных на строительство церкви и иные нужды.

Крещение иммигрантов началось в июле 1868 г. В августе для них были назначены священник-миссионер и учитель. Весной следующего года в выселке Сарканском была выстроена временная церковь из кошмы. Со временем здесь образовались две слободки из китайских переселенцев. Большая их часть имела пашни, на которых кроме хлеба выращивался табак, кунжут и овощи (арбузы, дыни, редис и пр.). В выселках Коксуйском и Карабулакском иммигранты занимались хлебопашеством, в г. Капале – черными работами: делали кирпичи, возводили глинобитные постройки и т. п.

Многие иммигранты в Капальском уезде заявили о желании причислиться в Семиреченское казачье войско. 29 мая 1869 г. последовало высочайшее соизволение на принятие их в казачье сословие с поселением в выселках и станицах Семиреченского войска и с предоставлением 15-летней отсрочки от действительной службы. Таким образом, устройством быта калмыков, причисленных к казачьему сословию, занялось войсковое начальство. Судьбой остальных занимались уже вместе с устройством иммигрантов Верненского уезда³³.

В Верненский уезд оседлые переселенцы прибыли осенью 1865 г. с Барахудира, и весной 1867 г. из Коксуйского выселка. В августе 1868 г. почти все они ушли в Стергиопольский уезд, намереваясь далее следовать на Черный Иртыш в китайские пределы. Массовый исход был вызван затянувшимся решением их судьбы российским правительством. Вследствие этого осенью 1868 г. в Верненском уезде почти не осталось иммигрантов, за исключением 18 семей калмыков обратившихся в Верненский комитет с желанием принять подданство и крещение. К концу года число подобных заявлений возросло до 79 семей (197 чел.), из которых 90 чел. к этому времени уже были крещены³⁴.

Большая часть этих иммигрантов желала окончательно поселиться в г. Верном, поскольку общество Алматинской станицы выделило земли для строительства, где они уже начали заготавливать строительные материалы и возводить постройки. Для заведывания поселяющимися иммигрантами в Верный был назначен особый офицер.

Первоначально принятых в российское подданство иммигрантов было немного, и местное начальство предполагало разместить их всех в одном особом поселении. Но когда они разбрелись в поиске работы почти по всем оседлым населенным пунктам области, то местное начальство пришло к убеждению, что удобнее определить их на жительство в русских оседлых поселениях. По мнению местного начальства, таким образом эмигранты, во-первых, скорее обрусееют; во-вторых, их знания в садоводстве и земледелии будут переданы большому числу русских поселенцев; в-третьих, русское население может оказывать беднейшим из них большую помощь, когда они рассыпаны при многих поселениях, чем при концентрации в одном; и в-четвертых, всем русским поселениям достанутся дешевые и искусные рабочие для построек из глины и кирпича, из которых полагалось возводить все строения. Представляя выбор мест для поселения самим иммигрантам, местное начальство не хотело стеснять их и в выборе прикрепления к какому-либо сословию³⁵.

3 марта 1869 г. Семиреченское областное правление приняло решение: 1) иммигрантам, желающим поступить в мещанство г. Верного, предоставить все льготы,

³³ НА РУз Ф. И-1. Оп. 29. Д. 16. Л. 14 об. – 15.

³⁴ Там же. Л. 15 об. – 16.

³⁵ Там же. Л. 17 об. – 18 об.

присвоенные русским, приписывающимся к мещанам этого города, и отвести бесплатно участки для постройки домов без земельного надела; 2) мигрантам, желающим приписаться в крестьяне, отвести близ г. Верного землю в количестве 10 десятин на душу (с соответствующими льготами) и образовать из них подгородную слободку; 3) желающим поселиться в станицах дозволить это по приемным приговорам станичных обществ с фиксацией права иммигрантов на пользование землей, но без приписки в казачье сословие (так как эта приписка разрешалась особым порядком); 4) иммигрантам, желающим приписаться в крестьяне вне казачьих сельских поселений области, предоставить равные с русскими поселенцами льготы (их – только крещеным) и надел без приемных приговоров обществ; 5) приписку в мещанство городских поселений дозволить на одинаковых основаниях с г. Верным³⁶.

Эти правила так и не вступили в силу, хотя областное начальство продолжало считать не нужным стеснять китайских иммигрантов в выборе места приписки и сословия, руководствуясь бóльшим удобством их распределения по всем поселениям области.

Иммиграция после возвращения Кульджи (Илийского края) Китая

Решение оккупировать Кульджу было принято императором Александром II в 1871 г.³⁷ Здесь было создано особое административно-территориальное образование в составе Туркестанского генерал-губернаторства – Илийский край (Кульджинский район) – под началом военного губернатора Семиреченской области с системой управления, мало отличающейся от существовавшей в китайский период³⁸. Это было сделано с целью наименее болезненного возвращения занятых земель Китаю, которое и произошло после заключения в 1881 г. Петербургского договора.

Тем не менее социальные потрясения и опасение возвращения жесткого унификационного режима толкали жителей китайского приграничья на российскую сторону. Вскоре после занятия повстанцами Кульджи переселяться начали российские подданные казахи и кыргызы. За ними двинулись сибо, солоны и калмыки. Есть сведения, что в этот период в Семиреченскую область переселилось около 14 тыс. китайских подданных³⁹. При этом отмечался и некоторый их отток с территории России⁴⁰.

Возможно, предчувствуя приближавшийся конец российского присутствия в Синьцзяне, а скорее всего, желая наверняка оказаться под защитой империи, отдельные местные жители начали миграцию в российские пределы задолго до возвращения Заилийского края Китая. Так 29 декабря 1878 г. начальник Аулиеатинского уезда доносил исправлявшему должность военного губернатора Сырдарьинской области:

Я дознался следующее: их (дунган. – Д.В., С.А.) прибыло всего шесть семей, вышли они из города Урумчи в марте месяце нынешнего года, а оттуда направились сюда через Ташкент и Чимкент, и прибыли сюда 23 декабря. Они намерены поселиться здесь потому, что находят что средства к жизни здесь недороги и к тому же они рассчитывают на возможность получения здесь заработков. Все прибывшие сюда дунгане очень бедные люди. Ввиду их бедности я отвел им даровое помещение в городе и поручил здешним дунганам, которые устроились понемногу здесь, позаботиться об обеспечении их существования⁴¹.

³⁶ НА РУз Ф. И-1. Оп. 29. Д. 16. Л. 19–20 об.

³⁷ Васильев Д.В., Почекаев Р.Ю., Асанова С.А. Предел империи: Восточный Туркестан, Кульджа, Хунза в орбите политических интересов России. Вторая половина XIX в. СПб., 2021. С. 26–181.

³⁸ Васильев Д.В. Бремя империи. Административная политика России в Центральной Азии. Вторая половина XIX в. М., 2018. С. 348–361.

³⁹ Лысенко Ю.А. Проблема устройства китайских беженцев... С. 319–329; Лысенко Ю.А. К вопросу о переселении уйгур и дунган... С. 71–75.

⁴⁰ Тумайкина В.В. Вопрос о китайских эмигрантах... С. 217.

⁴¹ НА РУз. И-17. Оп. 1. Д. 579. Л. 5–5 об.

Более масштабным стало переселение, сопровождавшее российско-китайское разграничение в 1881–1882 гг. По подсчетам историков, оно коснулось от 70 до 107 тыс. чел.⁴², из них 75 тыс. уйгур (таранчей), 5 тыс. дунган, около 27 тыс. казахов⁴³. Накануне вступления в Кульджу меньчжуро-китайских войск многие жители буквально в панике покидали Илийский край⁴⁴. Для размещения этого населения, естественно, не хватало земли, уступленной Китаем по Хоргосу и Борохудзире согласно ст. VII Петербургского договора⁴⁵. Приходилось их расселять на просторах Семиречья. Известно, что Китай должен был выплатить России 9 млн руб.

на покрытие издержек, вызванных занятием русскими войсками Илийского края с 1871 года, на удовлетворение всех денежных исков, возбужденных... вследствие потерь, понесенных русскими подданными от разграбления их имущества в китайских пределах, и на выдачу вспомоществований семействам русских подданных, убитых при вооруженных нападениях на них на китайской территории⁴⁶.

Заметим, что тогдашний туркестанский генерал-губернатор К.П. Кауфман выступал категорически против занятия китайской территории, считая справедливым потребовать от империи Цин 120 млн руб., рассчитывая пустить эти средства не только на компенсацию ущерба, но и на строительство железной дороги между Оренбургом и Ташкентом. Однако его предложение встретило в правительстве протест. Безоговорочную победу одержала «политика сентиментального бескорыстия и великодушия в ущерб своему народу и государству»⁴⁷.

Урегулирование пограничных вопросов было поручено генерал-майору А.Я. Фриде, назначенного в 1882 г. семиреченским военным губернатором, когда его предшественник генерал-лейтенант Г.А. Колпаковский был назначен степным генерал-губернатором. Семиреченская область была выделена из состава Туркестанского края и передана в Степной. В 1883 г. Г.А. Колпаковский учредил комиссию во главе с А.Я. Фриде для выработки новых правил управления Семиречьем в связи с изменением его принадлежности.

Не останавливаясь на вопросах, не имеющих отношения к предмету настоящей статьи⁴⁸, напомним, что некоторой корректировки требовало уже изменение этнического состава населения области, чья прежняя первичная администрация была расчитана конкретно на местных казахов и, в меньшей степени, на пришедших русских.

Теперь же, в связи притоком переселенцев из Кульджи и формированием Джаркентского участка, который имел перспективу преобразования в полноценный уезд, комиссия Фриде предложила усилить административный состав и финансирование области. В частности, следовало в областное правление добавить одно отделение⁴⁹, учредить 8 участковых управлений в первую очередь в пограничных уездах⁵⁰.

Этнокультурное изменение населения Семиречья (массовое переселение уйгуров и дунган) подвигло комиссию на предложение применить административные нормы, установленные для оседлого населения соседних туркестанских областей.

⁴² *Моисеев В.А.* Россия и Китай в Центральной Азии... С. 206–207; *Гуревич Б.П.* История «Илийского вопроса»... С. 458.

⁴³ Политика России и Китая в Центральной Азии во второй половине XIX – начале XXI в. / отв. ред. А.В. Старцев. Барнаул, 2014. С. 60.

⁴⁴ *Гуревич Б.П.* История «Илийского вопроса»... С. 458.

⁴⁵ Сборник договоров России с Китаем. 1689–1881 гг. СПб., 1889. С. 228–229.

⁴⁶ Там же. С. 228.

⁴⁷ *Кадников В.С.* Из истории Кульджинского вопроса // Исторический вестник. 1911. Т. 124. № 6. С. 906–908.

⁴⁸ *Васильев Д.В.* Бремя империи. С. 466–482.

⁴⁹ Центральный государственный архив Республики Казахстан. Ф. 64. Оп. 1. Д. 115. Л. 135 об. – 137.

⁵⁰ Там же. Л. 138.

В Семиреченской области действовали суды биев и казиев. Естественно, пришлое население требовалось адаптировать к этим условиям. В материалах комиссии упоминается 1000 кибиток калмыков. Принимая во внимание сходство их судебных обычаев с казахскими (и кыргызскими), было предложено на них распространить суд биев по установленным правилам⁵¹.

Уйгуры (таранчи) были оседлым населением, сохранившим у себя народный суд по шарияту, значительно дополненный местными обычаями.

Народный суд у таранчей в формах своих и в существе народных обычаев очень сходен с судом биев, и обе народности... охотно разбирались общим судом из биев и казиев. Вследствие сего и по неудобству ныне же подчинить таранчей русскому суду, впредь до постепенного обрусения этих выходцев и до проникновения их быта и воззрений русскими началами и понятиями следовало бы оставить таранчам их народный суд, подчинив оный правилам для суда биев...⁵²

с некоторыми изменениями. Наиболее серьезные уголовные преступления следовало исключить из ведения народных судей уйгуров и передать их имперскому суду. Поэтому все эти преступления были отнесены к юрисдикции имперского суда. Те же правила предлагалось распространить и на дунган, исповедовавших ислам и судившихся казиями⁵³.

Не желая, в силу низкой эффективности русского суда по делам о кражах скота, передавать рассмотрение дел между таранчами и дунганами русскому суду, комиссия предложила следующий вариант:

Таранчи и дунганы Семиреченской области подлежат по делам между собою суду казиев, образуемому и действующему на тех же основаниях, какие определены... для суда биев, с тем лишь изменением, что иски свыше 100 р. разбираются и приговоры о наказании штрафом свыше 10 р. или лишением свободы постановляются не иначе как на съездах казиев...⁵⁴

Это уникальный случай, когда представители разных народностей судились не русским, а народным судом, свидетельствует о желании и готовности местной администрации не идти напролом к цели обрусения региона, а найти наиболее эффективный вариант для адаптации всего населения края к новым политическим реалиям. Ко всему прочему, комиссия была убеждена, что оседлое население Семиречья было весьма далеко от оседлых жителей Туркестана, а потому не должно было иметь идентичную судебную систему⁵⁵.

Предложения комиссии А. Фриде реализованы не были, так как в столице и в Омске (центр Степного генерал-губернаторства) продолжался поиск наиболее приемлемого решения для административно-правовой организации кочевой окраины империи. В 1888 г. Особая комиссия при Министерстве внутренних дел разработала проект Положения об управлении областей Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Казалинской⁵⁶. В нем также нашло отражение появление в кочевом регионе оседлого населения из соседнего Китая.

Проект Особой комиссии предусматривал раздел об управлении оседлого населения, что в первую очередь было вызвано как развитием переселенческого дела, так и иммиграцией из Китая. По смыслу законопроекта волости в областях надлежало организовывать не только по территориальному принципу, но и с учетом этносоциального фактора – отдельно для кочевого и оседлого (отдельно для

⁵¹ Центральный государственный архив Республики Казахстан. Ф. 64. Оп. 1. Д. 115. Л. 150 об.

⁵² Там же. Л. 151.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же. Л. 151 об.

⁵⁵ Там же. Л. 151 об.

⁵⁶ НА РУз. Ф. И-1. Оп. 22. Д. 825. Л. 13–32 об.

русского и нерусского) населения. По аналогии с русскими сельскими жителями дунгане и уйгуры в уездах делились на волости и сельские общества. Их возглавляли волостные управители и аульные старшины. При этом порядок избрания должностных лиц общественного управления, порядок работы волостного съезда и сельского схода устанавливались идентично кочевому населению (§ 84, 88–89). Глава о податях с оседлого населения подчеркивала фискальное равенство оседлых жителей – русских, уйгуров и дунган, которые должны были облагаться оброчной податью на общем для империи основании (§ 250–251). Глава об организации и функционировании народного суда в степных областях была в значительной мере унифицирована и также лишена этнического своеобразия. Она констатировала в § 183:

Инородцы, кочевые и оседлые, имеют отдельные народные суды, разрешающие подсудные им дела на основании существующих в каждой из означенных частей населения обычаев⁵⁷.

Результатом многолетних подготовительных работ стало Положение об управлении Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской областями, утвержденное в законодательном порядке в 1891 г.⁵⁸

Закон не видел различия между китайскими иммигрантами и коренным населением российской степи в части судопроизводства по названным выше причинам. Что же касается их первичного управления, то, фактически сближая их с русскими станичниками, Положение сохраняло определенную специфику. Поселения уйгуров и дунган делились на волости, а те, в свою очередь, на сельские общества. В основе объединения поселений в сельские общества лежал принцип пользования близлежащими земельными участками и оросительными каналами, что соответствовало принципу соединения скотоводческих владений в аулы. Как у кочевников, перечисление отдельных лиц и семейств из одного общества в другое позволялось с разрешения уездного начальника, основанного на увольнительном или приемном приговоре сельского схода. А как у русских земледельцев, во главе волостей стояли волостные управители (у русских – волостные старшины), а сельскими обществами заведовали сельские старшины (у русских – сельские старосты). При этом порядок избрания и назначения должностных лиц общественного управления, а также права, обязанности и ответственность, равно как и порядок работы волостного съезда и сельского схода, соответствовали правилам, установленным для кочевого населения степных областей (§ 91–96).

Добавим, что российская администрация, стремившаяся укоренить переселенцев и превратить их в лояльных подданных, которые не могут стать причиной для осложнения пограничных отношений с довольно могущественным соседом, предпринимала конкретные шаги (в том числе и полицейского характера) для предотвращения их откочевания⁵⁹, возвращали уже принявших российское подданство и даже обеспечивали казенным заработком⁶⁰.

Выводы

Проведенное исследование документов, связанных с миграцией синьцзянского населения в 1860–1880-х гг. на территорию Российской империи, убеждает в том, что, принимая на своей стороне и в свое подданство кочевых (первая волна) и оседлых (вторая волна) выходцев из китайских владений, российские власти стремились найти им место среди сформировавшихся социально-экономических

⁵⁷ ПСЗРИ-III. Т. 11: 1891. № 7574. С. 135–147 (1-я pag.).

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ НА РУз. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 579. Л. 13–13 об.

⁶⁰ Там же. Д. 15749. Л. 2–2 об.

общностей. При этом подходили к этому вопросу весьма дифференцированно: где-то давая им нормы, свойственные кочевым жителям степи, где-то устанавливая для них правила, по которым жило основное податное население империи. И, судя по опыту коренных народов российской части Центральной Азии, в финале этого процесса адаптации должно было наступить органическое (естественное) слияние бывших цинских подданных с подданными внутренних губерний Российской империи.

Поступила в редакцию / Submitted: 27.10.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 12.12.2022

Принята к публикации / Accepted for publication: 23.01.2023

References

- Batmaev, M.M. "Ukhod bol'shei chasti kalmykov v Dzhungariyu [Departure of most of the Kalmyks to Dzungaria]." In *Istoriia Kalmykii s drevneishikh vremen do nashikh dnei*. Vol. 1, 420–431. Elista: Gerel Publ., 2009 (in Russian).
- Bizhigitova, K.S. "Religiozno-nravstvennoe sostojanie Sibirskih i Semirechenskih kazakov (vtoraja polovina XIX – nachalo XX vv.) [Religious and moral state of the Siberian and Semirechensk Cossacks (second half of the 19th – early 20th centuries)]." *Vestnik KazNPU imeni Abaja. Seriya Istoricheskie i social'no-politicheskie nauki*, no. 2 (2013): 16–20 (in Russian).
- Dolbezhev, B.V. "Sud'ba kalmykov, bezhavshikh s Volgi [The fate of the Kalmyks who fled from the Volga]." In *Sbornik geograficheskikh, topograficheskikh i statisticheskikh materialov po Azii* 86 (1913): 1–52 (in Russian).
- Dordzhieva, E.V. *Iskhod kalmykov v Kitai v 1771 g.* [Exodus of the Kalmyks to China in 1771]. Rostov-na-Donu: SKNTs VSh Publ., 2002 (in Russian).
- Dubrovskaya, D.V. "Iliiskii krizis v russko-kitaiskikh otnosheniyakh [Ili crisis in Russian-Chinese relations]." *Vostok*, no. 5 (1994): 51–63 (in Russian).
- Dubrovskaya, D.V. *Sud'ba Sin'tsziana: Obretenie Kitaem 'Novoi granitsy' v kontse XIX v.* [The fate of Xinjiang: China's acquisition of the 'New Frontier' at the end of the 19th century]. Moscow: IV RAN Publ., 1998 (in Russian).
- Gurevich, B.P. "Istoriia 'Iliiskogo voprosa' i ee kitaiskie fal'sifikatory [The history of the 'Ili question' and its Chinese falsifiers]." In *Dokumenty oprovergaiut. Protiv fal'sifikatsii istorii russko-kitaiskikh otnoshenii*, 423–459. Moscow: Mysl' Publ., 1982 (in Russian).
- Kadnikov, V.S. "Iz istorii Kul'dzhinskogo voprosa [From the history of the Kul'dzha issue]." *Istoricheskii vestnik*, no. 6 (1911): 893–909 (in Russian).
- Kolesnik, V.I. "K voprosu o politike Tsinskoi imperii v otnoshenii vozvrashcheniya kalmykov iz Nizhnego Povolzh'ya v Dzhungariyu v 1771 g. [On the question of the policy of the Qing Empire regarding the return of Kalmyks from the Lower Volga region to Dzungaria in 1771]." In *Byulleten' Obshchestva vostokovedov RAN*. Vol. 2, 116–118. Moscow: Institut vostokovedeniya RAN Publ., 1999 (in Russian).
- Kolesnik, V.I. "Poslednee velikoe kochev'e (o znachenii 'torgut'skogo pobega' dlia periodizatsii vseмирnoi istorii) [The last great nomad camp (on the significance of the 'Torghut escape' for the periodization of world history)]." In *VII-i Mezhdunarodnyi kongress mongolovedov. Doklady rossiiskoi delegatsii*, 30–32. Moscow: Institut vostokovedeniya RAN Publ., 1997 (in Russian).
- Lysenko, Yu.A. "K voprosu o pereselenii uigur i dungan Iliiskogo kraja v Rossiiskuyu imperiyu (70–80-e gg. XIX v.) [On the issue of the resettlement of the Uighurs and Dungsans of the Ili region to the Russian Empire (70–80s of the 19th century)]." In *Rossiya i Kitai: istoriya i perspektivy sotrudnichestva. Materialy III mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*, 71–75. Blagoveshchensk: BGPU Publ., 2013 (in Russian).
- Lysenko, Yu.A. "Problema ustroystva kitaiskikh bezhentshev v Semirechenskoj oblasti v 1868–1874 gg. [The problem of the settlement of Chinese refugees in the Semirechye region in 1868–1874]." In *Mezhdunarodnye otnosheniia v Tsentral'noi Azii: istoriya i sovremennost'. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*, 319–329. Barnaul: Altaiskii gosudarstvennyi universitet Publ., 2008 (in Russian).
- Mamedova, E.M. "Iz istorii vzaimootnoshenii narodov Turkestanskogo kraja i Sin'tszyana: so vtoroi poloviny XIX veka do 1917 g. [From the history of relations between the peoples of the Tur-

- kestan region and Xinjiang: from the second half of the 19th century to 1917].” PhD diss., Institute of Oriental Studies of the Academy of Sciences of the Uzbek SSR, 1963 (in Russian).
- Moiseev, V.A. *Rossii i Kitai v Tsentral'noi Azii: (Vtoraia polovina XIX v. – 1917 g.)* [Russia and China in Central Asia: (Second half of the 19th century – 1917)]. Barnaul: AzBuka Publ., 2003 (in Russian).
- Nikol'skaya, G.B. “Vykhodtsy iz Sin'tszyana v Turkestane v kontse XIX – nachale XX vv.: materialy k istorii Srednei Azii [Natives of Xinjiang in Turkestan in the late 19th – early 20th centuries: materials on the history of Central Asia].” PhD diss., Tashkent University, 1969 (in Russian).
- Sanchirov, V.P. “Predislovie [Preface].” In Bichurin, N.Ya. (Iakinf). *Istoricheskoe obozrenie oiratov ili kalmykov s XV stoletiya do nastoyashchego vremeni*, 5–17. Elista: Kalmytskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1991 (in Russian).
- Shikhanov, N.A. “Politika pravitel'stva imperii Tsin po rasseleniyu kalmykov-torgutov v Kitae v kontse XVIII v. [The policy of the government of the Qing Empire on the resettlement of Kalmyk-Torguts in China at the end of the 18th century]” *Klio*, no. 6 (2021): 90–94 (in Russian).
- Startsev, A.V., ed. *Politika Rossii i Kitaya v Tsentral'noy Azii vo vtoroy polovine XIX – nachale XXI v.* [The policy of Russia and China in Central Asia in the second half of the 19th – early 21st century]. Barnaul: Azbuka Publ., 2014 (in Russian).
- Suseeva, D.A. *Pis'ma kalmytskikh khanov XVIII veka i ikh sovremennikov (1713–1771 gg.)* [Letters from the Kalmyk khans of the 18th century and their contemporaries (1713–1771)]. Elista: Dzhangar Publ., 2009 (in Russian).
- Tumaikina, V.V. “Vopros o kitaiskikh emigrantakh, prishedshikh na territoriyu Semirech'ya vo vtoroi polovine XIX v. [The question of Chinese emigrants who came to the territory of Semirechye in the second half of the 19th century.]” In *Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 4-5 (2008): 214–218 (in Russian).
- Vasilyev, D.V. *Bremia imperii. Administrativnaia politika Rossii v Tsentral'noi Azii. Vtoraia polovina XIX v.* [Burden of the empire. Russian administrative policy in Central Asia. Second half of the 19th century]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2018 (in Russian).
- Vasilyev, D.V. *Rozhdenie imperii. Yugo-vostok Rossii: XVIII – pervaya polovina XIX v.* [Birth of the Empire. South-East of Russia: XVIII – first half of the XIX century]. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin Publ., 2020 (in Russian).
- Vasilyev, D.V., Pochekaev, R.Yu., and Asanova, S.A. *Predel imperii: Vostochnyi Turkestan, Kul'dzha, Khunza v orbite politicheskikh interesov Rossii. Vtoraya polovina XIX v.* [The limit of the empire: Eastern Turkestan, Ghulja, Hunza in the orbit of Russia's political interests. Second half of the 19th century]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2021 (in Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

Дмитрий Валентинович Васильев, д-р истор. наук, профессор кафедры отечественной истории, Московский городской педагогический университет; 129226, Россия, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, 4; dvvasiliev@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6616-0646>

Dmitry V. Vasilyev, Dr. Habil in History, Professor of the Department of Domestic History, Moscow City University; 4, Vtoroy Selskhozajstvenny proezd, Moscow, 129226, Russia; dvvasiliev@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6616-0646>

Светлана Алексеевна Асанова, канд. истор. наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Национальный исследовательский технологический университет «МИСИС»; 110105, Узбекистан, Алмалык, ул. Амира Тимура, 56; asa_svetlana@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-5368-6681>

Svetlana A. Asanova, PhD in History, Associate Professor of the Department of Social and Humanities Disciplines, National University of Science and Technology “MISIS”; 56, Amir Timur str., Almalyk, 110105, Uzbekistan; asa_svetlana@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-5368-6681>

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-1-47-56>

Научная статья / Research article

Православие в Западной Азии и Средней Азии: предыстория вопроса

Ирина Смирнова

Российская академия наук, Москва, Россия

 irinasmirnowa@mail.ru

Аннотация: Рассматривается предыстория распространения православия в Западной Азии, тесно связанная с политикой России в Средней Азии во второй половине XIX в. Прослеживаются первые миссионерские проекты в Кульдже (1851 г.) среди потомков пленных албазинцев, сосланных в 1712 г. из Пекина в китайскую Кульджу. При реконструкции истории русского церковного присутствия в Илийском крае было выявлено, что инициатива православного миссионерства в Западной Азии принадлежала известному церковному деятелю Парфению (Аггееву), была поддержана митрополитом Филаретом (Дроздовым) и доведена до внимания императора Николая I. Отмечено, что Министерство иностранных дел, отказавшись от миссионерского проекта, предложило собственную концепцию, а именно устройство православных церквей при российских консульствах и факториях в Западной Азии. Анализ официальной дипломатической корреспонденции на протяжении 1850-х – 1860-х гг. позволяет проследить процесс принятия решений в Св. Синоде и Министерстве иностранных дел в отношении православного миссионерства и показывает, что отношение российских дипломатов к миссионерству Русской православной церкви в Азии было негативным как к деятельности, способной обострить внешнеполитические отношения между Россией и Китаем. Вместе с тем подчеркнута ключевая роль устройства православных храмов при российских консульствах в Кульдже и Чугучаке в деле распространения православия в Средней Азии и Западной Азии.

Ключевые слова: православная церковь в Урге, станица Копальская, торговая фактория, русская колонизация, А.Г. Влангали, Н.А. Протасов, А.П. Толстой

Для цитирования: Смирнова И.Ю. Православие в Западной Азии и Средней Азии: предыстория вопроса // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2023. Т. 22. № 1. С. 47–56. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-1-47-56>

Orthodoxy in Western China and Central Asia: Historical Background

Irina Smirnova

Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

 irinasmirnowa@mail.ru

Abstract: The author discusses the prehistory of the spread of Orthodoxy among the residents of Western China that was inextricably linked to the policy of Russia in Central Asia in the second half of the 19th century and traces the first missionary projects carried out in Ghulja (1851) among the descendants of captive Albazians exiled from Beijing to the Chinese Ghulja in 1712. While reconstructing the history of Orthodoxy in the Ile region, it was revealed that the initiative of Orthodox missionary work in Western China originally belonged to eminent churchman Parfeny (Aggee); it was supported by Metropolitan Philaret (Drozdov) of Moscow and brought to the attention of Emperor Nicholas I. The study of the official diplomatic correspondence in the period of the 1850–60s showed that the atti-

© Смирнова И.Ю., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

tude of Russian diplomats to the missionary work of the Russian Orthodox Church in China was negative as this activity might exacerbate foreign policy relations between Russia and China. At the same time, the establishment of Orthodox churches at the Russian consulates in Ghulja and Chuguchak played a crucial role in the spread of Orthodoxy in Central Asia and Western China.

Keywords: Russian Orthodox Church in Urga, stanitsa Kopsalskaya, trading post, Russian colonization, A.G. Vlangali, N.A. Protasov, A.P. Tolstoy

For citation: Smirnova, Irina. "Orthodoxy in Western China and Central Asia: Historical Background." *RUDN Journal of Russian History* 22, no. 1 (February 2023): 47–56 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-1-47-56>

Введение

История православного миссионерства и русских духовных миссий за рубежом привлекает в последние годы большое внимание исследователей как важная, но малоизученная сфера деятельности православной России по налаживанию духовных, культурных и гуманитарных связей среди этнорелигиозного и многонационального населения ее ближайших соседей, одним из которых является Китай. Это страна, которую исторически связывали с Россией не только экономико-политические, но и глубокие научно-культурные и гуманитарные связи. Однако если по истории Русской духовной миссии в Пекине имеется обширная историография¹, то история российского православного присутствия в Западном Китае остается недостаточно изученной, несмотря на то, что развитие церковной структуры в этом азиатском регионе имело прямое отношение к освоению Россией среднеазиатских территорий во второй половине XIX в.

Научные исследования, посвященные этой проблематике, появились значительно позже², в середине 1850-х гг. ведущие эксперты, привлеченные к разработке политического курса России в Среднеазиатском регионе, отмечали дефицит необходимых справочных изданий, сложности, возникавшие при обсуждении различных административных вопросов в связи с отсутствием знающих людей, что «чрезвычайно затрудняло разработку предмета довольно сложного и разнообразного»³.

Но и четверть века спустя ситуация, связанная с освещением в прессе среднеазиатской политики, мало изменилась. Так, в 1878 г. Д.Ф. Косицын сетовал:

¹ *Коростовец И.Я.* Русская духовная миссия в Пекине. Исторический очерк // Русский архив. 1893. № 9. С. 57–86; *Петров В.П.* Российская Духовная миссия в Китае. Вашингтон: Издание Русского книжного дела в США, 1968; *Августин (Никитин), архим.* СПбДА и Российская духовная миссия в Пекине: Архим. Гурий (Карпов), 1814–1882 // Православие на Дальнем Востоке: 275-летие Российской духовной миссии в Китае / отв. ред. Н.А. Самойлов. СПб., 1993. С. 37–47; *Векшина Н.М.* Религия, политика и наука в истории Российской духовной миссии в Пекине // Вестник Вятского государственного университета. 2018. № 1. С. 32–36; *Ли Цзинчэн.* Русская Духовная Миссия в Пекине в работах Сяо Юйцю // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки 2018. Т. 9. № 1. С. 54–62. <https://doi.org/10.18721/JHSS.9106>; *Феклова Т.Ю.* Под сенью Церкви: научная деятельность Русской духовной миссии в Китае в XIX в. // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2020. № 2 (5). С. 139–150. <https://doi.org/10.24411/2587-8425-2020-10035>; *Самойлов Н.А.* Изучение истории Российской духовной миссии в Китае: основные направления, подходы и перспективы // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2021. № 2. С. 48–76; *Петровский Д.И.* Православие в Китае: история и современность // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2022. № 2. С. 84–104. <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2022-40-2-84-104> и др.

² *Халфин Н.А.* Политика России в Средней Азии (1857–1868). М., 1960; *Бухарин М.Д.* Новые документы по истории изучения Восточного Туркестана из Турфанского собрания // Новая и новейшая история. 2021. № 1. С. 214–222; *Васильев Д.В., Почакаев Р.Ю., Асанова С.А.* Предел империи. Восточный Туркестан, Кульджа, Хунза в орбите политических интересов России. Вторая половина XIX в. СПб., 2021; *Васильев Д.В.* Поступь империи: Политика России в Центральной Азии: XIX – начало XX в. М.; СПб., 2022 и др.

³ Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 67. Оп. 1. Д. 65. Л. 7 об.

Нет нигде в печати обстоятельных сведений и о том когда и кем покорена Киргизская степь, то есть все то пространство какое составляет нынешнюю Семиреченскую и большую часть Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областей. Присоединено к России пространство большее чем от Москвы до Парижа, и однако ж совершенно неизвестно какие Черняевы или Кауфманы, и с какими войсками совершили это?⁴

Трудов же о месте и роли Русской православной церкви в этом масштабном государственном проекте по прежнему крайне недостаточно⁵, тем более отсутствуют они в зарубежной историографии, хотя литература о миссионерском присутствии западных держав в Китае достаточно обширна⁶.

Парфений (Аггеев) как инициатор миссионерского проекта в Кульдже

Особый интерес представляют материалы, собранные иноком Парфением (Аггеевым)⁷ и опубликованные в разное время в московских изданиях⁸. Человек с яркой биографией, постриженник Афона, известный как человек высокой духовной жизни, Парфений акцентировал внимание, в первую очередь, на церковной стороне дела, и, судя по отзывам современников, его повествование, как одно из первых источников по истории присоединения к России новых среднеазиатских территорий, было воспринято с большим интересом и энтузиазмом⁹.

Отправной точкой начала официальной переписки по вопросу устройства церкви в Кульдже послужила встреча о. Парфения в Томске с Порфирием Глебовичем Уфимцевым, турунским мещанином, который в качестве купеческого приказчика ездил по торговым делам из Семипалатинска в Бухарию и на северо-западную границу Китая¹⁰. В 1844–1847 гг. он трижды путешествовал с караваном по Киргизским Степям, в Бухарию, Коканд и Китай под видом татарина.

В повествовании П.Г. Уфимцева содержатся сведения о торговых маршрутах русских купцов по Бухарии, о расположении старой и малой, или новой, Кульджи, до которой приходилось «ехать на верблюдах из Семипалатинска 3 месяца», о расстоянии между ними, о численности населения («в новой Кульдже жителей тысяч

⁴ [Парфений (Аггеев), схиигумен.] Первые известия о русских в Кульдже и присоединение к России Киргизской степи: Рукопись инока Парфения, сообщенная Д.Ф. Косицыным // Русский вестник. 1878. № 9. С. 8.

⁵ Поздняев Дионисий, священник. Православие в Китае (1900–1997). М., 1998; Плеханова А.М., Корниенко Н.Н. Православное миссионерство в Монголии // Власть. 2016. № 8. С. 122–127; Корниенко Н.Н. «А святую ту церковь построить»: из истории возведения и деятельности Свято-Троицкого храма в Урге // Христианское чтение. 2017. № 5. С. 198–208.

⁶ Stock E. Chine // Montgomery H.H., Stock E. Christian missions in the Far East. London, 1905; Latourette K.S. A History of Christian Missions in China. New York, 1929; Huges E.R. The Invasion of China by the Western World. N.Y., 1968; Whyte R. Unfinished Encounter: China and Christianity. London, 1988; Charbonnier J. Histoire des Chretiens de Chine. Paris, 1992; Madsen R. China's Catholics: Tragedy and Hope in an Emerging Civil Society. Berkeley, 1998.

⁷ Схиигумен Парфений (в миру Петр Аггеев, 1806–1878), настоятель Николо-Берлюковской пустыни (1856–1860), основатель миссионерского Гуслицкого Спасо-Преображенского монастыря (1858–1872), миссионер. В 1847–1854 гг. находился при архиерейском доме в г. Томске; в августе 1854 г. поступил в Гефсиманский скит Троице-Сергиевой Лавры.

⁸ См.: [Уфимцев П.Г.] Русские в Бухаре и в Китае. Рассказ мещанина П[орфирия] У[фимцева] иноку Парфению в Томске, в 1851 году // Прибавления к изданию творений святых отцов в русском переводе. М., 1859. С. 339–347; Первые известия о русских в Кульдже и присоединение к России Киргизской степи: Рукопись инока Парфения, сообщенная Д.Ф. Косицыным // Русский вестник. 1878. № 9. С. 7–21.

⁹ Первые известия о русских в Кульдже и присоединение к России Киргизской степи... // Русский вестник. 1878. № 9. С. 8.

¹⁰ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее – ОР РГБ). Ф. 302. К. 2. Ед. хр. 15. Л. 1 об.

до ста, а в старой вдвое больше»)¹¹. От Уфимцева о. Парфений узнал о его встрече в китайской Кульдже с потомками албазинцев, называвших себя «русскими и христианами». В большой (старой) и малой (новой) Кульдже в Китае, находившимися на расстоянии 30 верст, насчитывалось до 15 семей (около 50 чел.). Все они были потомками пленных албазинцев, сосланных в Западный Китай из-за недовольства ими китайского правительства в связи с требованием дать разрешение на приезд православного священника. Они полностью ассимилировались, не имея возможности бывать в Пекине и потеряв связь с «пекинскими» албазинцами в силу местных законов и из-за удаленности их места проживания от столицы.

Встреча с Уфимцевым возродила в «русских кульджинцах» надежду напомнить о себе в православной России, что позволило бы им построить церковь и иметь православного священника для наставления в вере и исправления треб¹², о чем инок Парфений сообщил в письме к митрополиту Московскому Филарету от 13 августа 1851 г. Его просьба состояла в том, чтобы привлечь авторитетного иерарха к содействию и удовлетворить желание диаспоры христиан из потомков албазинцев. Для начала он полагал достаточным направить к ним «под видом купцов» не более трех человек (священника, диакона и причетника)¹³.

Обсуждение миссионерского проекта в синодальных кругах

Филарет Московский, несмотря на сочувствие к миссионерскому делу, понимал трудность его осуществления в Западном Китае, с которым Россия лишь недавно встала на путь налаживания официальных контактов, и МИД в любых действиях, выходящих за рамки договора 1851 г., мог усмотреть политические риски¹⁴. Филарет переслал письмо Парфения обер-прокурору Св. Синода графу Н.А. Протасову, который, в свою очередь, поставил в известность императора. Из письма митрополита можно видеть критерии православной церкви в отношении миссионерства: должны быть те, кто открыт к православной проповеди и те, кто готов трудиться на миссионерской ниве. И такие люди были, как-то можно было видеть из письма о. Парфения: и он, и Уфимцев выражали готовность отправиться миссионерами в Западный Китай¹⁵. В их стремлении к миссионерскому служению Филарет усматривал черты характера, присущие православному миссионеру: усердие, смелость, самоотвержение, преданность в волю Божию, смирение¹⁶.

Признавая, что отправить миссионеров открыто «не позволят многие обстоятельства», митрополит Московский не считал невозможным подавать потомкам албазинцев «необходимую для них духовную помощь» втайне, по аналогии с тем, «как древние христиане, при неблагоприятных для веры обстоятельствах, сохраняли и распространяли ее в тайне». Признавая целесообразным предложение Парфения отправить миссионеров при торговом караване под видом купцов, Филарет предлагал обеспечить их пособием от правительства или от частных пожертвований на недорогие, пользующиеся спросом товаров¹⁷.

Были высказаны и другие рекомендации, касавшиеся миссионерской работы, устройства церкви или молитвенного дома, совершения богослужений, что, по мне-

¹¹ ОР РГБ. Ф. 302. К. 2. Ед. хр. 15. Л. 11.

¹² Там же. Л. 1–2.

¹³ Там же. Ф. 316/2. К. 4. Ед. хр. 31.

¹⁴ Свт. Филарет, митрополит Московский. Письма к преподобному Антонию, наместнику Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. 1831–1867. Т. 2. СТСЛ. 2007. С. 191.

¹⁵ Собрание мнений и отзывов Филарета, Митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам. СПб., 1885. Т. 3. С. 470.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 470–471.

нию митрополита, следовало представить на усмотрение императора. Примечательны слова Филарета о цели этого миссионерского предприятия: не только поддержание в Кульджинцах «любви к России, доселе в них не угасшей», но и «извлечение для благодетельствующей России благого воздаяния»¹⁸. Несомненно, что, обладая обширным государственным умом и дипломатическим талантом, Филарет Московский не мог не видеть безусловной пользы для России пребывания в соседствующих с Россией областях Китая преданных православных «китайцев». Во многом от того зависел успех русской торговли, в поддержку которой 25 июля/6 августа 1851 г. был подписан Кульджинский трактат, согласно которому была открыта торговля в Или (Кульчже) и Тарбагатае (Чугучаке), позволялось строительство факторий и учреждение российских консульств.

Чем закончилась переписка Филарета с обер-прокурором Св. Синода, до последнего времени было неизвестно. В издании Московской духовной академии «Прибавления к изданию творений святых отцов в русском переводе» за 1859 г. отмечалось, что «дело, по неизвестным обстоятельствам, дальнейших последствий не имело»¹⁹. Тем не менее о последующем развитии событий в пограничном с Западным Китаем регионе можно судить по записке обер-прокурора Св. Синода графа А.П. Толстого, обнаруженной автором в фонде графа А. П. Толстого в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки. Документ не датирован, но его можно отнести к осени 1856 г., когда граф Толстой был назначен обер-прокурором Св. Синода (20 сентября 1856 г.) и приступил к приему дел после кончины графа Н.А. Протасова.

Позиция российских дипломатов по «миссионерскому вопросу»

Как следует из записки графа Толстого, на доклад его предшественника последовала резолюция императора Николая I: «Дело это святое, но требует большой осторожности». Озабоченность императора была вызвана политической ситуацией в Сырдарьинской области и наступательной политикой России в пределах Киргизской степи и на границах с Западным Китаем, в связи с чем император велел обер-прокурору выяснить мнение директора Азиатского департамента Министерства иностранных дел В.И. Любимова и представить заключение²⁰.

Из ответа иностранного ведомства следует, что в Министерстве иностранных дел не располагали сведениями о проживании в Кульдже потомков пекинских албазинцев и рассчитывали получить необходимую информацию от вновь назначенного российского консула. Тем не менее МИД не считал возможным действовать в Западном Китае при посредстве миссионерства,

которое представило бы для нас немалые затруднения и даже, при неосторожном действии, могло бы навлечь разные неприятности²¹.

Рассматривая предположение об устройении церкви для «албазинских» китайцев, МИД напомнил, что, имея право (согласно Кульджинскому договору) устроить в Кульдже русскую факторию, в случае успешного распространения в Кульдже русской торговли можно было бы устроить при ней и церковь – «стараниями самих купцов при некотором, может быть, пособии со стороны правительства». В таком случае потомки русских албазинцев, пользуясь тем, что доступ в факторию открыт

¹⁸ Собрание мнений и отзывов Филарета... С. 472.

¹⁹ [Уфимцев П. Г.] Русские в Бухаре и в Китае // Прибавления к изданию творений святых отцов в русском переводе. М., 1859. С. 347.

²⁰ ОР РГБ. Ф. 302. К. 2. Ед. хр. 15. Л. 2 об.

²¹ Там же. Л. 3 об. – 4.

для всех китайцев, могли бы посещать факторию и церковь, без каких-либо подозрений со стороны местных властей²², а до тех пор МИД рекомендовал ограничиться сбором нужных сведений о христианах-кульджинцах.

В отношении русских, находившихся в Ташкенте и Коканде, которые также считали себя православными христианами, соблюдали церковные обряды и даже обращались, хотя и безуспешно, к своим властям с просьбой об устройстве Русской духовной миссии²³, позиция МИД была еще более жесткой: рассказ Уфимцова сочли преувеличенным, и не считали целесообразным направлять миссионеров на проповедь православия к беглым русским, скрывавшимся в среднеазиатских городах:

Полезно ли в политическом отношении заботиться о сих людях и доставлять им утешения веры и не послужит ли это к большому поощрению подобных побегов?²⁴

В связи с этим возникает вопрос – почему российский МИД, от которого в первую очередь зависело положительное решение «миссионерского вопроса», не стремился содействовать распространению миссионерства, в то время как западные державы пользовались любой возможностью для водворения своих миссионеров в самых отдаленных регионах? Ответить на этот вопрос отчасти позволяет дипломатическая переписка российских представителей в Китае с Азиатским департаментом МИД. Так, посланник в Пекине А.Г. Влангали в донесении к Н.П. Игнатьеву от 25 ноября 1863 г. по поводу строительства православной церкви в Урге отмечал, что

все должно быть произведено тихо, без шума и большой огласки и даже в постройке должна быть соблюдена скромность и простота, для того, чтобы не колоть глаза буддистскому духовенству, преобладающему в огромном количестве в Урге и имеющему там несметное число кумерен и капищ²⁵.

Влангали прилагал особые усилия к тому, чтобы священник, посланный в Монголию, не оказался из числа миссионеров, опасаясь, что от излишнего усердия миссионеров или их начальника могут возникнуть затруднения, вследствие чего

дело распространения христианства и доверие к нашему духовенству вместо того, чтобы двигаться вперед, отодвинется назад²⁶.

В донесении выражена общая позиция российских дипломатов в отношении организованного миссионерства и нежелательной реакции на него со стороны местных властей. В частности, пребывание русских миссионеров в Монголии вызывало опасение, что оно может настроить против себя буддистское духовенство и возбудить подозрение китайского правительства, которое «радо будет всякому случаю, могущему не расположить монголов к России»²⁷.

Влангали находил более целесообразным, чтобы ургинский священник имел статус не миссионера, а приходского священника с подчинением иркутскому преосвященному с тем, чтобы последний никогда не приезжал в Ургу. (Следует отметить, что позиция Влангали по миссионерскому вопросу в Китае во многом была схожей с отношением к Русской духовной миссии в Иерусалиме со стороны российских дипломатов, которые всячески старались понизить сан и статус начальника миссии – с епископа до архимандрита, а затем и до приходского священника²⁸).

²² ОР РГБ. Ф. 302. К. 2. Ед. хр. 15. Л. 3 об. – 4.

²³ Там же. Ф. 316/2. К. 4. Ед. хр. 31. Л. 30.

²⁴ Там же. Л. 5 об.

²⁵ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВП РИ). Ф. 143. Китайский стол. Оп. 491. Д. 574. Л. 3 об.

²⁶ Там же. Л. 5 об.

²⁷ Там же. Л. 6.

²⁸ См. подробнее: *Бутова Р.Б., Смирнова И.Ю.* Русская Духовная Миссия в Иерусалиме (1847–1917) // Православная энциклопедия. 2020. Т. 60. С. 521–531.

Подобные меры предосторожности были вызваны опасением возбудить против русских и православных монгольских лам, а вслед за ними и жителей. Влангали писал:

Одно из главных условий успеха состоит в том, чтобы не делать из постройки храма политического вопроса, не просить разрешений у китайцев, не делать никакого шума, словом – не переносить вопрос этот на почву Пекина²⁹.

То есть на обсуждение высокой дипломатии при участии китайских властей и западных держав. При этом, как и в случае строительства церкви в Урге, устройство православного храма в Кульдже не подвергалось в МИДе сомнению как дело святое, но центр тяжести в решении вопроса переносился на консульство и устроенные при нем русские фактории.

Русские консульства и фактории в Западном Китае

После подписания в 1851 г. Кульджийского договора и открытия российских консульств в Западном Китае открылись многообещающие перспективы для развития русской торговли с Западным Китаем и Монголией, ранее встречавшей большие трудности и препятствия. Были неоспоримы и политические преимущества трактата, расценивавшегося в военных кругах в качестве «энергичного побуждения к продолжению наступательного движения в глубь Средней Азии»³⁰.

Появление российских дипломатических постов в Илийском крае имело большое, если не первостепенное значение и являлось важным этапом для российской политики не только в Китае, но и в среднеазиатском регионе, ориентированной с середины XIX столетия на стабилизацию обстановки в областях, пограничных с Киргизской степью. По справедливому замечанию Е.П. Кудрявцевой, открытие для русской торговли Синьцзяна, который «был и остается одним из узловых пунктов мировой истории»³¹, явилось

прорывом в установлении политических контактов с Цинской империей, предоставившей России благоприятные условия для развития дальнейших русско-китайских связей³².

Большие надежды возлагались на русские фактории, разрешение на учреждение которых прописывалось в отдельной статье торгового договора.

Фактории предназначались не только для поощрения самой торговли, но и «для защиты подданных наших от самовольных действий китайских местных властей»³³. Их открытие в 1852 г. вызвало большой интерес у «значительных китайских торговых домов», ранее не удостоивавших своим вниманием те рынки, где велась торговля между русским купечеством и китайцами, что по оценке барона Врангеля,

представляло столь ощутительную для торговли России с Китаем выгоду, что не могло не заставить купцов, как русских, так и китайских, обратить внимание на будущность этой торговли³⁴.

Вместе с тем актуализировался вопрос о необходимости соблюдения образцовой нравственности среди обитателей российских факторий. Как отмечал барон Врангель, необходимо, в особенности при начале торговых наших сношений с Ки-

²⁹ АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 574. Л. 3 об. – 4.

³⁰ Халфин Н.А. Политика России в Средней Азии (1857–1868). М., 1960. С. 42.

³¹ Бухарин М.Д. Новые документы по истории изучения Восточного Туркестана из Турфанского собрания // Новая и новейшая история. 2021. № 1. С. 214. <https://doi.org/10.31857/S013038640013389-5>

³² Кудрявцева Е.П. Министерство иностранных дел во второй четверти XIX века. М., 2019. С. 216.

³³ АВП РИ. Ф. СПб ГА IV-2. Оп. 119. Д. 4. Л. 168 об. – 169.

³⁴ Там же. Л. 170.

таем, чтобы торговля наша была бы только в руках лицах, «заслуживающих уважение местных жителей»³⁵. Подобную миссию могло взять на себя православное духовенство тех церквей, которые предполагалось устроить при консульствах в Кульдже и Чугучаке.

Православие в Копале

Между тем основанное в 1847 г. небольшое укрепление у подошвы Джунгарского Алатау, известное под названием Копал, в 1848 г. было повышено в статусе до станицы Копальской, ставшей административным центром Пристава Большой орды казахов, признавших подданство России. Копал называли столицей «северных станиц» сибирского казачества. В 1853 г. там было завершено строительство православной церкви, и, как писал о. Парфений, весной 1853 г. казаки обратились к Томскому архиерею с ходатайством прислать священника и диакона и двух причетников и все необходимое для церкви, после чего в Копал был прислан священник, «пожелавший отправиться туда по охоте»³⁶, что, по словам Парфения, послужило весомой мотивацией для переселения потомков албазинцев из Кульджи в Копал³⁷.

Церкви при консульствах в Кульдже и Чугучаке

После устройства православной церкви в Копале, куда, по сведениям Парфения (Агеева), переселились все желающие, актуальность в строительстве православного храма в Кульдже для удовлетворения церковных нужд потомков албазинцев (о чем в 1852 г. ходатайствовал митрополит Московский), казалось, отпала. Тем не менее, проект МИД, предполагавший устройство православных храмов при российских консульствах и факториях в Кульдже и Чугучаке, оставался в силе. Домовые церкви при консульствах в Илийском крае были устроены, о последней даже сохранилось свидетельство А.Г. Влангали от 17 сентября 1865 г., что

в Кульдже постройка церкви и содержание при ней причта были обеспечены купцом Кузнецовым³⁸.

В связи с тем, что руководство МИД возложило строительство церквей на русских купцов, документов об их устройении ни в АВП РИ, ни в РГВИА не сохранилось, и потому даты их устройства установить не удалось. Е.П. Кудрявцева отмечает, что

на общем плане фактории в Кульдже сразу же было выделено место для православного храма, а к 1875 г. в Чугучаке уже была построена православная церковь³⁹.

Но если с первым утверждением можно согласиться, то второе нуждается в уточнении, так как церковь в Чугучаке уже в мае 1862 г. была признана «совершенно отстроенной», и в МИД велась работа по составлению штата для ее причта на 1863 г., согласно которому годовой оклад священника составлял 500 руб. сер., псаломщика – 250, а на содержание церкви отводилось 100 руб. сер.⁴⁰

В 1864 г. в Илийском крае вспыхнуло восстание, охватившее к октябрю северную часть Синьцзяна – Кульджинскую область, а в начале ноября и Кульджу. Российская фактория в Кульдже, а затем и в Чугучаке подверглись разрушению. Консульские церкви разделили судьбу факторий и консульств. Но если позже кон-

³⁵ АВП РИ. Ф. СПб ГА IV-2. Оп. 119. Д. 4. Л. 174.

³⁶ Первые известия о русских в Кульдже и присоединение к России Киргизской степи // Русский вестник. 1878. № 9. С. 14–16.

³⁷ Там же. С. 16.

³⁸ АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 574. Л. 29.

³⁹ Кудрявцева Е.П. Министерство иностранных дел во второй четверти XIX века. М., 2019. С. 216.

⁴⁰ АВП РИ. Ф. СПб ГА IV-34. Оп. 145. Д. 1. Л. 1–3.

сульства возобновили свою работу, то церкви так и не были открыты до перехода православной общины в Кульдже под юрисдикцию епископа Туркестанского и Ташкентского, когда Илийский край оказался в составе Российской империи и сложились благоприятные условия для распространения православия: в Кульдже, в целях «усиления русской колонизации края», начала действовать духовная миссия, был разработан проект организации миссионерского дела в Туркестане. Кульджа стала первым городом, где этот проект начал реализовываться⁴¹.

Выводы

Анализ новых источников, включая переписку о Парфения (Аггеева), митрополита Филарета (Дроздова), обер-прокуроров Св. Синода Н.А. Протасова и А.П. Толстого по вопросу о распространении православного миссионерства в Западном Китае, показал многофакторность процесса принятия решения в вопросе об учреждении русских духовных миссий за рубежом, в том числе в пограничной с Россией Цинской империи.

Несмотря на наличие факторов, благоприятствовавших распространению миссионерства (в том числе существование потенциальной христианской общины – потомков пленных албазинцев, пожелавших иметь православный храм и священников из России; наличие достойных кандидатов для миссионерской работы в инородной среде), инициатива Парфения (Аггеева), поддержанная митрополитом Московским Филаретом и встретившая благожелательный отклик императора как «дело святое», не нашла одобрения в МИД.

Из официальной переписки российских дипломатов с Азиатским департаментом МИД в 1850–1860-х гг. видно, что в дипломатическом ведомстве миссионерство Русской православной церкви в Китае воспринимали как деятельность нежелательную, способную обострить и без того непростые внешнеполитические отношения между Россией и Китаем. Вместе с тем устройство православных храмов при российских консульствах в Кульдже и Чугучаке сыграло ключевую роль в формировании православной колонии в Илийском крае и в дальнейшем деле распространения православия в Средней Азии и Западном Китае.

Поступила в редакцию / Submitted: 07.11.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 15.01.2023

Принята к публикации / Accepted for publication: 19.01.2023

References

- Avgustin (Nikitin), arhimandrit. “SPbDA i Rossiiskaia dukhovnaia missiia v Pekine: Arkhim. Gurii (Karpov), 1814–1882 [SPbDA and the Russian Ecclesiastical Mission in Beijing: Archimandrite Gury (Karpov), 1814–1882].” *Pravoslavie na Dal'nem Vostoke: 275-letie Rossiiskoi dukhovnoi missii v Kitae* [Orthodoxy in the Far East: 275th Anniversary of the Russian Ecclesiastical Mission in China], 37–47. St. Petersburg: Andreev i synoviia Publ., 1993 (in Russian).
- Bukharin, M.D. “Novye dokumenty po istorii izucheniia Vostochnogo Turkestana iz Turfanskogo sobraniia [New Documents on the History of Exploration of East Turkestan from the Turfan-Sammlung].” *Modern and Contemporary History*, no. 1 (2021): 214–222, <https://doi.org/10.31857/S013038640013389-5> (in Russian).
- Charbonnier, J. *Histoire des Chretiens de Chine*. Paris: Desclée, 1992 (in French).
- Feklova, T.Yu. “Pod seniiu Tserkvi: nauchnaia deiatel'nost' Russkoi dukhovnoi missii v Kitae v XIX v. [Under the Shadow of the Church: Scientific Activities of the Russian Ecclesiastical Mission in China in the 19th Century].” *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy: scientific journal*, no. 2 (2020): 139–150, <https://doi.org/10.24411/2587-8425-2020-10035> (in Russian).
- Huges, E.R. *The Invasion of China by the Western World*. New York: [S.n.], 1968.

⁴¹ Путницев М., *прот.* К вопросу о лучшей постановке наших православных миссий. М., 1891. № 5.

- Khalfin, N.A. *Politika Rossii v Srednei Azii (1857–1868)* [Russian policy in Central Asia (1857–1868)]. Moscow: Oriental literature publishing house Publ., 1960 (in Russian).
- Kornienko, N.N. “‘A sviatuiu tu tserkov’ postroit’: iz istorii vozvedeniia i deiatel'nosti Sviato-Troitskogo khrama v Urge [‘To build that holy church’: from the history of the construction and activities of the Holy Trinity Church in Uрга].” *Christian reading*, no. 5 (2017): 198–208 (in Russian).
- Korostovets, I.Ya. “Russkaia dukhovnaia missiia v Pekine. Istoricheskii ocherk [Russian ecclesiastical mission in Beijing. Historical essay].” *Russian archive*, no. 9 (1893): 57–86 (in Russian).
- Kudryavtseva, E.P. *Ministerstvo inostrannykh del vo vtoroi chetverti XIX veka* [The Ministry of Foreign Affairs in the second quarter of the 19th century]. Moscow: MGIMO-University Publ., 2019 (in Russian).
- Latourette, K.S. *A History of Christian Missions in China*. New York: Macmillan, 1929.
- Li, Tszinchen. “Russkaia Dukhovnaia Missiia v Pekine v rabotakh Siao Yuysyu [Russian Spiritual Mission in Beijing in the works of Xiao Yuiqiu].” *Scientific and technical statements of SPbSPU. Humanities and social sciences* 9, no. 1 (2018): 54–62 (in Russian).
- Madsen, R. *China's Catholics: Tragedy and Hope in an Emerging Civil Society*. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 1998.
- Myasnikov, V.S. *Russko-kitaiskie dogovorno-pravovye akty. (1689–1916)* [Russian-Chinese legal acts. (1689–1916)]. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli Publ., 2004 (in Russian).
- Petrov, V.P. *Rossiiskaia Dukhovnaia missiia v Kitae* [Russian Ecclesiastical Mission in China]. Washington: Russian Book Publ. in the USA, 1968 (in Russian).
- Petrovskiy, D.I. “Pravoslavie v Kitae: istoriia i sovremennost' [Orthodoxy in China: History and Modernity].” *State, Religion, Church in Russia and Abroad*, no. 2 (2022): 84–104, <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2022-40-2-84-104> (in Russian).
- Plekhanova, A.M., and Kornienko, N.N. “Pravoslavnoe missionerstvo v Mongolii” [Orthodox missionary work in Mongolia].” *Power*, no. 8 (2016): 122–127 (in Russian).
- Pozdnyayev, Dionisii, svyashchennik. *Pravoslavie v Kitae (1900–1997)* [Orthodoxy in China (1900–1997)]. Moscow: Svyato-Vladimirskoe Bratstvo Publ., 1998 (in Russian).
- Samoylov, N.A. “Izuchenie istorii Rossiiskoi dukhovnoi missii v Kitae: osnovnye napravleniia, podkhody i perspektivy [Studying the History of the Russian Spiritual Mission in China: Main Directions, Approaches and Prospects].” *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy: scientific journal*, no. 2 (2021): 48–76, https://doi.org/10.47132/2587-8425_2021_2_48 (in Russian).
- Smirnova I.Yu. “Russkie Dukhovnye Missii v Pekine i Ierusalime: osobennosti reformirovaniia posle Krymskoi voiny (1850-e – 1860-e gg.) [Russian Ecclesiastical Missions in Beijing and Jerusalem: Features of Reformation after the Crimean War (1850s – 1860s)].” *Orthodox Palestinian Collection*, no. 115 (2018): 49–60 (in Russian).
- Smirnova, I. Yu., ed. *Filaret, mitropolit Moskovskii, svt. Pisima k prepodobnomu Antoniyu, namestniku Svyato-Troitskoi Sergievoi Lavry. 1831–1867* [Letters to St. Anthony, Vicar of the Trinity Lavra of St. Sergius. 1831–1867], vol. 2. Sergiev Posad: Sviato-Troitskaya Sergieva Lavra Publ., 2007 (in Russian).
- Stock, E. “Chine.” In Montgomery, H.H., and Stock E. *Christian missions in the Far East*. London: Society for Promoting Christian Knowledge, 1905.
- Vasil'ev, D.V. *Postup' imperii: Politika Rossii v Tsentral'noi Azii: XIX – nachalo XX veka* [Empire's tread: Russia's policy in Central Asia: 19th – early 20th century]. Moscow, St. Petersburg: Nestor-istoriia Publ., 2022 (in Russian).
- Vasil'ev, D.V., Pochekaev, R.Yu., and Asanova, S.A. *Predel imperii. Vostochnyi Turkestan, Kul'dzha, Khunza v orbite politicheskikh interesov Rossii. Vtoraia polovina XIX v.* [Empire limit. Eastern Turkestan, Ghulja, Hunza are in the orbit of Russia's political interests. Second half of the 19th century]. St. Petersburg: Nestor-istoriia Publ., 2021 (in Russian).
- Vekshina, N.M. “Religiia, politika i nauka v istorii Rossiiskoi dukhovnoi missii v Pekine [Religion, politics and science in the history of the Russian Spiritual Mission in Beijing].” *Vyatka, Gerald of the Vyatka State University*, no. 1 (2018): 32–36 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Ирина Юрьевна Смирнова, д-р. истор. наук, ведущий научный сотрудник Центра истории религии и Церкви, Институт российской истории, Российской академия наук; 117292, Россия, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19; irinasmirnova@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4450-6885>

Irina Yu. Smirnova, Dr. Habil. Hist., Leading Research Fellow of the Center for the History of Religion and the Church, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences; 19, Dmitriia Ulianova Str., Moscow, 117292, Russia; irinasmirnova@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4450-6885>

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-1-57-71>

Научная статья / Research article

Взаимоотношения русских торговцев с тувинским населением во второй половине XIX – начале XX в.

Татьяна Кискидосова

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории,
Абакан, Россия

✉ tak_74@mail.ru

Аннотация: Выявляются основные факторы, оказавшие влияние на взаимоотношения русских торговцев с тувинским населением во второй половине XIX – начале XX в. с учетом ряда особенностей и привлечением новых источников; изучается влияние долговой торговли на русско-тувинские связи; дается характеристика политике тувинских нойонов в отношении российских торговцев, определяется роль китайского капитала в развитии русской торговли в Туве; исследуется образ русского купца в представлении тувинцев. В ходе работы был использован системный подход, позволяющий рассмотреть объект исследования как совокупность взаимосвязанных элементов. Впервые привлечены ранее не использованные источники, затрагивавшие характер взаимоотношений русских торговцев и тувинского населения во второй половине XIX – начале XX в.: материалы Государственного архива Иркутской области, Центрального архива Республики Тыва, Научного архива Рукописного фонда Тувинского института гуманитарно-прикладных исследований, Государственного архива Томской области. Автор пришел к выводу о противоречивом характере русско-тувинских взаимоотношений во второй половине XIX – начале XX в. С одной стороны, тувинское население, испытывая потребность в товарах русских купцов, проявляло заинтересованность и не противодействовало хозяйственному освоению края. Часть русских торговцев сумела прочно адаптироваться на тувинской территории и контактировать с местным населением. С другой стороны, усиленный приток китайского капитала в начале XX в., враждебная настроенность тувинских нойонов, подстрекаемых китайской стороной, а также условия долговой торговли способствовали обострению русско-тувинских экономических отношений. Однако, несмотря на многочисленные трудности и неустойчивое положение, русским купцам удалось сохранить свои позиции в Туве.

Ключевые слова: история предпринимательства, экономическая история, Усинский пограничный начальник, нойон, русское купечество

Благодарности и финансирование: Автор благодарит двух анонимных рецензентов и редколлегии за проделанную работу, связанную с экспертизой статьи и ее дальнейшей подготовкой к печати.

Для цитирования: Кискидосова Т.А. Взаимоотношения русских торговцев с тувинским населением во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2023. Т. 22. № 1. С. 57–71. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-1-57-71>

Relationship of Russian Merchants with the Tuvan Population in the Second Half of the 19th – Early 20th Century

Tatiana Kiskidosova

Khakass Research Institute of Language, Literature and History, Abakan, Russia

✉ tak_74@mail.ru

Abstract: The author identifies the main factors that influenced the relationship between Russian merchants and the Tuvan population in the second half of the 19th – early 20th centuries taking into account a number of features and attracting new sources. The author studies the influence of debt trade

© Кискидосова Т.А., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

on Russian-Tuvan relations, characterizes the policy of the Tuvan noions towards Russian merchants, determines the role of Chinese capital in the development of Russian trade in Tuva, considers the image of Russian merchant in the view of the Tuvans. In the course of the work, the system approach was used which allows us to consider the object of the study as a set of interrelated elements. The novelty of the study is the involvement of previously unused sources that considered the nature of the relationship between Russian merchants and the Tuvan population in the second half of the 19th – early 20th centuries: the materials of the State Archive of the Irkutsk Region, the Central Archive of the Republic of Tyva, the Scientific Archive of the Manuscript Fund of the Tuva Institute for the Humanities and applied research, the State Archive of the Tomsk Region. The author comes to the conclusion that in the second half of the 19th – early 20th century the Russian-Tuvan relations were contradictory. On the one hand, the Tuvan population that needed goods of Russian merchants showed interest and did not oppose the economic development of the region. Some of the Russian merchants managed to firmly adapt to the Tuvan territory and contact with the local population. On the other hand, the increased inflow of Chinese capital at the beginning of the 20th century, the hostility of the Tuvan noions incited by the Chinese side, as well as the terms of debt trade contributed to the aggravation of Russian-Tuvan economic relations. However, despite numerous difficulties and the unstable situation, Russian merchants managed to maintain their positions in Tuva.

Keywords: history of entrepreneurship, economic history, Usinsky border chief, noyon, Russian merchants

Acknowledgements and Funding: The author would like to thank two anonymous reviewers and the editorial board for the expertise of the article and its further preparation for publication.

For citation: Kiskidosova, Tatiana. "Relationship of Russian Merchants with the Tuvan Population in the Second Half of the 19th – Early 20th Century." *RUDN Journal of Russian History* 22, no. 1 (February 2023): 57–71 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-1-57-71>

Введение

Русско-тувинская торговля играла немаловажную роль в установлении связей между Россией и Тувой во второй половине XIX – начале XX в. Особый интерес вызывают взаимоотношения, сложившиеся в результате торгового обмена между русскими торговцами и местным населением. С середины XVIII в. до 1912 г. Тува (Урянхайский край) являлась провинцией Цинской империи. Торговый обмен между приграничным населением России и тувинцами начался еще в XVII–XVIII вв., но в то время он был незначительным. С подписанием в 1860 г. Пекинского договора российские предприниматели получили возможность беспрепятственно ездить по торговым делам в Цинскую империю в любое время. Пекинский договор дополнили «Правила сухопутной торговли», подписанные в 1862 г. и 1869 г., которые предоставили право русским купцам беспошлинно торговать «по всем местам подчиненной Китаю Монголии». Подобные правила распространялись и на китайскую провинцию – Туву.

С образованием Усинского пограничного округа в 1885 г. и активной русской колонизацией торговые связи получили развитие и в этом районе. В Усинском пограничном округе торговля удовлетворяла интересы как русского населения, так и тувинцев, установивших свои кочевья в южной части Енисейской губернии. В русско-тувинских торговых связях основной клубок противоречий сложился между российской и тувинской сторонами. Большинство торговых факторий в Туве и поездки по тувинским кочевьям совершали минусинские купцы, представлявшие российскую сторону. Участниками обмена товарами являлись представители различных этнических групп и вероисповеданий – тувинцы, русские, китайцы, монголы, хакасы, украинцы, евреи, немцы и др. Все они, поддерживая ту или иную сторону, оказались втянутыми в эти противоречивые взаимоотношения, зародившиеся на экономических связях.

Проблема взаимоотношений между русскими торговцами и тувинским населением во второй половине XIX – начале XX в. неоднократно затрагивалась в работах исследователей дореволюционного, советского и постсоветского периодов. В до-

революционной историографии преобладало описание внешней стороны взаимоотношений между русскими купцами и тувинскими жителями. По мнению Ф.Я. Кона, долговая торговля стала причиной крупных недоразумений между русскими и тувинцами. Автор указывал, что конфликты доходили до «открытых грабежей и убийств со стороны сойотов»¹. В работах ученых советского периода доминирующим стало утверждение, что российский капитал носил грабительский характер для тувинских аратов (скотоводов) и, следовательно, выливался в недовольства со стороны коренного населения².

Несколько устоявшихся положений советской историографии к настоящему времени пересмотрены в работах современных исследователей³. В.Г. Дацьшен, основываясь на разнообразных источниках, считает, что, несмотря на множество проблем и противоречий, в целом русско-тувинские отношения были стабильными, взаимовыгодными и даже доброжелательными⁴. А.А. Асонычев, охватив значительный исторический период, склоняется к мнению, что, несмотря на возникновение проблем, тувинские жители не испытывали ненависти и враждебности по отношению к российским торговцам⁵. В то же время автор не акцентировал внимание на ряде важных аспектов, повлиявших на русско-тувинские взаимоотношения: роль китайского торгового капитала, влияние отдельных исторических деятелей, нестабильность и переменчивость политической обстановки.

Цель статьи заключается в выявлении основных факторов, оказавших влияние на взаимоотношения русских торговцев с тувинским населением во второй половине XIX – начале XX в. В работе были поставлены следующие задачи: выявить новые источники, позволяющие определить влияние не только долговой торговли на русско-тувинские связи, но и китайского торгового капитала на развитие русской торговли в Туве. Кроме того, предстоит рассмотреть политику тувинских чиновников по отношению к российским торговцам; исследовать образ русского купца в представлении тувинцев, что в итоге и позволит установить особенности русско-тувинских экономических связей.

Источниковой базой статьи стали материалы Государственного архива Иркутской области (ГАИО), Национального архива Республики Тыва (НАРТ), Научного архива Рукописного фонда Тувинского института гуманитарно-прикладных исследований (НА РФ ТИГПИ) (НА РФ ТИГПИ), Государственного архива Томской области (ГАТО). Большое значение имели делопроизводственные материалы Усинского пограничного начальника: переписка с иркутским генерал-губернатором и енисейским губернатором, сведения минусинских купцов о состоянии русской торговли в Урянхайском крае, послания тувинских нойонов (князей) и др.

¹ Кон Ф.Я. За пятьдесят лет. Собрание сочинений. М., 1934. Т. 3. С. 46.

² Дюлов В.И. Социально-экономическая история Тувы (XIX – начало XX в.). М., 1956; Кабо Р.М. Очерки истории и экономики Тувы. М. – Л., 1934. Ч. 1; Прокофьева Е. Д. Процесс национальной консолидации тувинцев. СПб., 2011.

³ Асонычев А.А. Характер взаимоотношений российских торговцев с тувинским населением в 1860–1917 гг. // Актуальные проблемы истории Саяно-Алтая. Вып. 19. Абакан, 2016. С. 44–55; Василенко В.А. На пути к протекторату. Отношение правительства имперской России с Китаем и Монголией по вопросам установления политического влияния в Туве во второй половине XIX в. – 1914 г. Иркутск, 2014; Дацьшен В.Г. Очерки истории российско-китайской границы во второй половине XIX – начале XX вв. Кызыл, 2000; Кискидосова Т.А. Торгово-промышленное предпринимательство Ачинско-Минусинского края во второй половине XIX – начале XX в. Абакан, 2009; Моллеров Н.М. Иннокентий Сафьянов. М., 2014; Самдан А.А. Позиция усинского пограничного начальника А.Х. Чакирова по «урянхайскому вопросу» // Гуманитарные науки в Сибири. 2022. Т. 29. № 3. С. 75–84. <https://doi.org/10.15372/HSS20220309>

⁴ Дацьшен В.Г. Саянский рубеж. Южная часть Приенисейского края и русско-тувинские отношения в 1616–1911 гг. Томск, 2005. С. 199.

⁵ Асонычев А.А. Характер взаимоотношений российских торговцев... С. 53.

Еще одно обращение к теме, которая затрагивалась ранее исследователями, позволит дополнить и прояснить некоторые аспекты русско-тувинских взаимоотношений в дореволюционный период.

Начало конфликтов между русскими купцами и тувинским населением во второй половине XIX в.

Для выяснения вопроса о характере взаимоотношений между русскими и местными жителями во второй половине XIX в. обратимся к воспоминаниям участников торговых процессов. Один из первых торговцев в Туве Леонтий Иванович Бяков вспоминал, что, когда русские

приехали сюда впервые, урянхайцы являлись толпами и вооруженные палками или стягами, нападали на приезжих и били их⁶.

Пришельцы с товарами вызывали недоверие и раздражение со стороны тувинских жителей. Вероятно, что угрозы тувинских аратов провоцировались местными властями. Введение беспошлинной торговли означало окончание монопольной торговли китайских чиновников и тувинских нойонов. Потеряв свои привилегии, тувинские нойоны стали оказывать противодействие русским торговцам, настраивать против них аратов. Первым серьезным проявлением враждебного отношения тувинцев стал поджог торговой фактории М.Ф. Веселкова в 1867 г. С этого времени начались русско-китайские съезды с участием тувинских нойонов⁷. В свою очередь во время разбирательств М.Ф. Веселкову за причиненный ему ущерб тувинские власти пожаловали 400 быков (на сумму около 15 тыс. руб.), то есть он сумел приобрести в несколько раз больше, чем потерял во время ограбления⁸. Однако за все последующие тувинские грабежи китайская сторона отказывалась заставлять виновников возмещать убытки незащитным минусинским торговцам на территории Урянхайского края. По мнению китайских чиновников, потерпевшие должны были сами принимать меры к поиску похищенных у них товаров. Свой отказ в поиске воров они объясняли тем, что по китайским законам вор не должен нести двойную имущественную ответственность. Предпринимателям удавалось либо частично компенсировать причиненные им убытки, либо вообще ничего не получить⁹.

Русские торговцы, установив в каком-нибудь месте амбар для склада, посылали своих приказчиков с товарами на вьючных лошадях открывать палатки и вести кратковременную торговлю с тувинцами. У минусинских купцов приказчиками работали в основном тобольские и казанские татары, реже хакасы и русские¹⁰. По воспоминаниям А.В. Потаниной, нравы тувинцев отличались суровостью и жестокостью, а воровство считалось у них удалью, особенно кража коней. Несмотря на то, что воров подвергали жестоким наказаниям, случаи краж не прекращались¹¹.

⁶ Катанов Н.Ф. Очерки Урянхайской земли. Дневник путешествия, исполненного по поручению Императорской Академии наук и Императорского Русского географического общества в 1889 г. Абакан, 2011. С. 155.

⁷ Дулов В.И. Социально-экономическая история Тувы... С. 350.

⁸ Африканов А.М. Русская торговля в Урянхайском земле // Известия ВСОИРГО. 1890. Т. 21. № 5. С. 5.

⁹ Научный архив Рукописного фонда Тувинского института гуманитарно-прикладных исследований (далее – НА РФ ТИГПИ). Д. 1061. Л. 7.

¹⁰ Адрианов А.В. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 г. по поручению Императорского Русского Географического общества членом-сотрудником А. В. Адриановым // Записки ИРГО по общей географии. СПб., 1886. Т. 11. С. 357.

¹¹ Потанина А.В. Из путешествий по Восточной Сибири, Монголии, Тибету и Китаю. М., 1895. С. 70.

Многие русские торговцы не предъявляли претензий тувинской стороне по поводу разрушенных построек, опасаясь навлечь гнев со стороны местной администрации, которая могла вообще запретить возводить любые строения на вверенной им территории. Даже жалобы купцов на аратов представляли опасность усиления притеснений. Порой российским подданным приходилось терпеть унижения, чтобы сохранить свое имущество¹².

В 1879 г. тувинские араты напали на ряд русских торговых факторий и наблюдались даже случаи убийств российских подданных. Тувинцы насильственно отбирали у купцов и приказчиков большое количество скота, мотивируя тем, что они все приобрели обманом и незаконным путем. За вооруженными ограблениями последовали массовые репрессии виновников злодеяний. Китайское правительство жестоко наказало нападавших (были обезглавлены 42 чел.) и обязало возместить русским торговцам все причиненные им убытки. На недолгое время удалось создать спокойную обстановку¹³.

В 1883 г. вооруженный тувинский отряд из 150 чел. напал на торговое заведение И.Д. Бякова и потребовал от него возврата скота, который будто бы был неправильно взят за долги. С русской стороны присутствовали 14 торговцев. Их всех согнали в одну избу и продержали в течение двух суток, пока Леонтий Бяков не пригнал требуемое количество голов скота. Затем тувинский отряд угнал скот у купцов В.М. Сватикова, Г.П. Сафьянова, Н. Бякова и Сайтова. Пострадавшие обратились с просьбой о защите к тувинским чиновникам, однако в ответ получили только удостоверения об ограблении¹⁴. В выступлениях тувинцев в 1870–1880-х гг., направленных против китайской администрации, одновременно наблюдались случаи массовых нападений на русских купцов.

По наблюдениям Г.Н. Потанина, некоторые минусинские купцы «снискали себе дурную славу своими похождениями за границей». Различные злоупотребления русских в торговых делах, нередко переходящие в откровенный грабеж, способствовали ответной реакции со стороны местного населения, вынужденного перейти к насильственным действиям. Приказчики русских купцов откровенно признавались, что «здесь не торговля, а грабеж». Прибыв в Туву, русские купцы стремились распродать все привезенные товары. Затем в сезон сбора долгов приказчики забирали скот, «даже не разбираясь, кому он принадлежит, лишь бы к роду, к которому принадлежит должник»¹⁵.

Н.Ф. Катанов, побывав в Туве через несколько лет после Г.Н. Потанина и общаясь с минусинскими купцами, отметил, что автор проезжал там во времена «бесчинств своих обитателей – воров». Позднее грабежи скота русскими торговцами и воровство тувинцев надоели обеим сторонам и в конце концов «умиротворили обе стороны»¹⁶. А.В. Потанина подтвердила мнение об улучшении русско-тувинских взаимоотношений к концу XIX в., когда наблюдались случаи сближения «на почве взаимных сношений и услуг»¹⁷.

Приведенные материалы свидетельствуют о том, что противоречивые русско-тувинские взаимоотношения сложились с самого начала официального разрешения российским подданным торговать в Туве. Применяемые минусинскими купцами незаконные методы в торговле вызывали ответную негативную реакцию со сторо-

¹² Государственный архив Томской области (далее – ГАТО). Ф. 433. Оп. 1. Д. 4. Л. 54.

¹³ Государственный архив Иркутской области (далее – ГАИО). Ф. 25. Оп. 11. Д. 26. Л. 179.

¹⁴ ГАТО. Ф.433. Оп. 1. Д. 4. Л. 48.

¹⁵ Потанин Г.Н. Путешествие по Монголии М., 1948. С. 268.

¹⁶ Катанов Н.Ф. Очерки Урянхайской земли... С. 156.

¹⁷ Потанина А.В. Из путешествий по Восточной Сибири, Монголии, Тибету и Китаю. М., 1895. С. 70.

ны местного населения. Однако частые нападения и грабежи аратов не останавливали коммерсантов продолжать предпринимательскую деятельность и продвигаться вглубь тувинской территории.

Особенности долговой торговли

Практически все исследователи русско-тувинских торговых связей отмечали существование долговой или кредитной торговли. Именно долговые обязательства тувинцев становились одной из главных причин для обострения русско-тувинских отношений.

Поражали невероятные размеры долговых обязательств тувинцев, за ними в долгах числились десятки тысяч овец. Все члены сумона (административно-территориальная единица) несли ответственность друг за друга по отношению податей и повинностей, эти правила были перенесены и в область частных долговых обязательств. Особенностью долговой торговли являлось то, что в случае, если должник не успевал уплатить весь свой долг в срок, то оставшийся неоплаченный долг удваивался через год, через два года – в четыре раза и т.д. Когда наступал срок уплаты долгов, русские купцы отправляли своих приказчиков принудительно забирать скот и лошадей у жителей того сумона, в состав которого входил должник¹⁸. Должниками русских торговцев были не только тувинские араты, но и представители местной знати. Например, Хемчикский угерда (правитель хошуна, удельный князь) говорил, что задолжал торговцу Ф. Медведеву известную сумму, а через два года ему пришлось заплатить в три раза больше против первоначального долга¹⁹.

Предприниматели при взыскании долгов использовали не только насильственные методы, они прибегали к разным уловкам: попранию законов, обычаев, использованию суеверий, неуважению, обману и др. Один из хакасских торговцев, не добившись уплаты долга от тоджинского сойота, тут же у него в юрте стал угрожать, что повесится, и накинул себе на шею петлю. Испуганный хозяин, поверив ему и не желая допустить покойника в своем жилище, постарался тут же выплатить весь долг²⁰. Торговец Ведерников оказался более изобретательным в способе выколачивания долгов с тувинского населения: он заходил в юрту и ложился на землю ногами к бурханам, оскверняя святыни. Таким способом он заставлял должников искать средства для выплаты долга²¹. Многие купцы норовили найти какой-нибудь способ, чтобы обмануть местное население, пользуясь гостеприимством и широтой души. При этом считалось, что удобнее торговать с тоджинцами, чем с западными урянхами, т.к. первые отличались примитивной честностью и робостью перед русскими. В торговой среде получила распространение поговорка: «Угости сойота на гривенник, а обторгуй на полтину – он ничего не скажет!»²²

Тувинские чиновники, всерьез обеспокоенные долговой торговлей, неоднократно обращались к усинскому пограничному начальнику с просьбой установить правила торговли. В 1908 г. помощник заведующего урянхами на Хемчике Мэйрэн Номсоран писал А.Х. Чакирову:

Русские торговцы, отступая от договоров, сами раздают свои товары в долг кому попало, поэтому накопилось много долгов, которые выплачиваются в неудобное и холодное время. Необходимо установить правильную торговлю, не допуская долговых обязательств²³.

¹⁸ Национальный архив Республики Тыва (далее – НАРТ). Ф. 112. Оп. 1. Д. 4. Л. 11 об.

¹⁹ ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 3. Л. 30 об.

²⁰ *Кон Ф.Я.* За пятьдесят лет. Собрание сочинений. М., 1934. Т. 3. С. 219.

²¹ Там же. С. 223.

²² *Островских П.Е.* Значение Урянхайской земли для Южной Сибири. СПб., 1899. С. 8.

²³ ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 14. Л. 150 об.

Долговая торговля сохранялась в Туве и в период протектората России. В 1915 г. главный заведующий Танну-урянхами Ойнарского, Сальчжанского и Тоджинского хошунов Амбанья Гомбодарчи просил прекратить выдачу кредитов несостоятельным и неблагонадежным лицам. В случае кредитования ответственность не должна возлагаться на родственников ответчика, их сумит (род) и хошун (удел)²⁴.

В целом, долговая торговля нередко провоцировала многочисленные серьезные конфликты между русскими купцами и тувинским населением. Очевидно, что существование долговой торговли в условиях специфики хозяйственного развития тувинцев было неизбежно. Постоянное взимание долгов способствовало массовому обнищанию тувинских аратов. Обе стороны, понимая грабительский характер ведения подобной торговли, не могли предложить другую, более гуманную альтернативу в торговом обмене.

Роль китайского торгового капитала в русско-тувинских взаимоотношениях в начале XX в.

До начала XX в. китайским подданным запрещалось проникать на территорию Тувы, входившую в то время в состав Цинской империи. Однако во взаимоотношениях русских торговцев с тувинцами китайские власти играли важную роль, они были заинтересованы в устранении русских торговых факторий. В свою очередь простые тувинцы испытывали бóльшую симпатию к русским, чем к китайцам. Н.Ф. Катанов, основываясь на мнении тувинских жителей, отмечал, что «китайские чиновники разъезжали с большой свитой и много брали, а русские – одни и мало брали»²⁵.

Цинское правительство, стремясь закрепить на окраинах, официально разрешило в 1901 г. китайским торговцам проникать в провинции империи. С 1903 г. права свободного въезда в Туву получили все китайские подданные. В свою очередь российские власти поменяли основное направление по «уряньхайскому вопросу»: не препятствовать развитию русской колонизации и торговле в Туве²⁶.

Китайские коммерсанты проявили активность и стремительно распространяли свою деятельность: в 1902 г. образовали 4 фирмы в Джакуле, 4 – на Чаадане, 2 – в устье Чаадана. Внешне китайские коммерсанты проявляли вполне дружелюбное и вежливое отношение к русским переселенцам. Китайцы, отличавшиеся большой предприимчивостью, сумели удачно монополизировать основные торговые точки и сделать так, чтобы русские торговцы покупали скот и лошадей только у них²⁷. Русское население воспринимало приход китайцев негативно по причине не только наступления китайского капитала, но и как внешнеполитическую угрозу. Китайские торговцы проникали в Минусинск и Красноярск для сбора необходимых сведений и учреждения своей агентуры из среды китайских купцов. Русские в Туве, как торговцы, так и представители власти, не шли на конфликт с китайцами, предпочитая занимать сдержанную позицию наблюдателя²⁸.

Китайских торговцев поддерживали некоторые тувинские чиновники. Например, Хемчикский угерда, опираясь на честолюбивые планы и личную ненависть к русским, покровительствовал китайским купцам. Расчетливый чиновник настраивал местных

²⁴ НАРТ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 10. Л. 32.

²⁵ Катанов Н.Ф. Очерки Урянхайской земли... С. 23.

²⁶ Василенко В.А. «Урянхайский вопрос» во внешней политике России начала XX в. и проблема участия в нем иностранных государств // Вестник РУДН. Серия: История России. 2017. № 4. С. 644. <https://doi.org/22363/2312-8674-2017-16-4-641-655>.

²⁷ ГАИО. Ф. 25. Оп. 10. Д. 292. Л. 11.

²⁸ Дацзышен В.Г. Китайцы в Туве в начале XX века // Новые исследования Тувы. 2011. № 1. С. 150.

жителей против конкретных неугодных ему русских торговцев²⁹. Согласно распоряжению нойона, сославшегося на решение цинских властей, все русские фактории, кроме торгового заведения купеческого старшины М.И. Бякова, должны были закрыться. В такой сложной ситуации только заступничество Усинского пограничного начальника позволило отменить несправедливое распоряжение. Многие мелкие торговцы забросили свои торговые точки, уступив место китайскому капиталу. Оставшиеся русские предприниматели признали приоритет китайцев в торговых делах. Тувинцы, стремясь вытеснить русских торговцев, создавали невыносимые условия для них: совершали постоянные кражи лошадей и скота, грабили лавки. Особенно притесняли минусинских купцов в Туране и Уюке³⁰.

Активное проникновение китайского торгового капитала способствовало ухудшению русско-тувинских связей. Камнем преткновения стала долговая торговля. С наступлением весны китайские коммерсанты приступали к сбору своих кредитов, причем раздавая товар, они распространяли платеж на весь сумон. Тувинские начальники привлекали к выплате долга всех тувинцев. Их неимущая часть, принужденная платить налоги и кредиты китайцам, угоняла скот и лошадей у русских, проживавших в Усинском пограничном округе. Все краденые товары тувинцы сбывали китайцам, последние в спешном порядке угоняли скот за хребет. Набеги тувинцев вызывали ответную неприязнь русских к тувинцам и китайцам. А.Х. Чакиров, обеспокоенный сложившейся ситуацией, доносил иркутскому генерал-губернатору о возникновении вражды между русскими, тувинцами и китайцами³¹. В то же время значительная часть тувинских аратов, разорившаяся в результате торгово-ростовщической деятельности китайских коммерсантов, выступала за освобождение края от китайцев. Антикитайские настроения были и среди представителей тувинской элиты, недовольной проведением чуждой ее интересам политики. Сальчжакский угерда даже советовался с Усинским пограничным начальником по поводу изгнания китайских разорителей³².

Доминирующее положение китайского торгового капитала в Туве, просуществовав несколько лет, закончилось с началом Синьхайской революции 1911 г. Вслед за этим знаменательным событием последовали массовые антикитайские выступления в Туве. Тувинцы начали жестоко расправляться с китайцами: грабили торговые фактории, уничтожили постройки, отбирали скот, выселяли со своей территории. Многие китайские коммерсанты, вынужденные в срочном порядке свернуть свои торговые дела, потерпели существенные убытки и разорились.

Антирусские выступления в Туве в начале XX в.

В начале XX в. Цинская империя изменила политику по отношению к Туве. Китайская сторона, ранее не предпринимавшая активных действий, решила использовать тувинских нойонов в своих интересах. Те представители тувинской элиты, которые высказывали преданность Цинской династии, получали китайские награды и расширяли свои территории за счет тех, кто симпатизировал России³³. Неудивительно, что некоторые нойоны стали открыто проявлять враждебность по отношению к русским купцам.

В Тоджинском хошуне гонения на русских торговцев начались после смерти нойона Ликхуя в 1905 г., который характеризовался как гуманный и умный чело-

²⁹ ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 3. Л. 357 об.

³⁰ Там же. Л. 357.

³¹ Там же. Ф. 25. Оп. 11. Д. 26. Л. 34.

³² *Дацышен В.Г.* Китайцы в Туве в начале XX века... С. 154.

³³ *Дацышен В.Г.* Очерки истории российско-китайской границы во второй половине XIX – начале XX вв. Кызыл, 2000. С. 113.

век, замеченный в симпатиях к русскому населению. Он не притеснял российских подданных и сдерживал своих чиновников, настроенных против русских. Через семь месяцев состоялись выборы нового нойона. Должность правителя Тоджинского хошуна получил лама, а фактическим правителем стал чанга (глава сумона) Томут, известный своей русофобией. Первым проявлением антирусской политики Томута стало требование выселения без объяснений дворянина В.А. Мозгалевского, который 15 лет торговал в Туве. Томут без ведома та-нойона распорядился, чтобы тувинцы не выплачивали ему свои долги, приставив с этой целью караул. В.А. Мозгалевский сумел найти поход к Томуту, уговорив его не решать лично вопрос с выселением, а обратиться со всеми претензиями и жалобами к пограничному начальнику³⁴. Томут и его соратники направились к Усинскому пограничному начальнику с ходатайством о выселении всех русских из Тоджинского хошуна. В это время пограничный начальник находился в отъезде, вместо него чиновников принял его помощник, обещавший приехать в Тоджинский хошун для разбирательства. Однако ни он, ни пограничный начальник туда не прибыли. Тувинские чиновники, не дождавшись ответных мер, были крайне оскорблены и назвали пограничного начальника «обманщиком». В дальнейшем все это привело к обострению русско-тувинских отношений³⁵.

Спустя некоторое время русско-тувинские отношения обострились в районе Хемчика. В 1908 г. хемчикский нойон Хайдып (Хайдуб) начал проводить активную антирусскую политику. Нойон объявил русскому населению, что разделит Хемчик на четыре округа и разрешил нескольким купцам (М.И. Бякову, Д.М. Боярскому, Г. Валиеву, Ш.Т. Мухетжанову, В.И. Широкову и Н.А. Никулину) торговать 10 месяцев, а остальных торговцев он «водворяет на русскую землю без всяких жалоб и заявлений без неизвестных причин». При этом нойон Хайдып заранее предупредил торговцев, чтобы «никто из них к нему не обращался ни по каким делам»³⁶. После подобного заявления тувинская сторона перешла к насильственным действиям. 6 апреля 1908 г. по распоряжению тувинского чиновника Иосту-Джелана отряд в количестве 70 чел. разобрал недостроенный дом торговца Ивана Монастыршина. Пострадавший объяснял действия тувинской стороны местью Дзалана Эсту, Дзайсана Казрыка и Кунды Чамбана за то, что отказался дать им в кредит товары. Периодически Монастыршину поступали угрозы, а затем тувинская сторона перешла к решительным мерам. Хайдып был недоволен тем, что русские и китайские торговцы разбросали свои торговые фактории по всему Хемчику. По всей вероятности, его страшно раздражали как русские, так и китайцы. Хайдып запретил любым торговцам возводить новые постройки на подконтрольной ему территории³⁷.

Действия Хайдыпа вызвали тревогу у русских купцов, они обратились с жалобой на притеснения к Усинскому пограничному начальнику А.Х. Чакирову:

...нам русским жить невозможно, притесняют во всех делах русских. Просим Вас установить порядок жизни, спокойной торговли. Мы третий год не имеем правил торговли. Вы с каждой почтой просите терпеть и ждать. В последнее время торговля ухудшается. Урянхайские власти выгоняют русских торговцев из Урянхайского края и просим у Вас защиты³⁸.

По вопросу выселения русских торговцев из Хемчика существовала другая версия. Следуя ей, предполагалось, что на Хайдыпа оказывали влияние некоторые русские предприниматели, т. е. он действовал «по настоянию определенных русских тузов». В пользу этой версии А.Х. Чакиров высказал собственное мнение:

³⁴ ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 26. Л. 353.

³⁵ Там же. Д. 3. Л. 354 об.

³⁶ Там же. Л. 401.

³⁷ Там же. Л. 411.

³⁸ Там же. Д. 3. Л. 400.

Все зло в увлекающейся натуре русского купца, который в погоне за наживой, богатством и личными интересами забывает интересы России³⁹.

Далее он сетовал на то, что

в Урянхае собрались отбросы с разных российских мест и нашли себе здесь приют⁴⁰.

В 1908 г. с целью урегулирования конфликта Усинский пограничный начальник прибыл в Джакуль на встречу с Хайдыпом. Его встретили с широким местным гостеприимством: чиновники поднесли в чаше кумыс, монгольское печенье с изюмом и сыром, облитое сметаной и кувшин араки, то есть «хлеб-соль по урянхайски». Хайдып принял А.Х. Чакирова в красиво устроенном шатре с приготовленным монгольским обедом. При встрече Хайдып уверял Чакирова:

Урянхи представляют из себя народ неразвитый, темный. Много творят мои чиновники без моего ведома и против моей воли. Лично я, кроме добра русским ничего не желаю⁴¹.

При встрече Хайдып хотел произвести впечатление доброго и справедливого правителя, однако слова нойона нисколько не внушили доверия Чакирову. Об этом он уведомлял в своих донесениях. В сложных условиях Хайдыпу приходилось лавировать, идти на интриги, лицемерить и по мере возможности остаться независимым от китайской или русской стороны.

В русско-тувинском конфликте 1908 г. Хайдып предъявил основные претензии к русской стороне: стремительный рост торговых заведений, несанкционированная вырубка леса, огораживание сенокосных мест. Для разрешения конфликтной ситуации по просьбе Усинского пограничного начальника в Усинский округ была командирована четвертая рота 30-го Восточно-Сибирского полка Минусинского уезда и команда разведчиков под начальством полковника Генерального штаба В.Л. Попова. Хайдыпу пришлось принести извинения русской стороне, при этом всю вину он перенес на своих чиновников. Несмотря на то, что удалось устранить обострение, и полковник Попов с ротой вернулся обратно в Минусинск, А.Х. Чакиров продолжал настаивать на смещении Хайдыпа⁴². Вполне очевидно, что предпринятые пограничным начальником энергичные меры по защите русских интересов в Туве, спасли от предполагаемого погрома русских торговцев.

Во время обострения русско-тувинских отношений китайская сторона встала на сторону Хайдыпа, согласившись со всеми доводами нойона. В то же время улясутайский цзянь-цзюн сделал замечание тувинским чиновникам, чтобы они в будущем относились с должным уважением к Усинскому пограничному начальнику. По результатам инспекции, выдворение русских из Тувы удалось приостановить и было принято решение о совместном совещании. Скоропостижная смерть Хайдыпа в 1909 г. и последовавшие политические события окончательно устранили конфликтную ситуацию⁴³.

Усинский пограничный начальник имел установку генерал-губернатора, согласно которой нужно было внушать и объяснять русскому населению в Туве, чтобы

русские не смотрели по-прежнему на урянхов, как на каких-то собак или недругов, а напротив, как на братьев⁴⁴.

³⁹ ГАИО. Ф. 25. Оп. 10. Д. 292. Л. 420.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же. Л. 2 об.

⁴² Там же. Л. 247.

⁴³ Самдан А.О. Русско-тувинский конфликт 1908 г. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2017. Т. 10. № 3 (31). С. 34. <https://doi.org/10.22162/2075-7794-2017-31-3-27-35>

⁴⁴ ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 26. Л. 24.

В отношении тувинцев пограничный начальник придерживался позиции внушения тувинцам идеи, что

мы не считаем этот край китайским; урянхи ответственны за безопасность и деятельность русских, проживавших с ними; все зло от китайцев, урянхам выгодно подчиниться России, т. к. они будут без податей и получают защиту от китайцев⁴⁵.

Характер русско-тувинских взаимоотношений кардинально поменялся после Синьхайской революции. Минусинский купец Г.П. Сафьянов, проживший в Туве более 40 лет, сумел хорошо изучить местное население: менталитет, привычки и взгляды на жизнь. Он изведал Усинского пограничного начальника:

Дикари эти очень изменчивы в своих взглядах, все, что им кажется страшным и могущественным они боятся, уважают и поклоняются, и наоборот: убедившись по-своему в обратном смысле они теряют, ко всему чего боялись и перед чем преклонялись всякое уважение и страх⁴⁶.

Поэтому со свержением китайского императора тувинцы стали нападать на китайских торговцев, которые ранее были объектами преклонения. Подобное отношение тувинцев распространялось и на русских торговцев⁴⁷. У самого Г.П. Сафьянова из табуна украли двух самых лучших лошадей. Воров быстро нашли с личным, при этом жители Сальджанского сумо отказались выплачивать за них долг. Сафьянов заметил, что «урянхи Сальджанского хошуна изменились, у них появилась гордость и желание выселить русских»⁴⁸.

Установление протектората в Туве не означало окончания разногласий между русскими торговцами и тувинцами. В 1914 г. Далай-лама обратился к приставу первого участка Урянхайского края, как ему избавить своих единоплеменников от платежа огромного процента и долгов русским по круговой поруке. При этом, перечисляя ряд фамилий русских торговцев, злоупотреблявших доверчивостью тувинцев, он предлагал ввести российский закон вместо старых китайских порядков. С Далай-ламой в хороших отношениях состояли зажиточные крестьяне, занимавшиеся торговлей, – Медведев и Спрыгин⁴⁹.

Приведенные материалы свидетельствуют о серьезном обострении русско-тувинских отношений в начале XX в. Тувинские чиновники, заручившись поддержкой китайских властей, стали активно вытеснять русских торговцев и переселенцев из Тувы. Только благодаря продуманной политике руководства Усинского пограничного управления и сложившимся обстоятельствам удалось избежать серьезных конфликтных ситуаций.

Образ русского купца в Туве

Тувинские жители противоречиво относились к русским купцам: от уважения и почитания до ненависти и резко негативного отношения. Части торговцам удалось найти подход и установить дружественные отношения. Другая часть, не сумев вести торговлю честным путем и вступив в разногласия с местным населением, подвергалась многочисленным кражам, грабежам и выдворением из Тувы.

Давно проживавшие в Туве русские купцы, плотно общаясь с коренным населением, сумели хорошо адаптироваться к условиям края: выучили тувинский язык, знали традиции и обычаи. Н.Ф. Катанов упоминал о русских купцах Л.И. и В.А. Бяко-

⁴⁵ ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 26. Л. 24.

⁴⁶ Там же. 178 об.

⁴⁷ Там же. Л. 179.

⁴⁸ Там же. Л. 180.

⁴⁹ Там же. Д. 7. Л. 27.

вых, которые женились на тувинках, соблюдали местные обычаи, часто надевали тувинскую одежду и изрядно употребляли тувинскую водку⁵⁰. Интересно, что сами тувинцы давали прозвища русским купцам, исходя из внешних или иных особенностей: «Белая рубаха», «Медная палатка», «Андрей – длинная рубаха», «плешивый Петр», «Жирный» и т.д.⁵¹. К некоторым предпринимателям местное население относилось с уважением, и соответственно называли их с почтением, подчеркивая их статус, богатство и силу: «Егор Бай» или «сойотский губернатор» (о Г.П. Сафьянове), «Андрей Бай» (о А.П. Сафьянове) и т.д. Его сына Иннокентия Георгиевича Сафьянова называли «Биче-баем» (младшим богачом) или «Эккендеем» (Иннокентием)⁵². При общении тувинцы ради удобства могли сократить имя того или иного купца. Например, к Максиму Ивановичу Бякову обращались «Максим Бя»⁵³.

В свою очередь тувинские араты в повседневной жизни испытывали нужду в товарах российского производства. Например, в записанных Н.Ф. Катановым песнях звучат такие строки:

Если русский Максим (М.И. Бяков) уедет домой, то изба с товаром останется пустая! Если Леонтий (Л.И. Бяков) уедет домой, то теплая изба останется пустая!⁵⁴

Говорят, приехал русский Абдул! Поедешь ли ты к нему, или не поедешь? Говорят, у него много золотого бисеру? Возьмешь ли ты его или не возьмешь?⁵⁵

Большим уважением у местных жителей пользовался Г.П. Сафьянов. О его широкой душе свидетельствовали самые разнообразные случаи. Например, он два раза выкупал у китайцев своих постоянных клиентов-тувинцев, но они вновь попадали в долговую кабалу⁵⁶. Минусинский купец Максим Иванович Бяков пользовался особым расположением со стороны тувинцев, они доверяли ему исполнять различные комиссии по доставке определенных товаров. При этом он не отрицал, что за свои услуги брал с местного населения приличное вознаграждение. Ему удалось хорошо адаптироваться к местным условиям и обычаям. Со всеми тувинцами, вне зависимости от их положения, он держался ровно и спокойно, в торговле не притеснял аратов. Купец пользовался всеми привилегиями и уступками со стороны тувинских чиновников. В то же время Максим Иванович, имея явные преимущества, никогда не действовал в ущерб русским интересам, что в очередной раз характеризовало его как глубоко порядочного человека⁵⁷. Однако честностью и порядочностью не отличался его племянник Егор Бяков, служивший в торговой лавке и находившийся под покровительством дяди с малых лет. По словам самого Максима Ивановича, «Егор с детства не был чист на руку, что в дальнейшем стало причиной его увольнения». Он не пользовался уважением у других купцов, т. к. был должником многим из них и получил плохую репутацию. Егор Бяков, присоединившись к Д.М. Боярскому, писал доносы на конкурентов по торговым делам⁵⁸. Еще об одном родственнике клана Бяковых – Леонтии у тувинцев сложилось противоречивое мнение:

в трезвом виде он был хорошим человеком, но временами запивал, во хмелю бывает неспокоен⁵⁹.

⁵⁰ Катанов Н.Ф. Очерки Урянхайской земли... С. 209.

⁵¹ Там же. С. 42, 155.

⁵² Моллеров Н.М. Иннокентий Сафьянов. М., 2014. С. 61.

⁵³ Родевич В.М. Урянхайский край и его обитатели. СПб., 1912. С. 40.

⁵⁴ Катанов Н.Ф. Очерки Урянхайской земли... С. 195.

⁵⁵ Там же. С. 237.

⁵⁶ Родевич В.М. Урянхайский край и его обитатели... С.40.

⁵⁷ ГАИО. Ф. 25. Оп. 10. Д. 292. Л. 135.

⁵⁸ Там же. Л. 136.

⁵⁹ ГАТО. Ф. 433. Оп. 1. Д. 4. Л. 48.

Нехорошая слава слыла о старшине Д.М. Боярском, который не учитывал интересы тувинцев. Он отказывался привезти сукно, если его об этом просили, не соглашался прогнать скот в Иркутск и т. д.⁶⁰

Тувинская сторона была недовольна действиями некоторых российских предпринимателей, отличавшихся наглостью и чрезмерной расторопностью на их родной земле. Эти «рыцари первоначального накопления капитала» пренебрегали, установившимися правилами приличия, они обманывали, обсчитывали и обмеривали местных жителей. Русские власти принимали во внимание жалобы тувинского населения на русских торговцев. В 1902 г. иркутский генерал-губернатор А.И. Пантелеев отправил распоряжение начальнику Усинского пограничного округа В.А. Александровичу о выселении четырех русских семей, которые своим порочным поведением, неуживчивостью и самоуправством вызвали озлобленность тувинцев⁶¹.

При рассмотрении вопроса о поведении русских торговцев в Туве начальник Усинского пограничного округа А.Х. Чакиров справедливо считал, что среди них

встречались и встречаются форменные скандалисты и пьяницы, позволяющие себе чинить самосуд и самоуправство⁶².

Многие торговцы вели небрежно торговые книги, не отмечали возврата тувинцами своих долгов и возбуждали вторичные требования по уплате и т. д. Основываясь на непорядочности, корыстолюбии и безалаберности купцов, А.Х. Чакиров задавался справедливым вопросом: «Каким образом могут русские снискать себе любовь у урянхайцев?»⁶³.

Во время конфликтов русских купцов с тувинским населением российская администрация не стремилась поддерживать своих соотечественников. В 1909 г. енисейский губернатор Я.Д. Бологовский, изучив сложившуюся ситуацию, писал иркутскому генерал-губернатору А.Н. Селиванову по поводу жалоб усинских торговцев на беспорядки в Туве:

Все жалобы – это результат соревнований их в извлечении наибольших выгод от своих торговых или хозяйственных предприятий. Если удовлетворить одних, будут недовольны другие⁶⁴.

В целом, у тувинского населения сложился неоднозначный образ в отношении русского купца. С одной стороны, местные жители признавали важность экономических связей с Россией, они испытывали острую нужду в привозных товарах и были заинтересованы в проникновении русского капитала в Туву. Ко многим русским торговцам и переселенцам они относились дружелюбно, оказывали поддержку и нередко сами обращались за помощью. С другой стороны, тувинцы негативно относились к тем купцам, которые нечестно и непорядочно относились к ним, стремились быстро и легко обогатиться за счет обмана и обсчета, не уважали тувинские традиции и обычаи.

Выводы

Введение в научный оборот новых архивных материалов подтверждает выявленный ранее советскими исследователями тезис о конфликтном характере русской торговли на тувинской территории. Нечестные, а порой грабительские методы ведения торговых операций минусинскими купцами вызывали ответную реакцию

⁶⁰ ГАИО. Ф. 25. Оп. 10. Д. 292. Л. 136.

⁶¹ Там же. Оп. 11. Д. 7. Л. 13.

⁶² Там же. Л. 92 об.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же. Оп. 10. Д. 292. Л. 151.

со стороны тувинцев. Проникновение и коммерческая деятельность минусинских купцов зачастую вызывали раздражение тувинских аратов, подстрекаемых местными властями. Донесения тувинских чиновников показали, что, несмотря на недовольства тувинского населения, русские купцы продолжали сохранять кабальные условия долговой торговли.

В то же время выясняется, что российские подданные, также нередко выступали в роли жертвы: оказавшиеся без гарантий личной и имущественной безопасности, терпели притеснения и унижения со стороны аборигенов.

Нередко обострение русско-тувинских взаимоотношений возникало из-за тувинских чиновников, вынужденных лавировать между русской и китайской сторонами и заинтересованных в личной выгоде. В начале XX в. русские торговцы, утратив монопольную торговлю в Туве под натиском китайского капитала, одновременно почувствовали нападки нойонов. Ярким примером проведения антирусской политики и изгнания российских подданных из Тувы был хемчикский нойон Хайдып, которому удалось заручиться поддержкой цинской стороны. Немаловажную роль в ухудшении русско-тувинских связей сыграли сами русские торговцы, соперничавшие между собой и стремившиеся оказывать влияние на представителей тувинской элиты.

Характер русско-тувинских взаимоотношений между русскими купцами и местными жителями был непосредственно связан с международной обстановкой. Для тувинцев барометром отношения ко всем без исключения российским подданным становилось положение России в мире. Политические перемены в Китае сыграли немаловажную роль в отношении тувинцев к русским купцам. Синьхайская революция кардинально поменяла приоритеты тувинцев, отказавшихся от услуг китайских коммерсантов и выбравших ориентир на Россию и российский капитал.

В то же время часть русских торговцев сумела удачно адаптироваться к тувинским условиям и контактировать с аборигенами, снискав с их стороны уважительное отношение к себе. Вопрос о вкладе русских купцов в хозяйственное освоение Тувы требует дальнейшего всестороннего и глубокого исследования.

Поступила в редакцию / Submitted: 05.10.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 12.12.2022

Принята к публикации / Accepted for publication: 14.01.2023

References

- Adrianov, A.V. "Puteshestvie na Altai i za Saiany, sovershennoe v 1881 g. po porucheniiu Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo obshchestva chlenom-sotrudnikom A.V. Adrianovym [A trip to Altai and beyond the Sayans, made in 1881 on behalf of the Imperial Russian Geographical Society by A.V. Adrianov, a member of the staff]." In *Zapiski IRGO po obshchei geografii: IRGO notes on general geography*. Vol. 11, 145–444. St. Petersburg: [S.n.], 1886 (in Russian).
- Afrikanov, A. M. "Russkaia trgovlia v Uriankhaiskom zemle [Russian trade in Uriankhai land]." *Izvestiia VSOIRGO* 21, no. 5 (1890): 1–33 (in Russian).
- Asonychev, A.A. "Kharakter vzaimootnoshenii rossiiskikh torgovtsev s tuvinskim naseleniem v 1860–1917 gg. [The nature of the relationship between Russian merchants and the Tuvan population in 1860–1917]." In *Aktual'nye problemy istorii Saiano-Altaiia*. Vol. 19, 44–55. Abakan: Izd-vo Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 2016 (in Russian).
- Datsyshen, V.G. "Chinese in Tuva in Early 20th Centure." *New Research of Tuva*, no. 1 (2011): 143–159 (in Russian).
- Datsyshen, V.G. *Ocherki istorii rossiisko-kitaiskoi granitsy vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv.* [Essays on the history of the Russian-Chinese border in the second half of the 19th – early 20th century]. Kyzyl: Republican Printing House, 2000 (in Russian).
- Datsyshen, V.G. *Saianskii rubezh. Iuzhnaia chast' Prieniseiskogo kraia i rusско-tuvinskie otnosheniia v 1616–1911 gg.* [Sayan frontier. The southern part of the Yenisei Region and Russian-Tuvan relations in 1616–1911]. Tomsk: STT Print House, 2005 (in Russian).

- Dulov, V.I. *Sotsial'no-ekonomicheskaja istorija Tuvy (XIX – nachalo XX v.)*. [The socio-economic history of Tuva: 19th – early 20th century]. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR Publ., 1956 (in Russian).
- Kabo, R.M. *Očerki istorii i ekonomiki Tuvy* [Essays on the history and economy of Tuva]. Moscow; Leningrad: Sotsekgiz Publ., 1934 (in Russian).
- Katanov, N.F. *Očerki Uriankhaiskoj zemli. Dnevnik puteshestviia, ispolnennogo po porucheniiu Imperatorskoj Akademii nauk i Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva v 1889 g.* [Essays of the Uriankhai land. Diary of a journey performed on behalf of the Imperial Academy of Sciences and the Imperial Russian Geographical Society in 1889]. Abakan: Zhurnalist Publ., 2011 (in Russian).
- Kiskidosova, T.A. *Torgovo-promyshlennoe predprinimatel'stvo Achinsko-Minusinskogo kraia vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v.* [Commercial and industrial entrepreneurship of the Achinsk-Minusinsk region in the second half of the XIX – early XX century] Abakan: KhRIPK i PRO ROSA Publ., 2009 (in Russian).
- Kon, F.Ia. *Za piat'desiat let. Sobranie sochinenii. T. 3. Ekspeditsiia v Soiotiiu* [For fifty years. Collected works. Vol. 3. Expedition to Soyotia]. Moscow: Izd-vo Vsesoiuznogo obshhestva politkatorzhan i ssyl'no-poselentsev Publ., 1934 (in Russian).
- Mollerov, N.M. “The protectorate of Russia over Tuva in 1914–1925 (an Historical and Legal Aspect).” *New Research of Tuva*, no. 3 (2014): 47–57 (in Russian).
- Mollerov, N.M. *Innokentii Safianov*. Moscow: Slovo Publ., 2014 (in Russian).
- Ostrovskikh, P.E. *Znachenie Uriankhaiskoj zemli dlia Iuzhnoi Sibiri*. [The significance of the Uriankhai Land for Southern Siberia]. St. Petersburg: Tipografiia V. Bezobrazova i K° Publ., 1899 (in Russian).
- Potantin, G.N. *Puteshestvie po Mongolii* [Travel across Mongolia]. Moscow: OGIz Publ., 1948 (in Russian).
- Potantina, A.V. *Iz puteshestvii po Vostochnoi Sibiri, Mongolii, Tibetu i Kitaiu*. [From travels in Eastern Siberia, Mongolia, Tibet and China]. Moscow, Tipografiia E. Gerbek Publ., 1895 (in Russian).
- Prokof'eva, E.D. *Process nacional'noj konsolidacii tuvincev* [The process of national consolidation of Tuvans]. St. Petersburg: Nauka Publ., 2011 (in Russian).
- Rodevich, V.M. *Uriankhaiskii kraj i ego obitateli* [Uriankhai region and its inhabitants]. St. Petersburg: M.M. Stasiulevicha Publ., 1912 (in Russian).
- Samdan, A.O. “The Position of the Last Usinsk Border Chief A.H. Chakirov on the "Uryankhai Issue" in 1907–1912.” *Humanitarian Sciences in Siberia* 29, no. 3 (2022): 75–84, <https://doi.org/10.15372/HSS20220309> (in Russian).
- Samdan, A.O. “The Russo-Tuvan Conflict of 1908.” *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovanii RAN* 10, no. 3 (2017): 27–35, <https://doi.org/10.22162/2075-7794-2017-31-3-27-35> (in Russian).
- Vasilenko, V.A. “‘Uriankhai Issue’ in Foreign Policy of Russia in Early 20th Century and the Problem of Foreign States’ Participation in it.” *RUDN Journal of Russian History*, no. 4 (2017): 641–655, <https://doi.org/22363/2312-8674-2017-16-4-641-655> (in Russian).
- Vasilenko, V.A. *Na puti k protektoratu. Otnoshenie pravitel'stva imperskoj Rossii s Kitaem i Mongoliei po voprosam ustanovleniia politicheskogo vliianiia v Tuve vo vtoroi polovine XIX v. – 1914 g.* [On the way to the protectorate. The attitude of the government of Imperial Russia with China and Mongolia on the establishment of political influence in Tuva in the second half of the 19th century – 1914]. Irkutsk: Irkutsk State University Publ., 2014 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Татьяна Александровна Кискидосова, канд. истор. наук, заведующая сектором истории, Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории; 655017, Россия, Абакан, ул. Щетинкина, 23; tak_74@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1031-835X>

Tatiana A. Kiskidosova, PhD. in History, Head of the History Department, Khakass Research Institute of Language, Literature and History; 23, Shchetinkina Str., Abakan, 655017, Russia; tak_74@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1031-835X>

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-1-72-84>

Научная статья / Research article

Русское архитектурное наследие в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая как проявление межэтнического и межкультурного взаимодействия в XIX–XXI вв.

Елена Наземцева

Институт востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, Улан-Удэ, Россия
 elenanazz@mail.ru

Аннотация: Определяется роль русского архитектурного наследия в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР) Китая в процессе межкультурного и межэтнического взаимодействия русской диаспоры с народами провинции. В связи с этим предметом исследования являются сохранившиеся здесь памятники русской культуры – жилые постройки, храмы, кладбища. Структура исследования обусловлена необходимостью изучения взаимовлияния культуры русской диаспоры и культур местных народов на примере архитектурных сооружений. В основе исследования – современная литература, а также документы российских архивов: материалы, отложившиеся в Архиве внешней политики Российской империи, Архиве внешней политики Российской Федерации, Государственном архиве Российской Федерации, Российском государственном военно-историческом архиве. Большинство из них ранее не вводились в научный оборот. Автор выявляет особенности межкультурного и межэтнического взаимодействия представителей русской диаспоры с местными народами на протяжении длительного времени и в контексте политической ситуации в регионе. Отмечается, что на этапе формирования русской диаспоры в СУАР имели место трудности во взаимоотношениях русских и представителей местных этносов. Вместе с тем можно говорить о тесном взаимовлиянии населяющих современный Синьцзян этносов. Местная культура оказывала серьезное влияние и на развитие русской диаспоры. Автор отмечает достаточно грамотную политику китайских и российских властей на современном этапе по поддержке культуры русских в Синьцзяне, хотя и не исключает трудностей на пути ее дальнейшего сохранения в будущем. Потому, по мнению автора, существует необходимость дальнейшего тесного взаимодействия китайских и российских властей с целью определения новых курсов сотрудничества в этом направлении.

Ключевые слова: национальная политика, политика памяти, Западная Сибирь, инокультурная среда, транскulturация

Благодарности и финансирование: Статья подготовлена в рамках проекта «Русский мир Внутренней Азии в XXI веке: политика памяти и символическое наследие политического присутствия», выполняемого по гранту РНФ 22-28-01087.

Для цитирования: Наземцева Е.Н. Русское культурное наследие в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая как пример межэтнического и межкультурного взаимодействия в XIX–XXI вв. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2023. Т. 22. № 1. С. 72–84. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-1-72-84>

Russian Architectural Heritage in the Xinjiang-Uyghur Autonomous Region of China as Manifestation of Interethnic and Intercultural Interaction in the 19th–21st Centuries

Elena Nazemtseva

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Russia

✉ elenanazz@mail.ru

Abstract: The author identifies the Russian architectural heritage in the Xinjiang Uyghur Autonomous Region of China in the process of intercultural and interethnic interaction of the Russian Diaspora with the peoples of the province. In this regard, the subject of the study is the preserved monuments of Russian culture – residential buildings, temples, cemeteries. The structure of the study is determined by the need to explore the mutual influence of the culture of the Russian diaspora and those of local peoples on the example of architectural structures. The research is based on modern literature, as well as documents of Russian archives: materials deposited in the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire, the Archive of Foreign Policy of the Russian Federation, the State Archive of the Russian Federation, the Russian State Military Historical Archive. Most of them have not been introduced into scientific use before. The author identifies the features of intercultural and interethnic interaction of representatives of the Russian diaspora with local peoples for a long time and depending on the political situation in the region. It is noted that at the stage of the formation of the Russian Diaspora in the XUAR there were difficulties in the relations between Russians and representatives of local ethnic groups. At the same time, the local culture had a serious impact on the development of the Russian diaspora. There is noted the rather competent policy of the Chinese and Russian authorities at the present stage to support the culture of Russians in Xinjiang, although the author does not exclude difficulties in its further preservation. Therefore, according to the author, there is a need for further close interaction between the Chinese and Russian authorities in order to determine new courses of cooperation in this direction.

Keywords: national policy, politics of memory, Western Siberia, foreign cultural environment, transculturation

Acknowledgements and Funding: The article has been prepared as a part of the project “The Russian World of Inner Asia in the 21st Century: The Politics of Memory and the Symbolic Legacy of Political Presence,” carried out under the Russian Science Foundation grant 22-28-01087.

For citation: Nazemtseva, Elena. “Russian Architectural Heritage in the Xinjiang-Uyghur Autonomous Region of China as Manifestation of Interethnic and Intercultural Interaction in the 19th–21st Centuries.” *RUDN Journal of Russian History* 22, no. 1 (February 2023): 72–84. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-1-72-84>

Введение

Проблемы межэтнического и межкультурного взаимодействия всегда были актуальны и остаются таковыми в настоящее время в условиях межгосударственного и культурного взаимодействия. В некоторых регионах мира эти проблемы стоят особенно остро, что обусловлено значительными цивилизационными различиями и разницей населяющих их народов, а также особенностями политики в отношении них. Одним из таких регионов всегда был современный Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая. Здесь издавна проживали представители различных этносов и конфессий. В настоящее время этническая картина района также весьма пестрая: ханьцы, уйгуры, казахи, киргизы, калмыки, маньчжуры, узбеки, татары, русские и др., которые исповедуют ислам, буддизм, православие и т. д. Поэтому вопросы межкультурного взаимодействия продолжают оставаться актуальными.

В современной отечественной и зарубежной литературе в последнее время изучению национальной политики в данном регионе уделяется много внимания¹. Однако взгляды исследователей обращены на изучение особенностей политики в отношении представителей ханьской и уйгурской культур, а также проблем религиозного взаимодействия. Практически не затрагиваются вопросы положения этнических русских в Синьцзяне, особенности их контактов с представителями местных культур и конфессий. Те работы, которые посвящены этим вопросам, из-за недостатка источниковой базы содержат очень мало информации, часто дублируют ее.

В то же время следует отметить ряд основательных исследований, раскрывающих отдельные аспекты данной темы. Среди них – публикации К.В. Бирюковой, В.Г. Дацышена, Е.В. Дроботушенко, Ю.Н. Ланцовой, Г.П. Камневой, А.А. Сотникова, С.А. Сотникова, Лян Чжэ, Е.А. Петякшиной, Т.В. Романенко². Они характеризуют деятельность Пекинской духовной миссии в разные исторические периоды, особенности православных храмов в Китае, в том, числе в Синьцзяне. Но лишь в исследовании Т.В. Романенко предпринята попытка рассмотреть роль православия в Китае в контексте взаимодействия русской и китайской культур.

В то же время в публикациях не рассматривались памятники русской культуры, не связанные с культом, практически отсутствуют сведения о русских кладбищах, памятниках русским (советским) военным, особенностях русской архитектуры в провинции, влиянии на нее местных условий и т. д.

Цель исследования – охарактеризовать специфику русского культурного наследия в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая на примере имеющихся ранее и сохранившихся сегодня памятников и показать его влияние на особенности межэтнического и межкультурного взаимодействия русских с представителями народов провинции в XIX–XX вв.

Для этого привлечены документы российских архивов: материалы, отложившиеся в Архиве внешней политики Российской империи, Архиве внешней полити-

¹ *Бондаренко А.В.* Современная национальная и религиозная политика в Синьцзян-Уйгурском автономном районе // *Россия и АТР*. 2007. № 3. С. 105–109; *Капицын В.М., Яо Ван* Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая: территориальное самоуправление и национальная политика // *Ars Administrandi*. 2013. № 3. С. 107–117; *Буяров Д.В.* Некоторые аспекты государственного регулирования религиозной сферы в Синьцзян-Уйгурском автономном районе // *Теория и практика общественного развития*. 2015. № 18. С. 228–230; *Новичков В.С.* Основные направления национальной политики в СУАР КНР после 2000 // *Вестник Томского государственного университета*. 2017. № 424. С. 116–122. DOI: 10.17223/15617793/424/16; *Ананьина Д.А.* Межэтнический конфликт на территории Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР // *Гуманитарный вектор*. 2018. Т. 13. С. 6–11; *Эпштейн В.А., Бочков Д.А.* Политика КНР по интеграции Синьцзян-Уйгурского автономного района: 1949–2018 годы // *Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки*. 2018. Т. 160, кн. 6. С. 1442–1454 и др.

² *Бирюкова К.В.* 1) *Историография российской духовной миссии в Китае: к постановке проблемы* // *Ученые записки Орловского государственного университета*. 2015. № 1 (64). С. 74–80; 2) *Храмы Российской духовной миссии в Китае* // *Ученые записки Орловского государственного университета*. 2015. № 6 (69). С. 25–28; *Дацышен В.Г.* *Христианство в Китае: история и современность*. М., 2007; *Дроботушенко Е.В.* 1) *Православие в Китае во второй половине 40-х гг. XX века по документам Государственного архива Российской Федерации* // *Гуманитарный вектор*. Сер. История. Политология. 2016. Том 11. № 4. С. 86–92. <https://doi.org/10.21209/2307-1842-2016-11-4-86-92>; 2) *К вопросу о развитии православия на северо-западе Китая в начале 1950-х гг.* // *Вестник БГУ. Гуманитарные исследования Внутренней Азии*. 2017. Вып. 4. С. 78–84. <https://doi.org/10.18101/2305-753X-2017-4-78-84>; *Дроботушенко Е.В., Ланцова Ю.Н., Камнева Г.П., Сотников А.А., Сотников С.А.* Особенности существования эмигрантских баптистских общин на западе, севере и северо-востоке Китая во второй половине 40-х гг. XX века // *Самарский научный вестник*. 2021. Т. 10. № 4. С. 193–196. DOI: 10.17816/snv2021104209; *Лян Чжэ.* *Православие в контексте современного российско-китайского взаимодействия (1949–2015 гг.)*. М., 2016; *Петякшина Е.А.* *Русские в Синьцзяне (из истории православной церкви в Восточном Туркестане второй половины XIX – XX века)* // *Томский журнал ЛИНГ и АНТР*. 2015. № 3 (9). С. 128–135; *Романенко Т.В.* *Православие в контексте взаимодействия русской и китайской культур* // *Ученые записки ЗабГУ. Сер. Философия. Культурология. Социология. Социальная работа*. 2016. Т. 11. № 3. С. 87–93.

ки Российской Федерации, Государственном архиве Российской Федерации, Российском государственном военно-историческом архиве. Большинство их ранее не вводились в научный оборот. Например, документы российских консульств в Синьцзяне – отчеты, справки, переписка с МИД Российской империи, НКВД СССР. Значительную часть составляют эго-документы.

Методология исследования базируется на подходах к изучению межкультурного взаимодействия теории высоко- и низкоконтекстуальных культур Э. Холла, которая помогает взглянуть на представителей различных культур изнутри и способствует разработке способов понимания культурных коммуникативных образцов³.

В то же время при изучении особенностей межкультурного взаимодействия этнических русских с народами, населяющими Восточный Туркестан, учитывались особенности восточных культур и неприменимость в чистом виде методов классической европейской гуманитарной науки к исследованиям культурологических вопросов в реалиях Востока⁴. Следует отметить, что востоковедение в целом всегда придерживалось комплексного подхода к изучению культур и, соответственно, межкультурного взаимодействия. Современные востоковедные исследования также базируются на комплексном изучении различных способов видения мира, основанных на принципиально непохожих друг на друга матрицах восприятия, характерных для разных типов цивилизаций, что в свою очередь способствует выходу за рамки условностей европейской и восточной цивилизаций и налаживанию пути их взаимного общения и понимания⁵. Применение данных подходов наиболее приемлемо для выявления особенностей взаимодействия этнических русских с представителями целого ряда восточных этносов, проживающих в Восточном Туркестане.

В качестве методов исследования применялись хронологический, типологический, сравнительный, ценностно-нормативный, структурно-функциональный.

Формирование русских поселений

Первые выходцы из Российской империи появились в Синьцзяне в конце XVIII – начале XIX в. К концу XIX в. здесь сформировались основные центры расселения русских подданных в Синьцзяне, их количество было небольшим – около 2000 чел., при этом этнические русские среди них составляли всего несколько сотен⁶. Следует отметить, что общая численность населения в Синьцзяне (не учитывая Кашгарию), по данным российской военной разведки на 1887 г., составляла около 454 тыс. «душ обою пола»⁷. В дальнейшем численность выходцев из России в Синьцзяне менялась в зависимости от политической ситуации в самой провинции, в Российской империи, а также от развития отношений двух государств. Китайские исследователи, опираясь на статистических данных правительства Синьцзяна, приводят следующие цифры: во всех городах провинции к 1916 г. насчитывалось 15 481 чел. жителей, имевших русское подданство⁸. Из-за восстания 1916 г. в регион хлынул поток беженцев. По данным российских консульских служб, численность беженцев только в Илийском крае достигла 100 тыс.⁹ Из доклада консульства СССР в Илийском окру-

³ Садохин А.П. Введение в теорию межкультурной коммуникации. М., 2005; Hall E.T. Beyond Culture. Anchor Books, 1989; Hall E.T. Understanding Cultural Differences: Germans, French and Americans. Intercultural Press, 1990.

⁴ Концепции современного востоковедения. СПб., 2013. С. 201.

⁵ Там же. С. 205.

⁶ Восточные ветви российской диаспоры в прошлом и настоящем / Отв. ред. Д.С. Панарина. М., 2019. С. 93.

⁷ Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 2000. Оп. 1. Д. 957. Л. 85 об.

⁸ Лян Чжэ. Православие в контексте современного... С. 146.

⁹ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВП РИ). Ф. 143. Д. 448. Л. 146.

ге следует, что к 1927 г. в ходе эмиграции из России и миграции из других регионов Сынцзяна численность бывших подданных Российской империи в этом же округе составила около 10 тыс. чел.¹⁰ По другим округам данных нет. В своих воспоминаниях русский эмигрант Н.С. Трескин отмечает, что русских в Сынцзяне на рубеже 1920–1930-х гг. насчитывалось около 13 500 чел.¹¹

По данным переписи, в 2020 г. население Сынцзяна составляло 25 852 345 чел.¹² Современная русскоязычная диаспора в Сынцзяне невелика и составляет всего 8,5 тыс. чел.¹³

Обосновавшиеся в разное время в провинции выходцы из России вынуждены были взаимодействовать с представителями местных народов и китайской администрацией. Первоначально это происходило не без определенных трудностей. Например, в первой половине XIX в., этнических русских представляли, в основном, поселившиеся в Сынцзяне старообрядцы. Они образовали ряд поселков в приграничных с Россией областях провинции. Однако, так как приверженцы старообрядчества ведут закрытый образ жизни и не стремятся к усвоению традиций других культур, они не пытались наладить отношения с местными народами. Более того, относились к ним часто негативно. Это касалось и русских крестьян – сторонников Русской православной церкви. Такое отношение к местным народам иногда приводило к конфликтам, доходившим до вооруженных стычек¹⁴. Хотя были и исключения, когда отдельные русские крестьяне-колонисты проникались культурой местных народов, изучали их языки, традиции и взаимодействовали более тесно. Но такие случаи были единичными. Примером может служить казак Иван Афанасьевич Мокин, который свободно владел киргизским языком, принимал у себя киргизов, знал их традиции¹⁵.

Не способствовало взаимодействию и то, что большая часть поселений русских крестьян оказалась на севере провинции, в Алтайском округе, где климат и природные условия были близки российским, что позволило переселенцам возводить свои дома и дворовые постройки таким же способом, как на родине, сохраняя при этом некоторые особенности русского быта и культуры. По данным российского консульства в г. Шарасумэ, в поселках были построены деревянные избы в один или в два сруба, с прочными надворными постройками, рубленными амбарами, расположенными в уличном порядке¹⁶. В некоторых поселках жилье русских крестьян даже напоминало помещичьи хуторские усадьбы¹⁷.

Деревянные дома-срубы, бани, сохранились здесь до сегодняшнего дня, правда, в них уже проживают в основном местные жители. Тем не менее, по отзывам современных путешественников, села китайского Алтая практически не отличимы от деревень Западной Сибири¹⁸.

¹⁰ Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ). АВП РФ. Ф. 2. Оп. 9. П. 117. Д. 14. Л. 32.

¹¹ Трескин Н.С. О Жизни и о себе // «Россияне в Азии». Литературно-исторический ежегодник / Центр по изучению России и Восточной Европы. Торонтский университет. Торонто, 1998. Т. 5. С. 127.

¹² Сынцзян-Уйгурский автономный район // Россия и Китай. URL: <https://ruchina.org/xin-province.html> (дата обращения: 29.07.2022).

¹³ Баженова Е.С., Островский А.В. Сынцзян – горизонты нового Шелкового пути. М., 2016. С. 88; По данным китайских авторов – 11 тыс. чел. – Юй Шантин Многоликий Сынцзян. Пекин, 2015. С. 220.

¹⁴ Подробнее см.: Наземцева Е.Н. Проблемы межэтнических взаимоотношений представителей русской диаспоры и местного населения в Алтайском округе Сынцзяна в 1917 г. (по документам российского консульства в Шарасумэ) // Сибирь в фокусе исторических, востоковедных и правовых исследований: материалы первой Всероссийской научной конференции, посвященной памяти известного ученого, педагога, просветителя и общественного деятеля, доктора исторических наук, профессора Александра Владимировича Старцева (1956–2019) / под ред. Д.Л. Проказина. Барнаул, 2021. С. 113–121.

¹⁵ АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 640. Л. 348.

¹⁶ Там же. Л. 340.

¹⁷ Там же. Л. 344.

¹⁸ Ротарь И. Необычный Китай. Путевые заметки из Сынцзян-Уйгурского автономного района // Фергана. URL: <https://www.fergananews.com/article.php?id=6936> (дата обращения: 20.08.22).

Сохранились и остатки русских построек в городах Синьцзяна. Как правило, это кирпичные одноэтажные дома со ставнями, расположенные на месте бывших русских торговых факторий.

Русские фактории

Русские фактории, возникшие в XIX в. в крупных городах провинции, в которых находились российские консульства, также имели черты российской архитектуры. На это обращает внимание российский консул Н.В. Богоявленский. Например, русская часть г. Кульджи в самом начале XX в., по его мнению, «выгодно отличалась от китайской» и которую он описывал следующим образом:

Здесь мы видим чистенькие домики европейской архитектуры. Около некоторых домов есть садики. Самый базар представляет из себя ряд хороших каменных лавок, выходящих на крытую галерею, и вообще похож на многие гостиные дворы в России¹⁹.

В другом крупном городе провинции – Кашгаре – в этот период отдельной русской фактории не существовало, русские подданные проживали в разных частях города. Согласно описанию русского военачальника, военного историка, востоковеда и путешественника В.Ф. Новицкого, здание русского консульства располагалось на берегу р. Кизыл-су, на одной из окраин города, на участке земли, подаренном китайским правительством. Здания консульства первоначально состояли из одноэтажных глинобитных домиков с плоскими крышами, расположенными близко друг от друга. Они образовывали внутри небольшой двор и были окружены невысокой глинобитной оградой, то есть представляли собой типичное местное строение²⁰. Позже было возведено одноэтажное кирпичное здание европейского вида, сохранившееся до сих пор.

Русская фактория в Чугучаке в середине XIX в. представляла собой красиво отстроенные здания и являлась «украшением города», о чем упоминает в своих заметках путешествовавший по Синьцзяну другой русский путешественник, военачальник и географ И.Ф. Бабков²¹. Однако позже эти здания были разрушены. С 1880-х гг. фактория начала отстраиваться заново, но уже не смогла стать столь впечатляющей в архитектурном отношении, так как не был составлен конкретный план застройки, не обращалось внимания и на архитектуру домов. По этому поводу Н.В. Богоявленский писал:

мы теперь и видим кривые улицы, такие же кривые и узкие переулки, в которых один дом стоит так, другой иначе; здесь на улицу насовывается угол дома, там выдается какой-нибудь полуразрушенный сарай и т.д. Вообще чугучакская фактория – совершенная копия сартовских селений в Средней Азии²².

При этом русское консульство помещалось в «прекрасном деревянном доме»²³. Некоторые дома русской постройки сохранились до сих пор.

Русская фактория в столице Синьцзяна – Урумчи находилась в юго-восточной части города и строилась по плану российского консула С.А. Федорова. В конце XIX – начале XX в. она представляла собой улицу, «по сторонам которой и распо-

¹⁹ Богоявленский Н.В. Западный Застенный Китай: Его прошлое, настоящее состояние и положение в нем русских подданных. СПб., 1906. С. 335.

²⁰ Басханов М.К., Резван Е.А. Кашгар: фотолетопись Большой игры (коллекции Н.Ф. Петровского и Я.Я. Лютша в собрании МАЭ РАН). СПб., 2021. С. 138.

²¹ Бабков И.Ф. Воспоминания о моей службе в Западной Сибири, 1859–1875 г.: разграничение с Зап. Китаем 1869 г. СПб., 1912. Т. 10. С. 88.

²² Богоявленский Н.В. Западный Застенный Китай... С. 337.

²³ Там же.

ложены дома и магазины русских подданных». Дома были одноэтажные. По обе стороны улицы росли деревья, образуя тенистую аллею. Как отмечал Н.В. Богоявленский, своим внешним видом фактория производила «очень благоприятное впечатление»²⁴. Само консульство занимало большой участок на краю фактории и производило «впечатление благоустроенной усадьбы», окруженной садом. На территории консульства в 1903 г. по инициативе самого Богоявленского была заложена церковь²⁵. Там была даже оборудована метеорологическая станция²⁶.

Впоследствии здание российского консульства в Урумчи достраивалось и реставрировалось. С 1924 г. в нем располагалось советское генеральное консульство. В современном Урумчи это здание имеет статус исторического и архитектурного памятника. В 1994 г. городское правительство объявило его охраняемым объектом культуры, а в 2003 г. аналогичное решение было принято народным правительством Синьцзян-Уйгурского автономного района. Об этом свидетельствуют мемориальные доски на стене консульства и в сквере перед ним. Кроме того, в первой половине 1990-х гг. местной администрацией перед фасадом здания был установлен бюст В.И. Ленину²⁷.

Примечательно, что описанный выше вид русской фактории в Урумчи сохранялся вплоть до середины XX в. Улицы города в 1920-е – 1940-е гг. украшали дома в русско-азиатском стиле и многочисленные вывески на русском языке. Например, корреспондент одной из эмигрантских газет в своем репортаже отмечал, что «Урумчи сейчас стал как бы полурусским городом. Везде слышна русская речь. Большинство городских, да и деревенских китайцев, дунган, сартов и других аборигенов края говорят сносно и охотно по-русски. Улицы Урумчи изобилуют везде русскими вывесками. Есть несколько русских ресторанов, не говоря уже про столовые и постоялые дворы. Всюду русские магазины, кондитерские и булочные, разные мастерские. Есть пимокатная фабрика. В окрестностях образцовые садоводства. Большие плодовые хозяйства. Куриные фермы. Шорные и сдельные мастерские по ремонту и даже изготовлению сельскохозяйственных орудий. Большие зерновые хозяйства и хлопковые плантации»²⁸. Похожее описание русского квартала Урумчи оставил посетивший в 1926 г. столицу провинции Н.К. Рерих:

До китайского города следуем по русской фактории. Широкая улица с низкими домами русской постройки. Читаем вывески: «Кондитерская», «Ювелир», «Товарищество Бардыгина...»²⁹

Православные храмы в Синьцзяне

В то же время русские не только привнесли черты своей, но и впитали элементы местной культуры. Это отразилось как в архитектуре городских кварталов и деревенских селений, так и во внешнем виде культовых сооружений, памятников, кладбищ.

Так, первый русский православный храм располагался в небольшом китайском строении и находился в Кульдже. Изображение этой церкви было опубликовано в журнале «Нива»³⁰. В храме были собраны списки многих чтимых русских

²⁴ Богоявленский Н.В. Западный Застенный Китай... С. 338.

²⁵ Там же. С. 339.

²⁶ [Маннергейм К.Г.] Предварительный отчет о поездке, предпринятой по Высочайшему повелению через Китайский Туркестан и северные провинции Китая в г. Пекин, в 1906-7 и 8 гг., полковник барон Маннергейм // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Военно-ученый ком. Главного штаба, 1882–1914. СПб., 1909. Вып. 81. С. 34.

²⁷ Глуценко Л.И., Садовская И.А. Урумчи. Джунгария. Казахстанский этап экспедиции экспедиции Н.К. Рериха // Электронная библиотека Международного центра Рерихов. URL: <https://lib.icr.su/node/1796> (дата обращения: 23.08.2022).

²⁸ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 5873. Оп. 1. Д. 9. Л. 17а.

²⁹ Цит. по: Глуценко Л.И., Садовская И.А. Урумчи. Джунгария...

³⁰ Нива. 1879. № 41. С. 815.

икон³¹. Однако в 1883 г. это здание было разрушено китайскими войсками после возвращения Россией Китая оккупированного ранее русскими Илийского края³².

К 1915 г. на территории русского консульства в Кульдже уже был новый православный храм³³. Затем в 1925 г. церковь была перенесена в другое здание, а в 1937–1938 гг. построен храм святителя Николая Чудотворца. В 1940-е гг. рядом с основным зданием была выстроена колокольня. Храм просуществовал до 60-х гг. XX в., но во время культурной революции церковь была разрушена.

В 1990-е гг. русская община Кульджи обратилась с просьбой к китайскому правительству о строительстве православного храма³⁴. В 1992 г. китайские власти восстановили за свой счет храм в Кульдже. Освящение храма в честь святителя Николая совершил в апреле 2003 г. прибывший из Казахстана игумен Вианор (Иванов)³⁵.

В китайском здании г. Шарасумэ Алтайского округа Синьцзяна при российском консульстве и базировавшемся здесь российском воинском формировании – Шарасумэском отряде – в 1913 г. также была оборудована православная церковь. По настоянию начальника отряда – полковника Е.С. Сергеева сюда из г. Зайсан регулярно приезжал священник³⁶. Во время Гражданской войны в России церковь и консульство оказывали помощь беженцами, покинувшим родину³⁷.

По свидетельству Н.В. Богоявленского, во второй половине XIX в. при русском консульстве в Чугучаке также имелась православная церковь, но во время мусульманского восстания она была разорена, а ее здание разобрано³⁸. Интересно, что здание русского консульства в Чугучаке также было разобрано, но не китайцами, а пограничными русскими крестьянами. Вновь консульство было открыто после 1882 г.³⁹ Однако храм так и не был восстановлен, остатки здания использовались сначала для хозяйственных нужд китайскими властями, затем как госпиталь отступившими из России в Синьцзян белогвардейскими частями⁴⁰. Позже это здание также было утрачено. В 2009 г. местной православной общиной получено разрешение на строительство храма, которое должно финансироваться местным правительством. В настоящее время регулярные богослужения совершаются в домах прихожан⁴¹.

Имелся православный храм и в Кашгаре⁴², однако достоверных сведений о нем пока нет.

В столице провинции Урумчи долгое время храма не было. Православная община была маленькой (несколько десятков человек). Тем не менее в 1903 г. по инициативе консула Н.В. Богоявленского была предпринята постройка православного храма при российском консульстве в Урумчи⁴³. Но затем из-за ошибок в проектировании и угрозы обрушения храма его строительство было остановлено.

³¹ Священник Дионисий Поздняев. История Православной Церкви в Синьцзяне // Православие в Китае. URL: http://www.orthodox.cn/localchurch/pozdnyaev/app3_ru.htm (дата обращения: 23.08.2022).

³² Дацзышен В.Г. Христианство в Китае... С. 126.

³³ История Российской Духовной Миссии в Китае. Сборник статей. М., 1997. С. 364.

³⁴ Как русский учитель Луниаофу (Лунев) стал депутатом Народного политико-консультативного совета Китая (интервью) // ЦентрАзия (centrasia.org). URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1054594320> (дата обращения: 23.08.2022).

³⁵ Храмы китайской автономной православной церкви // Православие. URL: <http://www.pravoslavie.ru/orthodoxchurches/41612.htm> (дата обращения: 23.08.2022).

³⁶ Демякин Ю.А. Зайсан православный. М., 2017. С. 165.

³⁷ Там же. С. 167.

³⁸ Богоявленский Н.В. Западный Застенный Китай... С. 334.

³⁹ Там же. С. 342.

⁴⁰ Петякшина Е.А. Русские в Синьцзяне... С. 131.

⁴¹ Храмы китайской автономной православной церкви...

⁴² Огороков А.В., Огорокова М.А. Русские православные храмы в Китае. М., 2022. С. 496.

⁴³ АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 427. Л. 401.

Позже, благодаря усилиям российского консула в Урумчи А.А. Дьякова в 1913 г., его строительство было возобновлено. Дьяков совместно с местной русской общиной разработали новый проект, который позволял исправить ошибки в строительстве, не разрушая прежнее строение. Документы об этом были направлены в Петербург. Кроме того, было даже составлено ходатайство комиссии местной русской общины о необходимости продолжения строительства храма⁴⁴.

В результате храм был достроен, но постоянного священника там все же не было. После установления советско-китайских отношений и открытия в Урумчи генерального консульства СССР советские дипломаты хотели сделать из расположенной на его территории церкви клуб, но против этого выступили не только представители русской эмиграции в Синьцзяне, но и китайское руководство провинции. В результате храм оставили в покое⁴⁵. Однако в середине XX в. этот храм постигла та же судьба, что и другие – он был разрушен. В 1991 г. по ходатайству православного населения Урумчи правительство Синьцзяна построило взамен разрушенного храма новый, названный Никольским, но здесь до сих пор нет служащего священника, богослужения проводятся местными русскими и их потомками. Очень редко (раз в несколько лет) в Урумчи, как и в другие города провинции, приезжают православные священники из Казахстана, России или Австралии⁴⁶.

Как отмечает Н.И. Лунев, сегодня «большинство прихожан православного храма в Урумчи – это пожилые женщины от смешанных браков». В последние годы очевиден перевес в сторону китайской культуры. Дети и внуки этих женщин не посещают православную церковь, не говорят на русском языке, не интересуются русской культурой. При этом старшее поколение не очень обеспокоено этой проблемой и не предпринимает попыток ее разрешить⁴⁷.

В небольших селениях провинции также имелись православные молитвенные дома⁴⁸. По данным советских источников, православные храмы являлись своеобразным связующим звеном и объединяли вместе всех православных⁴⁹. Это же подтверждают и современные китайские исследователи, которые считают, что православие способствовало развитию контактов между двумя культурами⁵⁰.

Русские кладбища

Среди оставшихся сегодня в Синьцзяне памятников русской культуры – русские кладбища в Суйдуне, Кульдже, Урумчи, Кашгаре и др. Однако большинство кладбищ русских находятся в плохом состоянии. Многие могилы со временем лишились надписей, надгробий и крестов. Кроме того, современная интенсивная городская застройка приближается к границе кладбищ. Об этом, в частности, говорил в своем интервью председатель Всемирного координационного совета российских соотечественников М.В. Дроздов, отмечая, что в той части кладбища Урумчи,

где покоятся эмигранты, царят ужас и запустение. Кресты повалены, разбиты, могилы запущены. Впечатление такое, будто в любой момент сюда могут пригнать экскаваторы и сравнять все подчистую⁵¹.

⁴⁴ АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 429. Л. 4–4 об.

⁴⁵ История Российской Духовной Миссии в Китае... С. 366.

⁴⁶ Храмы китайской автономной православной церкви...

⁴⁷ Старкова Н.В. «Олосы» или русские в Китае // Русский мир. URL: <https://rusmir.media/2009/03/01/olosity> (дата обращения 25.08.2022).

⁴⁸ История Духовной миссии в Китае... С. 366.

⁴⁹ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 276. Л. 41.

⁵⁰ Лян Чжэ. Русская духовная миссия в годы расцвета... С. 61.

⁵¹ Лория Е. Дорога на Харбин // Культура. 2015. 15 декабря. URL: <https://portal-kultura.ru/articles/country/125951-doroga-na-kharbin/> (дата обращения: 24.08.2022).

Сохранилось и русское кладбище в Кульдже. Во время «культурной революции» оно также лишилось крестов и памятников, перестало быть мемориалом тысячам конкретных русских людей и превратилось в одну огромную братскую могилу. Лишь в последние годы большинство могил восстановлено⁵².

Русское кладбище в Кашгаре в конце XIX в. представляло собой небольшой клочок земли с несколькими могилами, увенчанными русскими крестами⁵³.

На территории Синьцзяна сохранились русские воинские захоронения. В отличие от могил русского гражданского населения они содержатся в порядке. Например, в экологическом парке Дуншань в Урумчи находится памятник в виде стелы высотой 3,2 м. На памятнике имеется барельеф в виде красной звезды с серпом и молотом, обрамленной лавровым венком золотистого цвета. По обеим сторонам памятника расположены 26 могил, в каждой из которых захоронено по три праха. В отдельной могиле за памятником захоронены останки женщины. Все могилы закрыты гранитными плитами с барельефом в виде красных звезд. На захоронении установлена табличка с текстом на русском и китайском языках:

Здесь покоятся останки 79 солдат Советской Красной Армии, погибших за свободу китайского народа в 30-е годы XX в. Первоначально захоронение находилось на русском кладбище в Урумчи в районе Саньюнбэй. В мае 2010 г. с согласия Правительства Российской Федерации захоронение было перенесено на это место⁵⁴.

Также на памятнике установлена табличка с текстом на русском и китайском языках: «Вечная память павшим за китайский народ русским героям»⁵⁵.

С целью сохранения памятников русской культуры и развития межкультурного взаимодействия в Синьцзяне важно поддерживать тесные связи в рамках приграничного сотрудничества. С 2009 г. в рамках ведомственной целевой программы Алтайского края «Поддержка и развитие связей с соотечественниками за рубежом» осуществляется сотрудничество с общественной организацией «Русский клуб в Урумчи»⁵⁶.

Выводы

Взаимодействие культур – одно из важнейших условий сосуществования различных человеческих сообществ и база для развития межнациональных отношений. Модели взаимодействия культур могут быть разные – на этническом уровне, национальном или цивилизационном. Диалог культур способствует культурному и духовному взаимообогащению разных обществ, этносов. Его отсутствие закономерно ведет к конфронтации вплоть до геноцида. Различные процессы межкультурного взаимодействия приводят к разным результатам. Позитивное взаимодействие способствует объединению на уровне интеграции, формированию новых обществ, объединяющих в себе исторические черты старой культуры и новые, выработанные в процессе взаимодействия с новой инокультурной средой – транскультурации. Раз-

⁵² Князев А.А. Кульджинский крест // Internet Archive. URL: https://web.archive.org/web/2011112045629/http://www.knyazev.org/books/Knyazev_kuldja_cross.pdf (дата обращения: 25.08.2022).

⁵³ Басханов М.К., Резван Е.А. Кашгар: фотолетопись Большой игры... С. 142.

⁵⁴ Братские могилы советских воинов в городе Урумчи // Посольство России в Китае. URL: https://beijing.mid.ru/ru/voenno_memorialnaya_rabota/voinskie_zakhoroneniya_na_territorii_knr/spisok_voinikov_zakhoroniy/sintzyan_uygurskiy_avtonomnyy_rayon/bm_urumchi/ (дата обращения: 24.08.2022).

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ «Русский клуб» в Урумчи встретил гостей с Алтая // Алтай – 21 век. URL: <https://www.fondaltai21.ru/2017/04/26/russkiy-klub-v-urumchi-vstretil-gostey-s-altaya/> (дата обращения: 24.08.2022).

рушительное взаимодействие культур ведет к враждебному отношению этносов друг другу и их неспособности к диалогу.

Формировавшаяся на протяжении последних двух столетий русская диаспора в провинции Синьцзян является примером в целом позитивного взаимодействия представителей разных культур – русской, тюркоязычных этносов, ханьской и др., которое содействовало становлению современного сообщества выходцев из России разных лет, объединивших в себе с одной стороны – черты разных волн русских мигрантов, с другой – особенности народов Синьцзяна. Это выразилось в различных проявлениях культуры местных этнических русских – материальных и нематериальных.

Сохранившиеся на сегодня в Синьцзяне памятники русской культуры свидетельствуют о непростой, но интересной жизни русской диаспоры в этом уникальном регионе Китая, вкладе русских в его развитие, взаимовлиянии культур. Последнее имело специфический характер. Оно не было полным и определяющим для каждой культуры. Для первых поколений русских было характерно стремление сохранить черты своей культуры как через нематериальное (язык, традиции), так и через материальное (жилые дома, здания различных учреждений, культовых сооружений, захоронений) культурное наследие. Со временем нематериальное культурное наследие сохранилось лишь в старообрядческих семьях. Остальные же русские практически полностью интегрировались в местное общество и культуру. О русском культурном наследии в провинции сейчас больше говорят оставшиеся здесь и возведенные вновь немногочисленные архитектурные памятники, сохранение которых будет способствовать дальнейшему развитию двусторонних контактов и взаимовыгодному сотрудничеству двух стран.

На современном этапе следует отметить достаточно грамотную политику памяти в отношении культурного наследия русских в данном регионе Китая, причем как со стороны китайского руководства, так и со стороны российских властей. Многие памятники восстановлены либо отреставрированы. Значительная часть из них находится под охраной государства. Однако предстоит сделать еще многое для сохранения уникальных памятников русской культуры в этой сложной и многообразной китайской провинции.

Поступила в редакцию / Submitted: 14.09.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 06.11.2022

Принята к публикации / Accepted for publication: 10.12.2022

References

- Anan'ina, D.A. "Interethnic conflict on the territory of the Xinjiang Uygur Autonomous Region of China." *Gumanitarnyi vektor* 13 (2018): 6–11 (in Russian).
- Babkov, I.F. *Vospominaniia o moei sluzhbe v Zapadnoi Sibiri, 1859–1875 g.: Razgranichenie s Zap. Kitaem 1869 g.* [Memoirs of my service in Western Siberia, 1859–1875: Differentiation from Zap. China 1869]. St. Petersburg: V.F. Kirshbaum Publ., 1912 (in Russian).
- Baskhanov, M.K., and Rezvan, E.A. *Kashgar: fotoletopis' Bol'shoi igry (kolleksii N.F. Petrovskogo i Ya.Ya. Lyutsha v sobranii MAE RAN)* [Kashgar: a photo chronicle of the Big Game (collections of N.F. Petrovsky and Ya.Ya. Lutsch in the collection of the MAE RAS)]. St. Petersburg: Nestor-History Publ., 2021 (in Russian).
- Bazhenova, E.S., and Ostrovskii, A.V. *Sin'tszyan – gorizonty novogo Shelkovogo puti* [Xinjiang – the horizons of the new Silk Road]. Moscow: MBA Publishing House, 2016 (in Russian).
- Biryukova, K.V. "Historiography of the Russian Ecclesiastical Mission in China: to the problem statement." *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 1 (2015): 74–80 (in Russian).
- Biryukova, K.V. "Temples of the Russian Spiritual Mission in China." *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 6 (2015): 25–28 (in Russian).

- Bogoyavlenskii, N.V. *Zapadniy Zastennyi Kitai: Ego proshloe, nastoyashchee sostoyanie i polozenie v nem russkikh poddannyykh* [Western Wall China: His past, present condition and the position of Russian subjects in it.]. St. Petersburg: A.S. Suvorin Publ., 1906 (in Russian).
- Bondarenko A.V. “Modern national and religious politics in the Xinjiang Uygur Autonomous Region.” *Rossiya i ATR*, no. 3 (2007): 105–109 (in Russian).
- Buyarov, D.V. “Some aspects of State regulation of the religious sphere in the Xinjiang Uygur Autonomous Region.” *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, no. 18 (2015): 228–230 (in Russian).
- Datsyshen, V.G. *Khristianstvo v Kitae: istoriia i sovremennost'* [Christianity in China: History and Modernity]. Moscow: Scientific and educational forum on international relations Publ., 2007 (in Russian).
- Denyakin, Yu.A. *Zaisan pravoslavnyi* [Zaisan is Orthodox]. Moscow: Sam Polygraphist Publ., 2017 (in Russian).
- Drobotushenko, E.V. “On the Development of Orthodoxy in Northwest China in the Early 1950s.” *Vestnik BGU. Gumanitarnye issledovaniya Vnutrennei Azii*, 4 (2017): 78–84, <https://doi.org/10.18101/2305-753Kh-2017-4-78-84> (in Russian).
- Drobotushenko, E.V. “Orthodoxy in China in the second half of the 40s of the XX century according to the documents of the State Archive of the Russian Federation.” *Gumanitarnyi vektor. Ser. Istoriya. Politologiya* 11, no. 4 (2016): 86–92, <https://doi.org/10.21209/2307-1842-2016-11-4-86-92> (in Russian).
- Drobotushenko, E.V., Lantsova, Yu.N., Kamneva, G.P., Sotnikov, A.A., and Sotnikov, S.A. “Features of the existence of emigrant Baptist communities in the west, north and northeast of China in the second half of the 40s of the XX century.” *Samarskii nauchnyi vestnik* 10, no. 4 (2021): 193–196, <https://doi.org/10.17816/snv2021104209> (in Russian).
- Epshtein, V.A., and Bochkov, D.A. “China's Policy on the Integration of the Xinjiang Uygur Autonomous Region: 1949–2018.” *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye Nauki* 160, kn.6 (2018): 1442–1454 (in Russian).
- Glushchenko, L.I., and Sadovskaya, I.A. “Urumchi. Dzhungariia. Kazakhstanskii etap ekspeditsii [Urumqi. Dzungaria. Kazakhstan stage of the expedition of N.K. Rerikh].” *Elektronnaia biblioteka Mezhdunarodnogo tsentra Rerikhov*. Accessed August 23, 2022. <https://lib.icr.su/node/1796> (in Russian).
- Hall, Edward T. *Beyond Culture*. New York: Anchor Books, 1989.
- Hall, Edward T., and Hall, Mildred R. *Understanding Cultural Differences: Germans, French and Americans*. [S.l.]: Intercultural Press, 1990.
- Kapitsyn, V.M., Yao Van “Xinjiang Uygur Autonomous Region of China: territorial self-government and national policy.” *Ars Administrandi*, no. 3 (2013): 107–117 (in Russian).
- Loriya, E. “Doroga na Kharbin.” *Kultura*, Desember 15, 2015. <https://portal-kultura.ru/articles/country/125951-doroga-na-kharbin/> (in Russian).
- Lyan, Chzhe *Pravoslavie v kontekste sovremennogo rossiisko-kitaiskogo vzaimodeistviia (1949–2015 gg.)* [Orthodoxy in the context of modern Russian-Chinese Interaction (1949–2015)]. Moscow: RUDN Publ., 2016 (in Russian).
- Mannergeim, K.G. “Predvaritel'nyi otchet o poezdke, predprinatoi po Vysochaishemu poveleniiu cherez Kitaiskii Turkestan i severnye provintsii Kitaia v g. Pekin, v 1906–7 i 8 gg., [Preliminary report on a trip undertaken by the Supreme Command through Chinese Turkestan and the northern provinces of China to Beijing, in 1906–7 and 8].” In *Sbornik geograficheskikh, topograficheskikh i statisticheskikh materialov po Azii. Voenno-uchenyi kom. Glavnogo shtaba, 1882–1914*. Vol. 12, issue 81. St Petersburg: Glavnoe upravlenie General'nogo shtaba, 1909 (in Russian).
- Nazemtseva, E.N. “Problemy mezhetnicheskikh vzaimootnoshenii predstavitelei russkoi diaspory i mestnogo naseleniya v Altaiskom okruge Sin'tszyana v 1917 g. (po dokumentam rossiiskogo konsul'stva v Sharasume) [Problems of interethnic relations between representatives of the Russian Diaspora and the local population in the Altai district of Xinjiang in 1917 (according to the documents of the Russian consulate in Sharasume)].” In Prokazina, D.L., ed. *Sibir' v fokuse istoricheskikh, vostokovednykh i pravovykh issledovaniy: materialy pervoi Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi pamyati izvestnogo uchenogo, pedagoga, prosvetitel'ya i obshchestvennogo deyatelya, doktora istoricheskikh nauk, professora Aleksandra Vladimirovicha Startseva (1956–2019)* [Siberia in the focus of historical, Oriental and legal studies: materials of the first All-Russian Scientific Conference dedicated to the memory of the famous scientist, teacher, educator and public figure, Doctor of Historical Sciences, Pro-

- fessor Alexander Vladimirovich Startsev (1956–2019)], 113–121. Barnaul: Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., 2021 (in Russian).
- Novichkov, V.S. “The main directions of national policy in the Xinjiang People's Republic of China after 2000.” *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 424 (2017): 116–122, <https://doi.org/10.17223/15617793/424/16> (in Russian).
- Okorokov, A.V., and Okorokova, M.A. *Russkie pravoslavnye khramy v Kitae* [Russian Orthodox Churches in China]. Moscow: Heritage Institute Publ., 2022 (in Russian).
- Panarina, D.S., eds. *Vostochnye vetvi rossiiskoi diaspory v proshlom i nastoyashchem* [Eastern branches of the Russian Diaspora in the past and present] Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences Publ., 2019 (in Russian).
- Petyakshina, E.A. “Russians in Xinjiang (from the history of the Orthodox Church in East Turkestan of the second half of the XIX – XX century).” *Tomskii zhurnal LING i ANTR. Tomsk Journal LING & ANTHRO*, no. 3 (2015): 128–135 (in Russian).
- Romanenko, T.V. “Orthodoxy in the context of Interaction between Russian and Chinese Cultures.” *Uchenye zapiski ZabGU. Ser. Filosofiya. Kul'turologiya. Sotsiologiya. Sotsial'naya rabota* 11, no. 3 (2016): 87–93 (in Russian).
- Rotar', I. “Neobychnyi Kitai. Putevye zametki iz Sin'tsyzan-Uigurskogo avtonomnogo raiona.” *Fergana. Novosti Tsentral'noi Azii*, April 7, 2011, <https://www.fergananews.com/article.php?id=6936> (in Russian).
- Sadokhin, A.P. *Vvedenie v teoriyu mezhkul'turnoi kommunikatsii* [Introduction to the theory of intercultural communication]. Moscow: High School Publ., 2005 (in Russian).
- Starkova, N.V. “‘Olosy’ ili russkie v Kitae.” *Russkii mir*. Accessed August 25, 2022. <https://rusmir.media/2009/03/01/olosy> (in Russian).
- Treskin, N.S. “O Zhizni i o sebe [About life and about yourself].” In Bakich, O. ed. *Rossiyanе v Azii. Literaturno-istoricheskii ezhegodnik* [Russians in Asia. Literary and historical yearbook]. Vol. 5, 127–144. Toronto: Torontskii universitet Publ., 1998 (in Russian).
- Yui, Shanpin. *Mnogolikii Sin'tsyzan* [The many faces of Xinjiang.]. Pekin: Intercontinental Publishing House of China Publ., 2015 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Елена Николаевна Наземцева, д-р истор. наук, ведущий научный сотрудник отдела Китая, Институт востоковедения, Российская академия наук; 107031, Россия, Москва, ул. Рождественка, 12; ведущий научный сотрудник Центра изучения политических трансформаций, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова; 670000 Россия, Улан-Удэ, ул. Смолина, 24; elenanazz@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-9232-0436>

Elena N. Nazemtseva, Dr. Habil. Hist., Leading Researcher of the China Department, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences; 12, Rozhdestvenka Str., Moscow, 107031, Russia; Leading Researcher at the Center for the Study of Political Transformations, Banzarov Buryat State University; 24, Smolina Str., Ulan-Ude, 670000 Russia; elenanazz@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-9232-0436>

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-1-85-96>

Научная статья / Research article

Торгово-экономические и политические отношения Советской России с китайской провинцией Синьцзян в 1921–1922 гг.

Тамара Шеметова

Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия

✉ taaaat1965@mail.ru

Аннотация: Проанализированы особенности и результаты торгово-экономических и политических отношений китайской провинции Синьцзян с Советской Россией в 1921–1922 гг. Основными источниками для подготовки исследования стали историко-архивные материалы о торгово-экономических отношениях Синьцзяна с Россией и Советским Союзом в период в том числе на китайском языке, из таких архивов, как Российский государственный архив экономики, Российский государственный военный архив, Архив внешней политики РФ. Анализ показал, что советско-синьцзянские торгово-экономические и политические отношения в рассматриваемый период складывались не столь однозначно, как принято считать, о чем свидетельствуют статистические данные об объемах торговли за 1921 и 1922 гг., которые, несмотря на предпринимаемые Москвой меры, не увеличивались. Отмечено существенное изменение номенклатуры и перечня поставляемых сторонами товаров. Сделан вывод о том, что в период 1921–1922 гг. окончательного восстановления и развития всесторонних связей между Советским Союзом и китайской провинцией Синьцзян не произошло, при этом инициатором сближения позиций выступало советское руководство.

Ключевые слова: гражданская война, внешняя торговля, экономическая история, Западный Китай, Восточный Туркестан

Для цитирования: Шеметова Т.А. Торгово-экономические и политические отношения Советской России с китайской провинцией Синьцзян в 1921–1922 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2023. Т. 22. № 1. С. 85–96. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-1-85-96>

Trade, Economic and Political Relations between Soviet Russia and the Chinese Province of Xinjiang in 1921–1922

Tamara Shemetova

Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia

✉ taaaat1965@mail.ru

Abstract: The author analyzes the features and results of trade, economic and political relations of the Chinese province of Xinjiang with Soviet Russia and the USSR in 1921–1922. The main sources for the preparation of the article were historical and archival materials on the trade and economic relations of Xinjiang with Russia and the Soviet Union (1896–1949) in Chinese, as well as documents from a number of Moscow archives (the Russian State Archive of Economics, the Russian State Military Archive, the Archive of Foreign Policy of the Russian Federation). The analysis showed that during the period under review the Soviet-Xinjiang trade, economic and political relations were rather ambigu-

© Шеметова Т.А., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

ous. This is evidenced by statistical data on the volume of trade for 1921 and 1922, which, despite the measures taken by Moscow, did not increase. In addition, it should be emphasized that the range and list of goods supplied by the parties changed significantly. The author comes to the conclusion that in 1921–1922 there did not take place the final restoration and development of all-round ties between the Soviet Union and the Chinese province of Xinjiang. It was the Soviet leadership that was the initiator of the bilateral rapprochement.

Keywords: civil war, foreign trade, economic history, Western China, Eastern Turkestan

For citation: Shemetova, Tamara. “Trade, Economic and Political Relations between Soviet Russia and the Chinese Province of Xinjiang in 1921–1922.” *RUDN Journal of Russian History* 22, no. 1 (February 2023): 85–96 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-1-85-96>

Введение

Провинция Синьцзян, которая в нашей экономической географии именуется Западным Китаем, или Восточным Туркестаном, являлась одним из наиболее отдаленных и слабо связанных с центральным Китаем регионом.

При достаточном изобилии продуктов сельского хозяйства и даже избытке таковых местное население нуждалось в рынках сбыта своего сырья, а также в импорте изделий промышленности, совершенно отсутствовавших в провинции. Этническое родство проживавших здесь народов с населением среднеазиатского региона России, географическое положение, транспорт и экономические условия определяли стремление Западного Китая к сотрудничеству со своим соседом.

Кроме того, провинция имела с Российским государством протяженную пограничную полосу, что само по себе уже предопределяло взаимное экономическое тяготение сторон. Дореволюционный период Россия монопольно господствовала на синьцзянском рынке.

Революция и Гражданская война в России разрушили ее традиционные торгово-экономические взаимоотношения с китайской провинцией Синьцзян, когда провинция экспортировала сырье (хлопок, шерсть, шкуры, баранов, крупнорогатый скот, лошадей и т. д.), взамен импортировала готовые товары промышленного производства (ткани, изделия из железа, посуду и др.), а российская валюта была основной при расчетах между торговцами. После известных событий в России изменилась номенклатура вывозимых и ввозимых товаров. Советская Россия стала больше экспортировать из провинции продовольствие, товары первой необходимости и готовую продукцию. На смену отлаженной системе торговых связей пришли эпизодические закупки товаров за золото, серебро, драгоценности и др. В политической сфере власти Синьцзяна попытались взять реванш за прежние годы сотрудничества, когда российская сторона выступала исключительно как доминант во всех сферах двухсторонних связей. С началом Гражданской войны в России губернатор провинции занял выжидательную позицию, провозгласив по отношению к противоборствующим там силам политику «нейтралитета» (лабиринт между Советами и их оппонентами), которая продолжалась в период с 1918 по 1920 год. В период 1921–1922 гг. шел сложный процесс восстановления советско-синьцзянских торгово-экономических и политических отношений с учетом новых реалий, в которых синьцзянская сторона не хотела возобновления взаимоотношений в прежнем дореволюционном формате.

Некоторые исследователи (И.И. Палюкайтис, О. Букштейн, А. Афанасьев-Казанский, М.И. Сладковский, М.А. Вихляев, Б.П. Гуревич, В.А. Моисеев, Ю.М. Галенович, Ди Чжие, В.И. Петров¹ и др.) считают, что начало официальной

¹ Палюкайтис И.И. Торговля СССР с Западным Китаем // Торговля СССР с Востоком. Сборник статей и материалов. М. – Л., 1927. С. 148–157; Букштейн О. Торговля СССР с Синьцзянской провинцией // Новый Восток. 1928. № 20–21. С. 201–217; Афанасьев-Казанский А. Экономическое положение

советско-синьцзянской торговле положил заключенный в мае 1920 г. так называемый Илийский протокол, а с 1921–1922 гг. между Советской Россией и Синьцзянской провинцией появилось устойчивое и взаимное стремление к сотрудничеству в разных сферах. Однако эта точка зрения вызывает сомнение, по крайней мере, по двум причинам. Во-первых, этот протокол урегулировал, да и то частично, отношения советского Туркестана только с одним Илийским округом провинции. Во-вторых, согласно имеющимся источникам, требует корректировки утверждение о «желании формализовать отношения»², особенно со стороны властей Западного Китая. В связи с этой целью настоящего исследования является определение причин и особенностей развития советско-синьцзянских торгово-экономических и политических отношений в рассматриваемый период. Для этого необходимо проанализировать цели и задачи Советской России и Синьцзяна в реализации данного процесса, охарактеризовать социально-экономическую ситуацию в союзном государстве, выявить причины изменения позиции властей провинции в выстраивании взаимоотношений с советским государством.

Советско-синьцзянские торгово-экономические и политические отношения в 1921 г.

Интерес России определялся прежде всего желанием обеспечить свои политические и экономические интересы в Синьцзяне. В данный период завершилась основная фаза Гражданской войны, и советское правительство должно было обратить внимание на восстановление экономики, прежде всего промышленного производства, а в Советском Туркестане без налаживания торгово-экономических отношений с Западным Китаем это было сделать крайне проблематично. В дореволюционный период Россия выступала по отношению к Синьцзяну как страна индустриальная, а последний довольствовался ролью поставщика сырья, причем сложившаяся ситуация устраивала обе стороны. С начала революционных событий и последовавшей Гражданской войны, как уже отмечалось, ситуация кардинальным образом изменилась. Россия потеряла свое былое влияние в Синьцзянской провинции, она была потеснена с ее рынков конкурентами в лице Великобритании, Японии и других крупнейших государств. Советская Россия с 1921 г. пыталась вернуть утраченные позиции, однако значительных успехов во взаимоотношениях с китайской провинцией Синьцзян, за исключением нескольких позитивных моментов в политической сфере, не достигла. К этому времени, например, власти Поднебесной запретили работу консульств императорской России, а в Урумчинском округе начал работу Уполномоченный Наркомата иностранных дел. Вместе с тем неоднозначно складывалась ситуация в торгово-экономической области. Российские власти пытались активизировать торговлю с Синьцзяном с помощью различных форм и методов. Так, в Илийском округе с начала 1921 г. было учреждено Среднеазиатское представительство Внешторга (агентство Сибвнешторга в Чугучаке было открыто еще

Западного Китая // *Новый Восток*. 1923. № 3. С. 114–121; *Сладковский М.И.* История торгово-экономических отношений СССР с Китаем (1917–1974 гг.). М., 1977; *Вихляев М.А.* Внешняя торговля СССР с китайской провинцией Синьцзян 1917–1934 гг.: автореф. дис. ... канд. эконом. наук. Л., 1956; *Гуревич Б.П.* Взаимоотношение советских республик с провинцией Синьцзян в 1918–1922 годах // *Советское Китаеведение*. 1958. № 2. С. 96–105; *Моисеев В.И.* Россия и Китай в Центральной Азии: вторая половина XIX в. Барнаул, 2003; *Галенович Ю.М.* «Белые пятна» и «болевы точки» в истории советско-китайских отношениях: в 2 т. Т. 1. М., 1992; *Ди Чжэнь*. Становление и развитие политических и торгово-экономических отношений советского государства с Китайской Республикой в 1917–1925 гг.: автореферат дис. ... канд. истор. наук. М., 1992; *Петров В.И.* Мятёжное «сердце» Азии: Синьцзян: краткая история народного движения и воспоминания. М., 2003.

² *Бармин В.А.* Советский Союз и Синьцзян, 1918–1941 гг.: Региональный фактор во внешней политике Советского Союза. Барнаул, 1998. С. 57.

в 1920 г.) В указанных округах стали функционировать три отделения Госторга: Среднеазиатское, Кирготорг, Сибгосторг. Кашгарский и Урумчинский округа оставались закрытыми для работы советских торговых организаций. Только с 1921 г. китайские власти разрешили работать в Урумчи Уполномоченному НКВД. На состоявшемся 1 декабря 1922 г. совещании Организационно-инспекторского отдела Народного комиссариата внутренней и внешней торговли (НКВТ) под председательством И.В. Юрьев был рассмотрен вопрос «замены политического Представительства РСФСР в Урумчи в Западном Китае Торгпредством»³. Однако, взаимопонимания с властями провинции советские организации не нашли.

В депеше Уполномоченного НКВД в Кульдже О.Г. Баршака на имя председателя Турккомиссии Г.Я. Сокольников от 19 января 1921 г. сообщалось о его протесте, Илийскому даоину принесенному⁴.

В шифровке № 96224/16 того же года за подписью О.Г. Баршака в Ташкент на имя Уполномоченного НКВД Д.Ю. Гопнера была направлена жалоба на местные китайские власти. В частности, отмечалось, что

даоинь не счел даже нужным извиниться за вскрытие почты и думает выкинуть еще более оскорблений престижу советского представительства, потому что на все оскорбления, кроме письменных протестов, никакого реагирования (со стороны советских властей. – *Т.Ш.*) <...> Надо принять во внимание азиатскую психологию китайских властей (боятся силы. – *Т.Ш.*)⁵.

Лишь после неудачного мятежа Б.В. Анненкова в 1921 г. и совместной операции с Красной Армией по ликвидации армий А.С. Бакича и С.Г. Новикова в мае – июне того же года (так называемая «Чугучакская операция», проходившая в мае – июне 1921 г.) синьцзянские власти несколько изменили свое отношение к официальным представителям Советской России. Как пишут китайские историки:

После объединения отрядов С.Г. Новикова и А.С. Бакича их численность достигла более десяти тысяч солдат, ситуация в Тачэне (Чугучак. – *Т.Ш.*) резко изменилась. Эта группа белогвардейцев не только по численности намного превосходила гарнизон в Тачэне (три тысячи и несколько сот человек), но и по боеспособности также была намного сильнее тачэнского гарнизона.

Поэтому в сложившейся ситуации губернатор провинции Ян Цзэнсинь

решил объединиться с советской Красной Армией, чтобы совместными силами уничтожить оставшихся белогвардейских бандитов, и направил представителей к советскому правительству⁶.

По достигнутому соглашению 24 мая Красная армия, разделившись на три группы, пересекла границу, чтобы уничтожить белогвардейцев⁷. Уже в ходе совместной операции против отрядов белогвардейцев Уполномоченный отдела внешних сношений в Кульдже О.Г. Баршак писал Уполнаркоминдел в Туркестане:

с большим трудом добился у Даоиня приказа, запрещающего кому бы то ни было наносить различные оскорбления проходящим по улицам сотрудникам и красноармейцам представительства⁸.

³ Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 413. Оп. 3. Д. 1956. Л. 118; Там же. Оп. 10. Д. 282. Л. 117; Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ). Ф. 0/100. Оп. 4. П. 102. Д. 2. Л. 37.

⁴ Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 110. Оп. 7. Д. 13. Л. 7 (документ публикуется впервые).

⁵ РГВА. Ф. 110. Оп. 7. Д. 13. Л. 8 (документ публикуется впервые).

⁶ Бармин В.А. Советский Союз и Синьцзян... С. 57.

⁷ История Синьцзяна. Барнаул, 2012. С. 148.

⁸ АВП РФ. Ф. 0/100. Оп. 3. П. 101. Д. 1. Л. 2.

31 мая 1921 г. в столице округа – г. Кульджа было вывешено объявление на русском, китайском и узбекском языках о восстановлении добрососедских отношений с Россией и о том, что

представительства РСФСР будут пользоваться впредь покровительством и защитой местных властей, а виновные в оскорблении сотрудников представительства будут отвечать по строгости закона⁹.

Кроме того, 15 декабря 1921 г. было получено формальное приглашение в Кульджу для проведения переговоров Уполномоченного НКВД в Урумчи Казанского¹⁰. Если в политическом плане обозначались положительные подвижки к взаимопониманию между администрацией Синьцзяна и советским государством, то в торгово-экономических отношениях по-прежнему наблюдалось определенное «затишье».

Можно отметить лишь единичные позитивные моменты, имевшие место в рассматриваемый период. Так, например, в своем заявлении в отдел Востока при Наркомвнешторге китайский подданный Ашим Ахун Измайлов писал:

Китайские власти примирились с присутствием» в Чугучаке Агентства Внешторга, после «ухода отряда Бакича», который до «известных событий не признавался ими¹¹.

Однако нарастить объемы российско-синьцзянского товарооборота не удалось. Все дело в том, что, довольно активно продолжала развиваться торговля Западного Китая с Востоком, на рынках которого к 1921 г., как следует из доклада референта НКВД в Илийском округе Е.К. Тегера, наблюдалось затоваривание рынка импортными товарами, особенно мануфактурными¹². В июне 1922 г. в заметке «Нортс Чайна-Дейли-Ньюс» отмечалось, что

в 1921 году в значительном числе отраслей импортной торговли наличные запасы товаров на складах Шанхая и Тяньцзина и других важных центров были исключительно велики и торговля шла плохо¹³.

Поэтому недостаток товаров, прежде всего мануфактуры и готовых изделий в Синьцзяне компенсировался поставками из внутреннего Китая. При этом нехватка именно промышленных товаров особенно сильно ощущалась на рынках Синьцзяна. Советское государство так и не смогло исправить ситуацию с наращиванием их поставок в провинцию, связанную с общим упадком фабричного производства в стране. По данным, опубликованным в отчете уполномоченного НКВД в среднеазиатское отделение Госторга Б.В. Лаврова:

выработка бумажной пряжи в 1920 и 1921 годах составляла лишь 6 % довоенного производства. В 1921–1922 годах эта выработка поднялась до 17 %. Выработка ниток с 10 %–12 % в 1920 и 1921 годах поднялась до 23 % и т.д.¹⁴

Поэтому советские власти очень беспокоились по поводу сложившейся ситуации. Заявляя о «невыгодности» торговли Синьцзянской провинции с Востоком, они периодически «мониторили» состояние инфраструктуры между ними. Наличие хороших дорог, связывающих Западный Китай с Центром, способствовали бы расширению объемов товарооборота и уменьшению прежней экономической зависимости от России. В разведы-

⁹ АВП РФ. Ф. 0/100в. Оп. 4. П. 102. Д. 5. Л. 14.

¹⁰ Там же. Л. 1; РГАЭ. Ф. 413. Оп. 10. Д. 286. Л. 145.

¹¹ РГАЭ. Ф. 413. Оп. 3. Д. 1959. Л. 98.

¹² Там же. Д. 1956. Л. 138.

¹³ Там же. Оп. 10. Д. 282. Л. 139.

¹⁴ Там же. Д. 504. Л. 3.

вательных сводках за 1920–1922 гг. встречается большое количество отчетов, посвященных указанной проблематике. В целом агенты с «удовлетворением» констатировали, что

ни о каких железных дорогах в Синьцзянской провинции нет и речи. От собственного Китая провинция отделена пространством в тысячу верст с караванными дорогами <...> внутри провинции дороги исключительно проселочные или выючные¹⁵.

Резюмируя эти данные, Б.В. Лавров писал в свой наркомат:

Западный Китай пока недоступен для вывоза громоздких грузов в направлении Шанхая. Единственный путь <...> ведет в СССР. И это положение будет оставаться до тех пор, пока в <...> Западном Китае нет железнодорожных магистралей [к Пекину]¹⁶.

Однако предпринять какие-либо действия для переориентации властей провинции на расширение торговли с Советской Россией при существующей экономической ситуации в государстве они не могли.

Отсутствие товаров для обмена вынуждали российские власти продолжать осуществлять закупочные операции в Синьцзяне за золото, серебро или валютные товары. Вместе с тем подобные сделки, по мнению Е.К. Тегера,

создавали пагубную конъюнктуру для восстановления нормальных торговых отношений с Западным Китаем. Своим серебром и нулевым экспортом мы способствуем китайцам, отчаявшимся в русском рынке, направлять их коммерческую энергию в противоположную нам (т. е. Советской России. – *Т.Ш.*) сторону – на Восток, к рынкам внутреннего Китая¹⁷.

Признавая изменения во взаимоотношениях с Синьцзяном, представители Советской России в то же время по-прежнему делали вывод, что «в торговом отношении Синьцзянская провинция находится в полной зависимости от Русских смежных рынков», используя в качестве логического обоснования дореволюционные сведения о российско-синьцзянской торговле, когда, действительно, большинство товаров из провинции сбывалось на рынках Туркестана¹⁸. В результате было сделано заключение без учета изменившейся ситуации в российско-синьцзянских торгово-экономических и политических отношениях. В нем говорилось о дальнейшем углублении социально-экономического кризиса в Западном Китае после прекращения торговых отношений с Россией, о том, что кустарное производство всех изделий прекратилось за отсутствием рынков сбыта, а также сократилась площадь посева хлопка. Сообщалось о гибели почти 50 % скота в китайских пределах в 1921 г., «вследствие джута»¹⁹. Кроме того, отмечалось увеличение безработицы из-за совершенно закрытого доступа в Туркестан многим тысячам рабочих. В основном это коснулось Кашгарского округа, традиционно поставлявшего в Россию сезонных рабочих²⁰.

Безусловно, эти события имели место в жизни провинции, но при этом не была всесторонне проанализирована экономическая ситуация в самой стране. Поэтому советскими аналитиками был сделан ошибочный вывод, который не позволил правильно выстроить стратегию ведения переговоров с администрацией провинции в начале 20-х гг., XX в. В частности, они утверждали, что возвращение к торговой

¹⁵ РГВА. Ф. 110. Оп. 7. Д. 31. Л. 119.

¹⁶ РГАЭ. Ф. 413. Оп. 10. Д. 504. Л. 2.

¹⁷ Там же. Д. 282. Л. 138.

¹⁸ РГВА. Ф. 110. Оп. 3. Д. 1091. Л. 3.

¹⁹ Джут – массовый падеж скота, вызванный обледенением пастбищ или обильным снегопадом, затрудняющим выпас скота (лошадей, овец).

²⁰ РГВА. Ф. 110. Оп. 3. Д. 1091. Л. 3; РГАЭ. Ф. 635. Оп. 3. Д. 14. Л. 308; Там же. Д. 3. Л. 78–79.

ориентации на Россию неизбежно и оно обусловлено географическими, историческими и экономическими причинами, а

представители прогрессивных групп Китая не только сознают важность тесного сотрудничества двух великих республик, но и стремятся к скорейшему установлению политических и экономических связей между ними²¹.

В качестве примера приводился один из проектов Сунь Ятсена о постройке железнодорожной сети, связывающей Великий Порт (должен быть построен в Печилийском заливе. – *Т.Ш.*) с Транссибирской железнодорожной сетью²². Однако подчеркивали, что данный план – «дело далекого будущего», а соотношение реальных сил текущей действительности ставит перед Советской Россией вопрос о борьбе если не за гегемонию, то за экономическое влияние на рынках Западного Китая²³. В то же время представители российских властей иногда честно признавали, что отсутствие торговых сношений с Западным Китаем отражалось «нежелательным образом» и на советском экономическом быте, и на хлопководстве Ферганы, население которой, лишившись привычного притока скота из Синьцзяна, вынуждено было превращать хлопковые плантации в пастбища. Выражалось опасение, что хозяйственная трансформация Ферганы не замедлит сказаться на текстильной промышленности центрального района Республики²⁴. Это проблема была крайне актуальной на фоне планов властей возродить промышленное производство в приграничных с Синьцзяном районах. В связи с этим возникала острая необходимость в увеличении поставок сырья из провинции. Статья в газете «Советская Сибирь» от 1 августа 1921 г. была посвящена устройству большой текстильной фабрики в 60 тыс. веретен. В ней указывалось на организацию также первой показательной прядильно-ткацкой фабрики в 10 тыс. веретен с перспективой «переброски части мануфактуры в пределы Китая» (имеется в виду Синьцзян. – *Т.Ш.*) с целью заготовки «местных продуктов и скота»²⁵.

Годом наибольшего падения производства хлопка стал 1922 г., когда площадь посева данной культуры составила около 51 428 десятин (для сравнения в 1917 г. – 33 9401 десятин, 1918 г. – 80 000)²⁶. Поэтому восстановление торговых сношений с Синьцзянской провинцией для Советской России было требованием того времени, но существовавшая конъюнктура момента была «неблагоприятна»²⁷. Подчеркивалось, что при расширении деятельности органов НКВТ в Северном Синьцзяне необходимо изменить «...в корне... метод их операций заменой звонкой валюты мануфактурой, железом и сайговыми рогами (пантами)»²⁸, то есть вернуться к традиционным формам и методам торговли, существовавшим в дореволюционный период. Аналогичную позицию высказывал в своей статье уполномоченный НКВТ и отделения Госторга в Средней Азии Б.В. Лавров. Он писал:

²¹ РГАЭ. Ф. 413. Оп. 10. Д. 282. Л. 141; АВП РФ. Ф. 0/100 в. Оп. 4. П. 102. Д. 2. Л. 28, 29; РГАЭ. Ф. 5240. Оп. 19. Д. 1761 (документ публикуется впервые).

²² РГАЭ. Ф. 413. Оп. 10. Д. 282. Л. 142.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ Показательная фабрика // Советская Сибирь. 1921. 11 августа. №169; Торговля с Китаем // Советская Сибирь. 1921. 11 августа. № 169.

²⁶ Колобов М. Всесоюзная выставка и торговля с восточными странами // Торговля России с Востоком. М., 1923. Июнь. № 3–4. С. 15.

²⁷ РГАЭ. Ф. 413. Оп. 10. Д. 282. Л. 142.

²⁸ Там же. Л. 143.

Упадок внешней торговли с сопредельными странами, с Туркестаном, Азиатскими странами, имея тенденцию к развитию, все же отстает от роста нашей промышленности. Следовательно потеря Азиатских рынков в недалеком будущем болезненно отразится на ней <...> наш баланс по азиатским границам будет носить все более пассивный характер. Ввозимое к нам сырье придется оплачивать металлической валютой²⁹.

Б.В. Лавров считал, что в этом случае, например, Синьцзян будет приобретать нужные ему товары с китайского рынка, то есть на территории внутреннего Китая, что и наблюдалось с 1918 г., когда произошло значительное увеличение товарооборота Синьцзяна с Пекином³⁰. Сложившаяся ситуация неизбежно привела бы к уменьшению зависимости Синьцзяна от торгово-экономических связей с Россией. Подобного сценария развития событий советские власти допустить не могли. С другой стороны, продолжавшаяся международная изоляция и голод 1921 г. в стране вызвали необходимость увеличения импорта жизненных припасов и товаров первой необходимости, поэтому российская сторона стала еще более уступчивой в выстраивании политического диалога с администрацией Западного Китая.

Шаги по нормализации отношений, предпринятые Россией, были оценены в Синьцзяне, а сложная социально-экономическая ситуация в провинции, несмотря на достаточно успешную торговлю с Востоком и желание пополнить казну, подтолкнули синьцзянскую провинцию к расширению торговых сделок с российским государством. Необходимо еще раз подчеркнуть, что синьцзянское сырье и скот продавались в рассматриваемый период только за золото, серебро, валютные товары и т.п. В своем докладе в Урумчинское Отделение Русско-Азиатского банка за ноябрь 1921 г. российский скотопромышленник Нигматулин «с восторгом» писал:

В этом году «Внешторг» в Чугучаке купил у местных купцов 170 тысяч баранов и несколько тысяч быков на чистое серебро / Лондонские слитки серебра в 2,5 пуда, и мелкая разная монета / и купцы получили громадные барыши³¹.

Сделки такого рода оказались для китайцев исключительно выгодными, однако не привели к значительному росту объемов экспортно-импортных операций между сторонами.

Легальный товарообмен с Синьцзяном в 1921 г. составил 39 023 пуд. на общую сумму 210 тыс. руб. по ценам 1918 г. (для сравнения, в 1913 г. российские купцы вывезли из Синьцзяна около 322 208 пудов товаров)³². Представленные цифры не являются окончательными (так как часть таможен не работала), но показательны в плане динамики развития российско-синьцзянских торгово-экономических отношений.

Особенности торговли и политических взаимоотношений Советской России с Синьцзяном в 1922 г.

В 1922 г. ситуация значительно не изменилась. Советская сторона отмечала определенное «оживление торговли» с Синьцзяном, это иллюстрировалось данными по увеличению голов скота из России, а из «Кашгара маты»³³. Кроме того, по статистическим данным Сибдальнешторга, значительный приток серебра и со-

²⁹ РГАЭ. Ф. 413. Оп. 10. Д. 504. Л. 4.

³⁰ Там же.

³¹ Там же. Д. 282. Л. 137–138.

³² Там же. Д. 504. Л. 3; Статистический ежегодник. Центр. стат. Управл. Туркеспублика 1917–1926 гг. Ташкент, 1924. Т. 1. С. 312–316; *Шморгонер Д.И.* Средний Восток: Персия, Афганистан, Западный Китай. М., 1925. С. 98; *Логанов Г.* О развитии наших торговых отношений с Кульджей // Торговля России с Востоком. 1924. № 18. С. 28.

³³ РГВА. Ф. 110. Оп. 7. Д. 44. Л. 89. Мата – хлопчатобумажная ткань кустарного производства в Средней Азии.

лидную прибыль должны были получить торговцы провинции в 1922 г. за счет расширения номенклатуры и количества товаров, закупаемых российскими торговыми организациями в Синьцзяне³⁴.

Один только Чугучак через Семипалатинское отделение должен был поставить различных товаров за звонкую монету или валютные товары. Конкретные данные приведены в таблице.

**Импорт из Тарбагатайского округа в Советскую Россию в 1922 г. /
Import from Tarbagatai okrug to Soviet Russia in 1922**

Вид товара / Type of product	Количество / Amount
Крупный рогатый скот / Cattle	10 000 шт. / 10,000 pcs.
Бараны / Rams	125 000 шт. / 125,000 pcs.
Мерлушки / Merlushki	40 000 шт. / 40 000 pcs.
Стрижки / Haircuts	24 000 пуд. / 25,000 pounds
Джебаги, шерсть весенняя / Jebags, Jebags / spring wool	100 000 пуд. / 100,000 poods
Верблюжки / Camels	5 000 пуд. / 5 000 pounds

Источник: Бюллетень Сибдальвнешторга. 1922. № 1. С. 1.
Source: Byulleten' Sibdal'vneshtorga, no. 1 (1922): 1.

Советское государство также стало закупать и вывозить из Синьцзянской провинции изделия, которые в довоенное время в основном служили предметом российского экспорта. Например, в первой половине 1922 г. было импортировано 467 пудов металлов и изделий из них, в то же время традиционный товар – хлопок в течение 1921–1922 гг. не ввозился. Приведенные данные свидетельствуют о том, что увеличение товарооборота происходит за счет ввоза из Синьцзяна, за который платили в валюте и валютных товарах. Изменилась и номенклатура импорта, которая привела к усилению конкуренции с местными товарами. Поэтому российские власти пытались изменить сложившуюся ситуацию и вернуть на свои рынки «привычные» хлопок из Западного Китая, так необходимые для восстанавливавшегося промышленного производства. Следствием этого стало появление проектов, призванных не только расширить советско-синьцзянскую торговлю, но и устранить просчеты в этой сфере.

В 1922 г. был опубликован список китайских товаров, для которых союзное государство могло допустить льготы в области таможенного обложения, при вывозе их в СССР³⁵. В частности, предлагалось установить льготные таможенные тарифы для привозных товаров из Синьцзяна:

Чай всякий, кроме кирпичного со 100 кг. – 110 руб., кирпичный всякий со 100 кг. – 30 руб., <...> шкуры без волоса со 100 кг. – 2 руб. 50 коп., хлопок, хлопкобумажные концы, хотя бы расщепленные, то со 100 кг – 6 руб., шерсть и пута грязная и мытая со 100 кг. – 1 руб. 80 коп.³⁶

Также предполагался бесплатный провоз таких товаров как:

шкуры и кожи невыделанные, сухосоленые, сухие, с волосом, хлопок сырец (неочищенный и очищенный), хлопкобумажные концы³⁷.

Проанализировав перечень товаров, разрешенных к ввозу в Россию беспошлинно, можно заметить, что льготный тариф предполагалось установить только

³⁴ Бюллетень Сибдальвнешторга. 1922. № 1. С. 1.

³⁵ РГАЭ. Ф. 413. Оп. 3. Д. 1434. Л. 1.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же. Л. 3, 4.

на необработанное сырье, которое было необходимо для советского промышленного производства и стоило значительно дешевле. Полуфабрикаты и готовая продукция, которые могли составить конкуренцию местным товарам, уже облагались пошлиной. Позиция советских властей была вполне понятна. С одной стороны, обеспечить собственное производство сырьем, а с другой – этот проект позиционировался как уступка китайской стороне, так как основной претензией в нежелании установить с СССР более тесные торговые отношения администрацией провинции указывались именно высокие пошлины³⁸. О значительном сокращении импорта из провинции в 1922 г. из-за высокого тарифа сообщал и представитель НКВД в Кульдже. Надо полагать, что уменьшение поставок из Восточного Туркестана было настолько заметным, что вынудил советское руководство пойти на возможный пересмотр таможенного тарифа.

Снижение ввоза из Синьцзяна было обусловлено и изменением политики властей провинции в отношении России. Губернатор Синьцзянской провинции Ян Цзэнсинь писал по этому поводу:

Раньше российское правительство формально не было создано (имеется в виду советское. – *Т.Ш.*), мы /администрация провинции/ открывали некоторые места, где торговали без налога³⁹.

Ян Цзэнсинь указал, что был утвержден перечень товаров, которые можно было экспортировать и импортировать без налогообложения. В рассматриваемый период ситуация изменилась⁴⁰.

Далее, анализируя отношения с Советской Россией с момента подписания Илийского протокола, губернатор Синьцзянской провинции, писал:

Мы (власти провинции. – *Т.Ш.*) открыли район Или (Илийский округ) в качестве торгового места. Это помогло двум сторонам (Советской России и китайской провинции Синьцзян. – *Т.Ш.*) наладить торговые отношения <...> сохранить мир⁴¹.

Однако в период с 1920–1922 гг. обозначились несколько проблем, которые, по мнению губернатора провинции, «ущемляли» интересы китайской стороны. Во-первых, в отношении купцов из Синьцзяна на территории России «повсеместно были строгие проверки» на предмет «недоплаченных налогов, контрабандных товаров»⁴². Во-вторых, монополия «российской торговой администрации» в плане покупки и продажи, а также экспорта и импорта товаров, создавала преимущество в торговле с синьцзянскими купцами путем установления дополнительного налогообложения «кроме границы», а также «еще разные расходы на документы»⁴³. В-третьих, подчеркивал Ян Цзэнсинь, «из-за плавающего» курса «русских денежных бумаг» купцам из Синьцзяна приходилось немедленно продавать свои товары, что оказывало влияние на их цену, или «менять свои товары на другие, если на обратной дороге все по плану – это хорошо, но часто обменные товары воруют и забирают»⁴⁴. Поэтому в конце марта 1922 г. губернатор провинции в одностороннем

³⁸ Более подробно см.: РГВА. Ф. 110. Оп. 7. Д. 45. Л. 66; Историко-архивные материалы о торгово-экономических отношениях Синьцзяна с Россией и Советским Союзом (1896–1949 гг.). Урумчи, 1994. С. 163 (на кит. яз.); Шеметова Т.А. О формах и методах советского руководства в поисках нормализации торгово-экономических и политических отношений с Синьцзяном в 1921–1923 гг. // Проблемы Дальнего Востока. 2020. № 2. С. 166.

³⁹ Историко-архивные материалы... С. 149.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же. С. 162.

⁴² Там же.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же.

порядке отходит от прежних договоренностей с советским государством. Согласно его распоряжению отделу иностранных дел предписывалось с первого апреля 1922 г. брать 5 % от общей суммы дохода в качестве налога с торговцев из Советской России. При этом подчеркивалось, что рассчитаться за товары можно только наличными деньгами, т. е. серебром⁴⁵. Кроме того, провозглашалась свободная конкуренция между торговцами из разных государств в Синьцзяне. Подчеркивалось, что если английские купцы будут торговать в провинции, то для них будут установлены равные условия для конкуренции с русскими купцами⁴⁶.

В результате советско-синьцзянские торгово-экономические отношения в рассматриваемый период оставались на крайне низком уровне как по объему, составлявшему в 1922 г. 82 251 пудов, так и по стоимости экспортно-импортных операций – 637 тыс. руб.⁴⁷

Кроме того, сложившаяся экономическая ситуация, в сравнении с довоенным временем, была истолкована китайцами как возрождение национальной торговли. Представитель в Средней Азии Б.В. Лавров писал заместителю НКВТ А.М. Лежаве по этому поводу:

Сбывая непрерывно свое сырье и скот в РСФСР в обмен на серебро, китайская провинция не нуждается ни в каком договоре⁴⁸.

Поэтому перевести политические отношения в правовую плоскость в рассматриваемый период также не удалось.

Выводы

Таким образом, в период 1921–1922 гг. окончательного восстановления и развития всесторонних связей между Советской Россией и китайской провинцией Синьцзян не произошло. Несмотря на внутриэкономические проблемы, новые реалии, сложившиеся в торговле и политическом плане, вполне устраивали администрацию провинции. Об этом свидетельствуют объемы товарооборота и отсутствие желания Синьцзяна идти на какие-либо договоренности с Москвой. Инициатором сближения позиций выступало советское руководство для решения собственных проблем (прежде всего они хотели вернуть Синьцзян в качестве поставщика сырья и скота, а также установить там свою политическую и торговую монополию, как это бы в дореволюционный период). Однако, несмотря на определенные уступки, формализовать и переломить негативные моменты в торгово-экономических и политических отношениях с Синьцзянской провинцией советской стороне не удалось. Восточный Туркестан за годы революции и Гражданской войны в России смог наладить торговлю с Востоком, компенсировать недостаток промышленных товаров и ослабить политическое влияние Советской России. Поэтому перспективы советско-синьцзянского сближения в разных сферах просматриваются только после заключения советско-китайского договора 1924 г.

Поступила в редакцию / Submitted: 30.08.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 11.01.2023

Принята к публикации / Accepted for publication: 16.01.2023

⁴⁵ Историко-архивные материалы... С. 149.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ РГАЭ. Оп. 10. Д. 504. Л. 2 об; Шморгонер Д.И. Средний Восток... С. 98.

⁴⁸ РГАЭ. Ф. 413. Оп. 10. Д. 286. Л. 45 об.

References

- Afanasiev-Kazan, A. “Ekonomicheskoe polozhenie Zapadnogo Kitaia [Economic situation of Western China].” *Novyi Vostok*, no. 3 (1923): 114–121 (in Russian).
- Anisimova, I.V., Barmin, V.A., Lysenko, J.A., and Startsev, A.V. *Istoriia Sin'tsziana* [History of Xinjiang]. Barnaul: ABC Publ., 2012 (in Russian).
- Barmin, V.A. “Soviet Union and Xinjiang, 1918–1941: (Regional factor in the foreign policy of the Soviet Union).” Barnaul: Barnaul'skii gosudarstvennyi pedagogichskii universitet Publ., 1998 (in Russian).
- Bukshtein, O. “Torgovlia SSSR s Sin'tszianskoi provintsiei [Trade of the USSR with the Xinjiang province].” *Novyi Vostok*, no. 20-21 (1928): 201–217 (in Russian).
- Di, Zhie. “Stanovlenie i razvitie politicheskikh i torgovo-ekonomicheskikh otnoshenii sovetskogo gosudarstva s Kitaiskoi Respublikoi v 1917–1925 gg. [Formation and development of political and trade and economic relations between the Soviet state and the Republic of China in 1917–1925].” PhD Thesis, Moscow Pedagogical University, 1992 (in Russian).
- Galenovich, Yu.M. *‘Belye piatna’ i ‘bolevye tochki’ v istorii sovetsko-kitaiskikh otnosheniakh* [‘White spots’ and ‘pain points’ in the history of Soviet-Chinese relations], vol. 1. Moscow: RAN: Institut Dal'nego Vostoka Publ., 1992 (in Russian).
- Gurevich, B.P. “Vzaimootnoshenie sovetskikh respublik s provintsiei Sin'tszian v 1918–1922 godakh [The relationship of the Soviet republics with the province of Xinjiang in 1918–1922].” *Sovetskoe kitaevedenie*, no. 2 (1958): 96–105 (in Russian).
- Kolobov, M. “Vsesoiuznaia vystavka i torgovlia s vostochnymi stranami [All-Union Exhibition and Trade with Eastern Countries].” *Torgovlia Rossii s Vostokom* [Trade between Russia and the East], no. 3-4 (June 1923): 15 (in Russian).
- Loganov, G. “O razviti nashikh torgovykh otnoshenii s Kul'dzhei [On the development of our trade relations with Kulja].” *Torgovlya Rossii s Vostokom* [Trade between Russia and the East], no. 18 (1924): 28 (in Russian).
- Moiseev, V.I. *Rossiia i Kitai v Tsentral'noi Azii: vtoraia polovina XIX v.* [Russia and China in Central Asia: the second half of the XIX century]. Barnaul: AzBuka Publ., 2003 (in Russian).
- Palyukaitis, I.I. “Torgovlia SSSR s Zapadnym Kitaem [Trade of the USSR with Western China].” In *Torgovlia SSSR s Vostokom: Sbornik statei i materialov* [Trade of the USSR with the East: Collection of articles and materials], 148–157. Moscow; Leningrad: Promizdat Publ., 1927 (in Russian).
- Shemetova, T.A. On the Forms and Methods of the Soviet Leadership in Search of Normalization of Trade, Economic and Political Relations with Xinjiang in 1921–1923.” *Problemy Dal'nego Vostoka*, no. 2 (2020): 165–174, <https://doi.org/10.31857/S013128120009755-1> (in Russian).
- Shmorgoner, D.I. *Srednii Vostok: Persiia, Afganistan, Zapadnyi Kitai* [Middle East: Persia, Afghanistan, Western China] Moscow: Rossiiskaia Vostochnaia torgovaia palata, 1925 (in Russian).
- Sladkovsky, M.I. *Istoriia torgovo-ekonomicheskikh otnoshenii SSSR s Kitaem (1917–1974 gg.)* [History of trade and economic relations between the USSR and China (1917–1974)]. Moscow: Nauka Publ., 1977 (in Russian).
- Vikhlyayev, M.A. “Vneshniaia torgovlia SSSR s kitaiskoi provintsiei Sin'tszian 1917–1934 gg. [Foreign trade of the USSR with the Chinese province of Xinjiang 1917–1934: Abstract of a dissertation for the degree of candidate of economic sciences].” PhD Thesis, State University named after A.A. Zhdanov, 1956 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Тамара Алексеевна Шеметова, канд. истор. наук, доцент кафедры всеобщей истории, директор Института истории, социальных коммуникаций и права, Алтайский государственный педагогический университет; 656031, Россия, Барнаул, ул. Молодежная, 55; taaat1965@mail.ru

Tamara A. Shemetova, PhD in History, Associate Professor of the General History Department, Director of the Institute of History, Social Communications and Law, Altai State Pedagogical University; 55, Molodezhnaya Str., Barnaul, 656031, Russia; taaat1965@mail.ru

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-1-97-109>

Научная статья / Research article

Поиски советскими и партийными органами Туркестана форм и методов работы с коренным населением в условиях борьбы с басмачеством 1918–1924 гг.

Валерий Бармин

Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия

✉ valbarmin@mail.ru

Аннотация: Протестное движение коренного населения Туркестана против советской власти, оставшееся в истории под названием «басмаческое движение», явилось важнейшим этапом Гражданской войны на среднеазиатской территории бывшей Российской империи. Исследование этого явления, сложного по мотивационным характеристикам, социальному составу и идеологическому оформлению, велось на протяжении всего периода существования советского государства. Однако жесткие идеологические рамки, запрет на доступ к источникам и целый ряд других ограничений исключали возможность объективной оценки явления басмачества. За рамками работ оставались вопросы, связанные с реальными причинами возникновения движения, и особенно, его поддержки со стороны большей части населения Туркестана. Распад СССР, снятие грифа секретности с ранее закрытых архивных фондов позволили в последние десятилетия во многом изменить взгляд на историю этого народного протеста. Автор, опираясь на материалы вновь выявленных источников из фондов Российского государственного военного архива и Российского государственного архива социально-политической истории, показывает, что значительная часть причин, определивших масштабность движения и его поддержку со стороны населения, явилась следствием грубых ошибок самой советской власти в области социально-политических преобразований, особенно в вопросах национальной политики. Исправление этих ошибок, использование новых форм и методов работы с коренными народами позволили большевикам одержать победу в борьбе с басмачеством и нормализовать внутривнутриполитическую ситуацию в крае.

Ключевые слова: советская власть, национальный вопрос, мусульманское население, Средняя Азия, Туркфронт, Торккомиссия

Благодарности и финансирование: Автор выражает благодарность анонимным рецензентам за профессиональную экспертную оценку рукописи, их комментарии и рекомендации.

Для цитирования: Бармин В.А. Поиски советскими и партийными органами Туркестана форм и методов работы с коренным населением в условиях борьбы с басмачеством 1918–1924 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2023. Т. 22. № 1. С. 97–109. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-1-97-109>

Searching for Forms and Methods of Acting on Indigenous Population by Turkestan Soviet and Communist Party Bodies in the Context of Fighting the Basmachi in 1918–1924

Valeriy Barmin

Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia

✉ valbarmin@mail.ru

Abstract: The protest movement of the Turkestanian indigenous population against the Soviet rule known in history as “Basmachi movement” became the most important stage of the Civil War in the Central Asian territory of the former Russian Empire. This phenomenon, complicated in terms of

© Бармин В.А., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

motivating features, social composition, and ideological dimensions, had been researched throughout the entire period of Soviet Union. However, the researchers were conditioned by rigid ideological framework, the ban on access to documental sources, and several other restrictions, that excluded the possibility to provide unbiased objective assessment of the Basmachi phenomenon. Questions relating to the true causes of the movement, and specifically those that disclosed the support to the movement from the majority of Turkestani population, remained beyond the research scope. The collapse of the USSR, the access to formerly classified closed archives made it possible to largely change the view on the history of this popular protest. In the proposed paper, the author's research is supported by materials from newly identified sources in the holdings of the Russian State Military Archive and the Russian State Archive of Socio-Political History. The author claims in the paper that a significant part of the causes that boosted the scale of the movement and its support from the population resulted from gross mistakes of the Soviet government in socio-political reforms and especially in matters of nationalities policy. Correcting these mistakes, applying new forms and methods of acting on indigenous peoples made it possible for Bolsheviks to gain the victory over the Basmachi and bring the internal political situation in the region to stability.

Keywords: Turkestan, Soviet power, the Basmachi movement, nationality question, Muslim population, Central Asia, Turkfront, Torkkomissii

Acknowledgements and Funding: The author thanks two anonymous reviewers for their comments and suggestions.

For citation: Barmin, Valerii. "Searching for Forms and Methods of Acting on Indigenous Population by Turkestan Soviet and Communist Party Bodies in the Context of Fighting the Basmachi in 1918–1924." *RUDN Journal of Russian History* 22, no. 1 (February 2023): 97–109 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-1-97-109>

Введение

Крушение Советского Союза, которое президент России В.В. Путин в ежегодном послании к Федеральному Собранию 2005 г. назвал «крупнейшей геополитической катастрофой прошлого века», имело своими последствиями глубочайшие экономические и общественно-политические деформации во всех республиках, входивших прежде в его состав. Вместе с тем обретение полного суверенитета поставило перед их руководством целый ряд разноплановых задач. Одной из наиболее сложных проблем в этой череде стало формирование новых концепций исторического прошлого своего государства и народа. Такая необходимость определялась, во-первых, тем, что исторические конструкции, выстроенные для большинства республик советской исторической наукой, были призваны решать, прежде всего, политико-идеологические задачи. В этом контексте часто исключались и отбрасывались сюжеты и факты, которые по какой-либо причине не вписывались в логику такого подхода. А во-вторых, в условиях строительства собственной государственности, в каждой отдельной республике теперь уже национальная историческая наука должна была представить такой формат прошлого своего народа, который содействовал бы формированию у граждан национального самосознания, гражданственности и патриотизма.

Итоги работы, предпринятой в этом направлении национальными кадрами историков и политологов, свидетельствуют, что за прошедшее с распада СССР время произошел очень серьезный пересмотр значительной части, казалось бы, устоявшихся оценок и взглядов на историческое прошлое вновь возникших государств. В некоторых случаях пересмотру как «противоречащие исторической правде» подверглись не только отдельные сюжеты, но целые исторические периоды¹.

¹ См. об этом подробнее: Арсланов П.А., Мосейкина М.Н. Национальная история в учебной литературе современных государств Центральной Азии: цели и методы изложения материала // Новейшая история России. 2022. Т. 12. № 1. С. 210–226.

При этом вновь создаваемые картины событий часто включались в историческую канву без учета свидетельств исторических источников и объективных фактов. Такие действия мотивировались «новыми оценочными подходами», «национальными интересами», «общественной памятью» и пр. Касаясь этой проблемы, известный американский историк Чарльз Бирд не без сарказма отмечал, что

...истина истории – это истина данного времени, служащая его нуждам, пригодная только для него².

В рамках этого процесса в бывших советских среднеазиатских республиках сегодня самое пристальное внимание отводится событиям Гражданской войны и, в частности, сюжетам, связанным с масштабным антисоветским движением населения, оставшимся в истории под названием «басмаческое движение».

Санкт-петербургский исследователь А.И. Пылев, на наш взгляд, обоснованно утверждает, что

басмаческое движение – возможно наиболее сложная проблема в новейшей истории Средней Азии³.

Справедливость такого вывода подтверждается тем, что вопросы истории басмаческого движения и его влияния на весь ход развития среднеазиатских республик в новейшее время действительно оказались в центре дискуссий, развернувшихся в сообществе историков в последние десятилетия. Они нашли свое отражение в большом количестве работ российских и зарубежных исследователей. Эти проблемы в большей или меньшей степени присутствуют в публикациях С.Л. Данильченко, Л.Е. Бляхера и И.Ф. Ярулина, К.С. Кудухова, Н.Т. Садыковой, С.Ф. Нарбекова, Р.У. Норбековой, И.К. Эшчановой, К.К. Раджабова и др.⁴ Однако эти исследователи, как и многие другие, акцентируя основное внимание на массовости басмаческого движения, оставляют за рамками своих работ весьма важный аспект, который касается усилий советских и партийных органов Туркестана в поиске таких форм и методов работы с коренным населением, которые привлекли бы его симпатии к новой власти и лишили тем самым движение широкой народной поддержки.

Цель исследования – раскрыть и показать процесс формирования и практической реализации этих методов на основе новых источников, выявленных в фондах Российского государственного архива военной истории и Российского государственного архива социально-политической истории.

² Цит. по: *Xexter J.H.* On historians: Reappraisals of the makers of modern history. Cambridge, 1979. P. 16.

³ *Пылев А.И.* Об идеологических течениях басмаческого движения в Средней Азии в начальный период (1918–1920) // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 2003. Вып. 2 (№10). С. 29.

⁴ *Данильченко С.Л.* Геополитическая стратегия И.В. Сталина по управлению национальными окраинами СССР: сущность и истоки // Научные исследования: от теории к практике: материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 13 март 2016 г.). Чебоксары, 2016. № 1 (7). С. 19–30; *Бляхер Л.Е., Ярулин И.Ф.* Кто такие басмачи? Советское мифотворчество и стигматизация Гражданской войны в Средней Азии // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз. 2016. № 2. С. 109–123; *Кудухов К.С.* Деятельность Совета интернациональной пропаганды на Востоке в 1920 г. // Восточный архив. 2011. № 1 (23). С. 61–67; *Садыкова Н.Т.* Борьба с советской властью на юге Кыргызстана // Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана. 2016. № 11. С. 108–110; *Нарбеков С.Ф., Норбекова Р.У.* Вооруженное восстание народов Туркестана против советского режима, его причины и последствия // Актуальные научные исследования в современном мире. № 1–4 (21). 2017. С. 34–40; *Эшчанова И.К.* Прозрачность и узбекское дехканство // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2007. № 2. С. 105–110; *Раджабов К.К.* Вооруженное движение против Советской власти в Туркестане (1918–1935 гг.) // Единство. Гражданственность. Патриотизм. Сборник научных трудов к 100-летию Республики Башкортостан. Ч. 2. Уфа, 2019. С. 27–31.

Причины, определившие возникновение и массовый характер басмаческого движения в Туркестане

Важной чертой революционных событий 1917 г. в Туркестане явилось то, что мусульманское, т.е. коренное население, не принимало в них заметного участия. Причина индифферентности людей к развернувшимся революционным событиям определялась, с одной стороны, особенностями социального состава Туркестана: более 87 % коренного населения занималось сельским хозяйством и было в основе своей совершенно безграмотным⁵. С другой стороны – своеобразной традиционной формой общественной жизни, когда основной ячейкой общества являлась замкнутая община, представлявшая собой в сельской местности кишлак, а в городе – махалля (квартал). При этом непререкаемым авторитетом и в кишлаке, и в махалле в условиях фанатичной религиозности людей пользовались священнослужители.

В рассматриваемый период активная политическая жизнь только начала проникать в широкие массы населения и ограничивалась деятельностью нескольких общественно-политических организаций, созданных представителями духовенства, национальной интеллигенции и буржуазии. Наиболее влиятельными из них являлись «Шурои исламия» [Совет ислама], «Шурои Улема» [Союз духовенства], «Иттифоки и муслими» [Союз мусульман]. Вооруженное восстание в Ташкенте и переход власти к Совету рабочих, солдатских и крестьянских депутатов все эти организации встретили враждебно. Так, Самаркандская организация «Иттифоки» [Союз] на своем заседании 7 ноября 1917 г. постановила:

Выразить свой решительный протест против узурпации воли народа и посягательства большевиков на власть Временного правительства Российской Республики за три недели до открытия Учредительного собрания⁶.

Формализация новой власти была осуществлена в ходе работы проходившего в Ташкенте III Краевого Съезда советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. При обсуждении вопроса об организации краевой власти большевики, объединившиеся с социалистами-революционерами-максималистами, настояли на том, чтобы она была сформирована по образцу советского правительства в России. При этом вопреки позиции фракции социал-демократов они провели решение, в соответствии с которым Совет народных комиссаров был сформирован из большевиков и левых социалистов-революционеров

без мусульман и представителей городских самоуправлений, поддерживавших ранее Временное правительство⁷.

Дальнейшие события показали, что это решение явилось серьезной стратегической ошибкой большевиков, крайне отрицательно отразившейся на выстраивании межнациональных отношений в регионе и на развитии внутривластной ситуации в целом. Представляется, что неоднозначность этого решения была осознана большевиками уже в момент его принятия. Оправдывая его тем, что привлечение мусульман в органы высшей революционной власти неприемлемо ввиду полной неопределенности отношения туземного населения к власти солдатских, рабочих и крестьянских депутатов⁸, они попытались сгладить очевидное нарушение

⁵ Солодова Г.С. Управление Туркестанским краем – некоторые принципы установления российского влияния // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 51. С. 158.

⁶ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 71. Оп. 34. Д. 1600. Л. 1.

⁷ Там же. Д. 1632. Л. 11.

⁸ Там же.

ние прав коренного населения и откровенную грубость формулировок рядом оговорок. Так, в этом же решении декларировалось, что каждый народный комиссар в рамках своего ведомства будет привлекать мусульманское население к активной работе и таким образом ни местное население, ни местные интеллигентные слои не устроятся от активной работы по улучшению быта и жизни края, а наоборот привлекаются к этой работе⁹. Но попытки нивелировать подобными заявлениями последствия своеобразного политического шовинизма не дали ожидаемого результата. Практически все национальные общественно-политические организации и партии Туркестана заявили о своем непризнании решений III съезда Советов.

Результатом возникшего противостояния стало то, что объединившиеся антибольшевистские силы, к которым первый председатель ЦИК Туркестанской Советской Республики П.А. Кобозев относил «национальную буржуазию», объединившихся с ней национальную интеллигенцию при участии «русских контрреволюционных элементов» и некоторых бывших членов краевого Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, провели в ноябре 1917 г. в Коканде IV Всетуркестанский Курултай мусульман¹⁰. 27 ноября его делегаты приняли резолюцию о провозглашении Туркестанской автономии – «Туркистон мухторияти». В советской историографии это образование известно под названием «Кокандская автономия»¹¹. Двоевластие, возникшее в крае, а также сведения, поступающие в Ташкент об активных связях руководителей Кокандской автономии с эмирской Бухарой и одним из лидеров белогвардейского движения, атаманом Уральского казачьего войска А.И. Дутовым, поставили перед советским руководством Туркестана вопрос о силовой форме решения проблемы. 9 февраля 1918 г. отряды Красной гвардии, присланные из Ташкента и ряда других городов края, разгромили Кокандскую автономию, по сути, первыми в России открыв фронт Гражданской войны¹². Вскоре после этих событий на V Краевом съезде Советов 30 апреля 1918 г. была провозглашена Туркестанская Советская Федеративная Республика (ТСФР), которая

управляясь автономно, признает и координирует свои действия с центральным правительством Российской Советской Федерации¹³.

Следует отметить, что боевые действия отрядов Красной гвардии против Кокандской автономии, по свидетельству очевидцев, сопровождались большим количеством жертв среди мирного населения (по некоторым данным до 10 тыс. человек), разрушениями и актами мародерства. Позже секретарь ЦК КП(б) Туркестана И.Г. Сольц в статье «К борьбе с басмачеством», опубликованной в газете ЦИК Туркестанской республики «Известия» 25 мая 1921 г., откровенно писал, что «Кокандские события» фактически были бойней для небооруженных мусульманских масс города (полупролетарских и мелкобуржуазных)¹⁴. Крайне негативный моральный аспект этих кровавых событий усугублялся тем, что личный состав отрядов Красной гвардии состоял в основном из русских, а в операции при этом участвовали подразделения, сформированные армянской буржуазно-националистической партией Дашнакцутюн из членов армянской общины в Туркестане. Враждебное отно-

⁹ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 1632. Л. 11.

¹⁰ Там же. Л. 16.

¹¹ Цит. по: Бармин В.А. О некоторых причинах возникновения басмаческого движения в Туркестане в 1918–1923 гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2018. № 53. С. 89.

¹² Агзамходжаев С.С. История Туркестанской автономии (Туркистон мухторияти). Ташкент, 2006. С. 223.

¹³ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 1503. Л. 16.

¹⁴ Цит. по: Лысенко Ю.А., Бармин В.А., Анисимова И.В. и др. Этнополитические процессы в Центральноазиатских окраинах России в период революций 1917 г. Барнаул, 2017. С. 281.

шение армян к местному населению объяснялось геноцидом Турции против армянского населения в 1915 г., когда турки вырезали более миллиона армян. Поэтому бойцы армянских отрядов в оправдание своих зверств заявляли, что

если они вырежут даже всех мусульман Ферганской области, то и тогда будет убитых менее, чем убили армян турки...¹⁵

Результатом военной операции стало то, что избежавшие гибели руководители разгромленной автономии и имамат, используя справедливое негодование мусульманского населения, объявили советской власти священную войну – газават и этим шагом подняли против нее десятки тысяч мирного населения, которое и сформировало социальную базу басмаческого движения. Исследователи отмечают, что после крушения Кокандской автономии мусульманское духовенство провозгласило басмачей «воинами Магомета» и «борцами за веру», а всех, кто не вошел в шайки басмачей или не оказывал им в помощи, называли «гяурами» и «кафырами»¹⁶. Во главе отрядов басмачей становились баи, старейшины родов и влиятельные местные авторитеты. В опубликованных позже аналитических записках, посвященных причинам возникновения басмаческого движения, представители советского руководства и военного командования Туркестана сходились во мнении, что именно разгром Кокандской автономии обнаружил тенденцию «к его быстрому росту и развитию»¹⁷.

Уже к концу 1918 г. басмаческое движение охватило практически все районы Туркестана. Центром движения стала Ферганская долина, где борьбу с советской властью вели десятки тысяч бойцов¹⁸. Все попытки борьбы с отрядами басмачей только военными методами, в том числе с применением самых жестких форм (обстрелы кишлаков из артиллерийских орудий, массовые расстрелы, взятие заложников и пр.), не только не давали заметного результата, но вели к его нарастанию. При этом одной из наиболее сложных проблем для командования частей Красной армии являлось то, что басмачи пользовались активной поддержкой населения. Движение все более приобретало характер именно народного. К такому выводу после безуспешной борьбы с басмачеством в 1918–1919 гг. склонился и председатель СНК Туркестана К.С. Атабаев¹⁹.

Хорошо известно, что поддержку басмаческому движению оказывали зарубежные силы. Есть множество документальных свидетельств такой поддержки со стороны Англии, Афганистана, Китая и ряда других государств²⁰. Очевидно и то, что конечные цели борьбы басмаческих отрядов против советской власти заключались не только в отстаивании права народов Туркестана жить в соответствии с национальными обычаями, традициями и конфессиональными устоями, но, прежде всего, в возвращении власти в регионе в руки богатого купечества, национальной буржуазии и духовной аристократии. Но столь же очевидно и то, что ошибки и просчеты новой власти в вопросах межнациональных отношений: разрушение привычного быта, грубое попрание векового уклада материальной и духовной жизни – определили неприятие этой власти со стороны большинства населения. Таким образом,

¹⁵ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 1585. Л. 52; Более подробно о геноциде армян в Турции см.: *Полномарев В.А.* К вопросу о геноциде армянского народа в Турции и Закавказье XIX–XX вв. // *Вестник Томского государственного университета.* 2009. № 320. С. 119–122.

¹⁶ *Зевелев А.И., Поляков Ю.А., Шишкина Л.В.* Басмачество: правда истории и вымыслы фальсификаторов. М., 1986. С. 11.

¹⁷ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 1527. Л. 97.

¹⁸ Там же. Д. 1480. Л. 1.

¹⁹ *Михайлов В.Ф.* Хроника великого джута // *Юность.* 1990, № 1. С. 83–84.

²⁰ См.: *Из истории гражданской войны в СССР. Документы и материалы. Иностранная военная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане:* в 2 т. Алма-Ата, 1964.

возникновению и развитию басмачества способствовали действия самого партийного и советского руководства края.

Отдельным фактором, вызывавшим рост негодования и протестного настроения мусульманского населения, являлись слабая дисциплина и разгул анархии в красноармейских частях, боровшихся с басмачами. Письма рядовых граждан, сообщения местных администраций и даже рапорты командования частей были наполнены жалобами и сообщениями о фактах незаконных действий, самосудов, грабежей со стороны красноармейцев и отдельных командиров. Периодически эта проблема выплескивалась на страницы центральных газет Туркестана. В июле 1919 г. в газете «Известия» этот сложный вопрос обозначил командующий ферганской группировкой Красной армии М.В. Сафронов. Командарм прямо писал, что

все начинания гражданских организаций парализовались разнузданностью гарнизонов, которые давили на власть, превращая ее в простое игрище, самодурство отдельных рот²¹.

Таким образом, в борьбе с басмачеством на первое место перед партийным и советским руководством Туркестана вышла задача поиска таких форм и методов работы с местным населением, которые смогли бы привлечь симпатии этого населения к новой власти и тем самым лишить движение массовой поддержки народа.

Новые формы работы партийных с коренным населением в период борьбы с басмачеством

Очевидно, что понимание важности национального вопроса, необходимости активной работы с коренным населением оформилось у руководителей республики уже в первые месяцы становления новой власти. Предпринимались меры, призванные показать, что новая власть будет всячески содействовать развитию национального самосознания народов региона, росту его образовательного и культурного уровня, подъему экономики. Уже на первом съезде Коммунистической партии Туркестана (КПТ), который в июне 1918 г. состоялся в Ташкенте, его делегаты приняли постановление «О партийной работе среди мусульманского пролетариата», в котором отмечалось, что

провозглашенная стараниями партии, волей революционной демократии автономия Туркестана до сего времени имеет мало реальных проявлений, которые служили бы залогом поднятия самосознания мусульманского пролетариата и привлечения его симпатий к власти²².

Учитывая эту ситуацию, делегаты посчитали необходимым провести в жизнь ряд срочных мер. В том числе:

признание языка местного населения, преобладающего по всей республике, тюркского, государственным наряду с русским со всеми мероприятиями, отсюда вытекающими; образование при всех областных, уездных и местных совдепах комиссариатов по национальным делам для самой энергичной агитации и привлечения широких масс мусульманства к советской работе²³.

В рамках исполнения этого постановления ЦИК республики издал декрет, которым объявлялось, что

отныне, наравне с русским, признается государственным тюркский язык, на котором изъясняется преобладающая часть коренного местного населения <...> местное население в делах, касающихся мелких территориальных единиц – волости, уезда, города, пользуется и в официальных сношениях с органами власти языком преобладающей части населения каждой местности²⁴.

²¹ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 1585. Л. 82.

²² Там же. Д. 1503. Л. 21.

²³ Там же.

²⁴ Там же. Д. 1632. Л. 50–51.

В марте 1919 г., по решению ЦК КПТ, было создано Краевое мусульманское бюро во главе с авторитетным в партийных кругах и среди местного населения большевиком Тураром Рыскуловым, что стало важным шагом в деле укрепления связей с мусульманским населением республики. Издательский отдел бюро приступил к выпуску газеты «Иштирокиюн» («Участие»). Следом началось издание периодической печати на узбекском языке в других городах Туркестана.

Значение активной работы с коренным населением Туркестана и ее важность для борьбы с басмачеством хорошо понимали как в государственных, так и в партийных органах. В феврале 1919 г. руководством Советской России была создана Особая временная комиссия СНК РСФСР и ЦК РКП(б) по делам Туркестана, в которую вошли такие видные большевики как Ш.З. Элиава (председатель), М.В. Фрунзе, В.В. Куйбышев и другие²⁵. Учитывая сложность ситуации в республике, 10 ноября 1919 г. с письмом к коммунистам Туркестана обратился председатель СНК РСФСР В.И. Ленин. В нем он подчеркивал, что

Установление правильных отношений с народами Туркестана имеет теперь для РСФСР значение, без преувеличения можно сказать, гигантское, всемирно-историческое²⁶.

Вождь партии просил коммунистов Туркестана

обратить на этот вопрос сугубое внимание, – приложить все усилия к тому, чтобы на примере, делом, установить товарищеские отношения к народам Туркестана²⁷.

Следует сказать, что советские и партийные органы ТССР и члены Турккомиссии сумели осознать допущенные ранее в национальном вопросе ошибки и приступили к их исправлению. Ш.З. Элиава 5 июля 1920 г., возвращаясь к этому вопросу, отмечал в письме к В.В. Куйбышеву, что необходимо

приступить к перераспределению административных округов Туркестана в соответствии с его национальным составом. Особое внимание обратить на то, чтобы устранением пестроты национального состава в областях и другими методами обеспечилось в области самоуправления и народного образования полное соблюдение интересов туземного населения и отсутствие национальных трений²⁸.

Он предлагал меры, которые должны были способствовать сглаживанию неприязненных отношений между местным населением и русскими переселенцами. В том числе:

отобрать у переселенцев киргизских районов все земли, запроданные Переселенческим управлением или самовольно захваченные переселенцами у киргиз, оставляя переселенцам участки в размере трудового надела <...> обеспечить землей безземельных дехкан²⁹.

В условиях нарастания борьбы советской власти с басмачеством поиск форм и методов работы с населением региона приобрели особое значение. Секретарь ЦК ТКП И.Г. Сольц писал по этому поводу в газете «Известия» от 25 января 1921 г.:

Опять вся Фергана кипит в котле басмачества. Советская власть остается только на линии жел. дорог³⁰.

²⁵ Советское содружество народов (объединительное движение и образование СССР). Сборник документов. 1917–1922. М., 1972. С. 96.

²⁶ Цит. по: Советское содружество народов... С. 97–98.

²⁷ Там же.

²⁸ РГАСПИ. Ф. 79. Оп. 1. Д. 158. Л. 2.

²⁹ Там же. Л. 1.

³⁰ Там же. Ф. 71. Оп. 34. Д. 1527. Л. 99.

Рассуждая о путях борьбы с басмаческим движением, автор предлагал дополнить энергичные военные действия сильной политической кампанией³¹. В число наиболее срочных мероприятий он считал необходимым включить:

проведение в ударном порядке в наиболее подходящих (по всяким условиям) районах <...> земельной реформы; перевод продовольственной разверстки на классовые рельсы; хозяйственную помощь беднейшему дехканству в предстоящей посевной кампании в порядке ударном, выделив Фергану, как область, охваченную басмачеством³².

В завершении партийный деятель делает однозначный вывод, что басмаческое движение может быть задушено только при активной поддержке «мусульманской бедноты, поднявшейся на борьбу со своими угнетателями»³³.

Положения, высказанные в статье секретаря ЦК КПТ пытались реализовать на практике. В ходе подготовки делегации советского Туркестана для участия в съезде народов Востока, который проходил в Баку в августе 1919 г., в советские органы на местах и политотделы воинских частей были разосланы письма с указанием представительства и требований к будущим делегатам. Например, в письме политотдела Туркфронта в политотдел 2-й туркестанской бригады указывалось:

присылайте из широкой массы, занимающих ответственные должности советские и партийные крайне нежелательно, то же самое желательно беспартийных и только часть партийных³⁴.

В письмах, направленных из Ташкента в местные советские органы, подчеркивалось, что присылать нужно, по возможности, представителей «от широких масс каракалпаков, узбек, туркмен»³⁵.

В указаниях «По организации борьбы с басмачеством», направленных Реввоенсоветом республики в воинские части, подчеркивалось, что каждый басмаческий отряд действует в районе, где они встречают сочувственное к себе отношение среди известной части населения, «с которым они связаны теми или другими отношениями»³⁶. Поэтому не следует рассчитывать на то, что вооруженная сила одна своими средствами справится с задачей окончательного уничтожения всех корней басмачества³⁷. Исходя из этого авторы рекомендовали обращаться к местному населению и к услугам местных исполкомов, с которыми вследствие этого следовало держать самую тесную связь³⁸.

Как следует из этих документов, в мероприятиях, направленных на привлечение к сотрудничеству коренного населения, основная установка властей традиционно делалась на работу с его беднейшей частью. Однако вплоть до 1922 г. серьезных результатов в этой работе достигнуть не удалось.

Между тем организация сопротивления басмаческому движению, поддерживаемому значительной частью населения, настойчиво требовала широкого привлечения в Красную армию представителей именно коренных народов края. Успешная реализация этого мероприятия должна была, с одной стороны, решить вопрос усиления влияния советской власти на широкие массы мусульман, а с другой – добиться, наконец, успехов в борьбе с басмачеством. Газета «Известия», объясняя

³¹ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 1527. Л. 101.

³² Там же. Л. 100–101 об.

³³ Там же. Л. 101 об. – 102.

³⁴ Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 996. Оп. 2. Д. 1. Л. 12.

³⁵ Там же. Л. 16.

³⁶ Там же. Ф. 671. Оп. 1. Д. 2. Л. 14.

³⁷ Там же. Л. 16.

³⁸ Там же.

важность решения этого вопроса, писала в своей передовице 19 мая 1922 г., что по-
давить басмачество удастся только тогда, когда

само население придет на помощь Красной армии, примет активное участие в этой борьбе
<...> Моральное же значение в участии населения в борьбе с басмачеством, конечно, не может
быть преувеличено. Одно дело, когда узбека бьет русский красноармеец и совершенно другое
дело, когда с ним расправляется узбек-милиционер³⁹.

По мнению автора передовицы, в Туркестане вопрос о том, кто борется
с басмачами местные люди или пришлые красноармейцы, играет «почти решаю-
щую роль»⁴⁰.

Еще в январе 1920 г. заместитель председателя Турккомиссии ВЦИК и СНК
РСФСР В.В. Куйбышев выступил на III конференции коммунистов-мусульман
Туркестана с докладом «О привлечении мусульман к защите социалистического
Отечества». Докладчик признавал, что решение поставленной задачи столкнется
с большим количеством проблем и одной из наиболее сложных будет

предварительная агитация, которая создала бы подходящую обстановку для мобилизации, которая
разъяснила бы мусульманским массам, как узбекам, так и туркменам, и киргизам, что Красная ар-
мия является единственным условием защиты интересов мусульманского пролетариата⁴¹.

Опасения В.В. Куйбышева оправдались. В общественном сознании мусуль-
ман служба в «армии неверных» рассматривалась как вероотступничество и нацио-
нальное предательство, поэтому контрольные цифры призыва в большинстве слу-
чаев военкоматами не выполнялись. В частях, сформированных из представителей
местного населения, дезертирство имело массовый характер. Во многом это было
также связано с тем, что в русскую императорскую армию мусульмане вообще
не призывались, а попытки организации их массового призыва в 1916 г. стали по-
водом к широкомасштабным выступлениям. Поэтому у населения региона не было
сложившейся традиции армейской службы.

Очень серьезной проблемой являлось почти полное отсутствие мусульман
среди командного состава и политработников. Представляется, что причина этого
могла объясняться, с одной стороны, массовой безграмотностью мусульманского
населения, а с другой, второстепенность боевых действий в Туркестане по сравне-
нию, например, с колчаковским фронтом. Нельзя исключать и того, что советское
руководство просто опасалось выдвижения на командные должности мусульман.

При этом части, формируемые из местных новобранцев, часто снабжались
обмундированием и питанием по остаточному принципу, а семьям красноармейцев-
мусульман, в нарушение закона, отказывали в продовольственных пайках. Коман-
дир полка 2-й туркестанской дивизии П.Г. Брегадзе, в телеграмме, направленной
В.В. Куйбышеву, сообщал, что

Семьям формируемых мусульманских полков ежедневно отказывают в продовольственной
норме пособия наравне с другими семьями красноармейских частей <...> мотивируя неимени-
ем денег⁴².

Тем не менее, при всех перечисленных выше сложностях в 1920 г. в рядах
Красной армии уже вели боевые действия несколько подразделений, сформирован-
ных из представителей коренного населения.

³⁹ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 1530. Л. 6.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же. Ф. 79. Оп. 1. Д. 152. Л. 15–20.

⁴² РГВА. Ф. 1075. Оп. 2. Д. 45. Л. 12.

С середины 1921 г. в борьбе с басмачеством обозначился очевидный перелом в пользу советской власти. Хорошо вооруженные и подготовленные части Красной армии, переброшенные в Туркестан после разгрома белогвардейских армий адмирала А.В. Колчака, нанесли ряд поражений крупным басмаческим отрядам. Поставленные перед неизбежностью полного разгрома, басмаческие курбаши (командиры отрядов басмачей. – *Б.В.*) начали соглашаться на предлагаемые советским командованием мирные переговоры. Важным элементом, определившим согласие лидеров басмаческого движения на переговоры, явилось объявление советской власти об амнистии всем басмачам, готовым сложить оружие. И.В. Сталин, народный комиссар по делам национальностей, в письме к командированному в Туркестан члену ЦК РКП(б) Г.К. Орджоникидзе и Ш.З. Элиаве, председателю Турккомиссии, среди обозначенных мероприятий, необходимых к реализации, указал на важность «дать амнистию всем желающим вернуться к мирному труду басмачам».⁴³ По итогам переговоров удалось убедить прекратить борьбу с советской властью таких влиятельных курбаши, как: Мадамин-бек, Махам-ходжи, Парпи и др. Стоит обратить внимание на то, что в ходе переговоров представители командования Красной армии, партийных и советских органов внесли в перечень своих обещаний, даваемых в обмен на отказ басмачей от вооруженной борьбы, серьезные коррективы. Теперь они строились на положениях, которые появились в процессе поиска новых методов работы и исправлениях прежде допущенных ошибок. Так, на переговорах с курбаши Курширманом член ТурЦик Туркестана Н.Т. Тюрякулов заявлял, что

принцип культурно-национального самоопределения составляет основу всей советской политики, что согласно этому принципу советская власть никогда не прибегнет к насильственной ломке старых форм жизни, не изжитых населением⁴⁴.

Тюрякулов также убеждал Курширмана, что в области религии советская власть объявляет полную свободу религиозного верования и «только не позволяет религиозного насилия со стороны фанатиков мулл...»⁴⁵. Надо отметить, что процесс переговоров с лидерами басмаческих отрядов оказался хорошей площадкой для проверки действенности тех форм и методов работы с местным населением, которые теперь появились в арсенале пропагандистского аппарата советской власти. Очевидно, что они сыграли серьезную роль не только в снижении активности басмаческого движения, но и в общей нормализации внутривнутриполитической ситуации в советском Туркестане.

К середине 1920-х гг. наиболее активная фаза басмаческого движения в Туркестане сошла на нет. Самую серьезную роль в борьбе с этим массовым протестным движением сыграли Красная армия и другие силовые структуры. Но не вызывает сомнения и тот факт, что большое значение для победы над басмачеством имел тот факт, что советские и партийные органы Туркестана сумели исправить ошибки, допущенные ими в первый период советской власти.

Выводы

Басмаческое движение представляет собой крайне сложное и многофакторное явление. С одной стороны, ставшие доступными источники свидетельствуют, что причины этого протестного движения, его массовость явились следствием грубых ошибок, допущенных советскими и партийными органами Туркестана при реализации социально-экономической и национальной политики. С другой стороны,

⁴³ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 1469. Л. 1.

⁴⁴ Там же. Д. 1530. Л. 2 об.

⁴⁵ Там же.

столь же очевидно, что эти факторы усугублялись вмешательством внешних сил и ожесточенным сопротивлением тех социальных групп и классов, которых советская власть лишила экономического и политического могущества. В этом сопоставлении особое значение приобретают анализ и оценка эффективности действий советской власти, направленных на исправление допущенных ошибок, поиски и реализацию новых форм и методов работы с народами Туркестана, которая способствовала постепенному формированию в глазах большей части населения республики положительного имиджа новой власти и привела, в конечном счете к ликвидации басмаческого движения. Очевидно, что позитивное влияние на снижение напряженности в противостоянии мусульманского населения Туркестана и советской власти сыграли мероприятия, направленные на поддержку национальных языков народов края, признание этих языков государственными наравне с русским, перевод на них делопроизводства, газет, журналов и школьных учебников. В целом положительно население восприняло действия советской власти в области аграрной реформы и, прежде всего, перераспределение земельных наделов, которые ранее были незаконно получены частью русских переселенцев. Важным элементом в нормализации внутривнутриполитической обстановки явился отказ властей от радикальных мер, направленных на изменение быта и традиций народов Туркестана, и особенно давления на их духовную жизнь. Постепенно, сталкиваясь с большими сложностями, сыграли свою положительную роль такие масштабные мероприятия, как: призыв представителей коренного населения в ряды Красной армии и процесс подписания мирных соглашений с лидерами басмаческого движения. Признавая значение и эффективность этих методов, необходимо в то же время отметить, что часть из них носила декларативный характер, а часть решала задачи политического момента и, прежде всего, борьбы с басмаческим движением.

Поступила в редакцию / Submitted: 09.09.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 17.01.2023

Принята к публикации / Accepted for publication: 18.01.2023

References

- Agzamkhodzhaev, S.S. *Istoriia Turkestanskoi avtonomii (Turkiston mukhtoriyati)* [History of Turkestani Autonomous Region]. Tashkent: Toashkent Islom University Publ., 2006 (in Russian).
- Barmin, V.A. "Several Reasons for Emergence of the Basmachi Movement in Turkestan in 1918–1923." *Tomsk State University Journal of History*, no. 53 (2018): 88–92 (in Russian).
- Blyakher, L.E., and Yarulin, I.F. "Kto takie basmachi? Sovetskoe mifotvorchestvo i stigmatizatsiya Grazhdanskoi voyny v Srednei Azii [Who are the Basmachis? Soviet mythmaking and stigmatization of the Civil War in Central Asia]." *Politiya: Analiz. Khronika. Prognoz*, no. 2 (2016): 109–123 (in Russian).
- Danil'chenko, S.L. "Geopoliticheskaia strategiiia I.V. Stalina po upravleniiu natsional'nymi okrainami SSSR: sushchnost' i istoki [Joseph Stalin's Geopolitical Strategy on the Management of the National Outskirts of the USSR: Essence and Origin]." *Nauchnye issledovaniia: ot teorii k praktike: materialy VII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Cheboksary, 13 mart 2016 g.)*, 19–30. Cheboksary: Interaktiv plus Publ., 2016 (in Russian).
- Eshchanova, I.K. "Surplus-Appropriation and Uzbek Dechkanstvo." *RUDN Journal of Russian History*, no. 2 (2007): 105–110 (in Russian).
- Kudukhov, K.S. "Deiatel'nost' Soveta internatsional'noi propagandy na Vostoke v 1920 g. [Activities of the International Propaganda Council in the Orient in 1920]." *Vostochnyi arkhiv*, no. 1 (2011): 61–67 (in Russian).
- Lysenko, Yu.A., Barmin, V.A., Anisimova, et al. *Etnopoliticheskie protsessy v Tsentral'noaziatskikh okrainakh Rossii v period revoliutsii 1917 g.* [Ethnopolitical processes in the Central Asian outskirts of Russia during the revolutions of 1917]. Barnaul: AltGU Publishing House, 2017 (in Russian).

- Mikhailov, V.F. “Khronika velikogo dzhuta [Chronicles of the Great Jute].” *Iunost'*, no. 1 (1990): 83–84 (in Russian).
- Narbekov, S.F., and Norbekova, R.U. “Vooruzhennoe vosstanie narodov Turkestana protiv sovetskogo rezhima, ego prichiny i posledstviya [Turkestani people's armed uprising against the Soviet rule, its causes and consequences].” *Aktual'nye nauchnye issledovaniya v sovremennom mire*. № 1–4 (2017): 34–40 (in Russian).
- Ponomarev, V.A. “K voprosu o genotside armianskogo naroda v Turtsii i Zakavkaz'e XIX–XX vv. [On the Problem of Armenian Genocide in Turkey and Transcaucasia in the 19th–20th Centuries].” *Tomsk State University Journal of History*, no. 320 (2009): 119–122 (in Russian).
- Pylev, A.I. “Ob ideologicheskikh techeniyakh basmacheskogo dvizheniya v Srednei Azii v nachal'nyi period (1918–1920 gg.) [Ideology of the Basmachi Movement in Middle Asia (1918–1929)].” *Bulletin of St. Petersburg University. Series 2 2*, no. 10, (2003): 29–33 (in Russian).
- Radzhabov, K.K. “Vooruzhennoe dvizhenie protiv Sovetskoi vlasti v Turkestane (1918–1935 gg.) [Armed Movement against Soviet Power in Turkestan].” In *Edinstvo. Grazhdanstvennost'. Patriotizm. Sbornik nauchnykh trudov k 100-letiyu Respubliki Bashkortostan*, 27–31. Ufa: Mir Pechati Publ., 2019 (in Russian).
- Sadykova, N.T. “Bor'ba s sovetskoi vlast'yu na yuge Kyrgyzstana [Fighting Soviet Rule in the South of Kyrgyzstan].” *Nauka, novye tekhnologii i innovatsii Kyrgyzstana*, no. 11 (2016): 108–110 (in Russian).
- Solodova, G.S. “Governance of the Turkestan Region: Some Principles.” *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, no. 51 (2019): 158–166 (in Russian).
- Xexter, J.H. *On historians: Reappraisals of the makers of modern history*. Cambridge: Harvard University Press, 1979.
- Zevelev, A.I., Polyakov, Yu.A., and Shishkina, L.V. *Basmachestvo: Pravda istorii i vymysly fal'sifikatorov* [The Basmachism: historical truth and fictions of falsifiers]. Moscow: Mysl Publ., 1986 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Валерий Анатольевич Бармин, д-р истор. наук, профессор кафедры всеобщей истории института истории, социальных коммуникаций и права, Алтайский государственный педагогический университет; 656031, Россия, Барнаул, ул. Молодежная, 55; valbarmin@mail.ru

Valeriy A. Barmin, Dr. Habil. Hist., Professor of the General History Department of the Institute of History, Social Communications and Law, Altai State Pedagogical University; 55, Molodezhnaya Str., Barnaul, 656031, Russia; valbarmin@mail.ru

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-1-110-124>

Научная статья / Research article

Судьба харбинской репатриантки в зеркале антропологии: Людмила Абрамова (1914–2002)

Мария Кротова ^a , Дмитрий Петин ^b

^a Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия

^b Омский государственный технический университет, Омск, Россия

 mary_krot@mail.ru

Аннотация: Через судьбу Людмилы Абрамовой, родившейся в Харбине, прожившей 40 лет в Китае и переехавшей в СССР в ходе массовой репатриации русского населения Маньчжурии в 1950-х гг., отражаются особенности жизни эмигрантов в Северной Маньчжурии в межвоенный период: вовлечение молодежи в различные, в том числе фашистские, организации, работа в органах Маньчжоу-Ди-Го, стратегии выживания, мотивы репатриации, адаптационные практики репатриантов, гендерные аспекты – такие, как роль жены политического деятеля, участие эмигранток в общественных организациях. Обращение к персонализированной истории связано с тем, что в исследованиях по русской эмиграции в Маньчжурии остается немало мифологем, искажающих представление о жизни и деятельности эмигрантов. Авторам пришлось столкнуться с проблемой реконструкции биографии «маленького» человека при отсутствии содержательных эго-документов (мемуаров, писем, дневников), поэтому исследовательской задачей стало использование антропологического подхода, микро- и макроанализа, историко-биографического и историко-сравнительного методов. Исследование основано на неопубликованных материалах Государственного архива Хабаровского края и Исторического архива Омской области с привлечением мемуаров и дневников бывших харбинцев, а также материалов устной истории.

Ключевые слова: гендерная история, русская эмиграция, репатриация, практическая генеалогия, КВЖД, советский театр

Для цитирования: Кротова М.В., Петин Д.И. Судьба харбинской репатриантки в зеркале антропологии: Людмила Абрамова (1914–2002) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2023. Т. 22. № 1. С. 110–124. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-1-110-124>

The Fate of Harbin Repatriate in the Mirror of Anthropology: Liudmila Abramova (1914–2002)

Mariia Krotova ^a , Dmitrii I. Petin ^b

^a St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia

^b Omsk State Technical University, Omsk, Russia

 mary_krot@mail.ru

Abstract: The research is devoted to repatriate Lyudmila Maksimilianovna Abramova (1914–2002) who was born in Harbin, lived in China for 40 years and moved to the USSR during the mass repatriation of the Russian population of Manchuria in the 1950s. Through the fate of Liudmila Abramova

the authors attempt to reflect the peculiarities of the life of the emigrants in Northern Manchuria in the interwar period. They include the involvement of young people in fascist organizations, work in the Manchukuo authorities, survival strategies, repatriation motives, adaptation practices of repatriates, gender aspects – such as the role of a politician's wife, the participation of women in public organizations. The appeal to the personalized history is due to the fact that in the history of Russian emigration in Manchuria there are many mythologemes that distort the idea of the life and activities of emigrants. In addition, the authors had to face the problem of reconstructing the biography of a “little” person in the absence of ego documents (memoirs, letters, diaries); therefore, the research task was the use of the anthropological approach, micro- and macroanalysis, historical-biographical and historical-comparative methods. The article is based on unpublished archival documents involving memoirs and diaries of former Harbin residents and oral history materials.

Keywords: gender history, Russian emigration, repatriation, practical genealogy, Manzhou-go, China Eastern Railroad, Harbin, Soviet theater

For citation: Krotova, Mariia, and Petin, Dmitrii. “The Fate of Harbin Repatriate in the Mirror of Anthropology: Liudmila Abramova (1914–2002).” *RUDN Journal of Russian History* 22, no. 1 (February 2023): 110–124 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-1-110-124>

Введение

Беспрецедентные военно-политические процессы, имевшие место как в мире, так и в России, в течение XX в., стали причиной масштабных общественных трансформаций, кардинально изменивших судьбы миллионов наших соотечественников. Уникальным явлением времени стал очаг русской цивилизации в Северной Маньчжурии с центром в Харбине. Существовая более полувека, он сменил ряд статусов: от центра полосы отчуждения КВЖД на территории, арендованной у Китая, до части Китайской республики, Маньчжоу-Го и КНР. Представители русского населения в Маньчжурии также меняли свой статус: им довелось быть подданными Российской империи, эмигрантами, советскими гражданами или подданными Китая. Для диаспоры русских в Северном Китае, как и для российского государства, в целом, рубежным событием стали последствия Революции 1917 г. и Гражданской войны, вылившиеся в массовый исход. Несмотря на богатую традицию изучения этого вопроса как в России, так и за рубежом¹, многие аспекты, такие, как история русского фашизма в Маньчжурии, гендерные проблемы, особенности репатриации и реэмиграции, остаются все еще недостаточно осмысленными представителями исторической науки. Кроме того, существует немало политизированных мифологем, противоречивых концепций, затрудняющих восприятие исторических реалий русской Маньчжурии.

Изучение событий прошлого сквозь призму человеческой личности в академических исследованиях сегодня особенно актуально. Историки обратили внимание на жизнь человека во всех ее проявлениях, появился запрос на истории судеб простых людей, деталей и подробностей их жизни и стратегий поведения. Практика

¹ *Аблажей Н.Н.* С востока на восток. Российская эмиграция в Китае. Новосибирск, 2007; *Аурилене Е.Е.* Русская эмиграция в Маньчжурии на рубеже 1920-х – 1930-х гг.: «Харбинский комитет помощи русским беженцам считает своим долгом...» // *ЭНОЖ История*. 2020. Т. 11. № 2 (88), <https://doi.org/10.18254/S207987840008739-1>; *Наземцева Е.Н.* Русская эмиграция в Китае: попытки и проблемы объединения в 1920–1940-е гг. // *ЭНОЖ История*. 2021. Т. 12. № 2 (100), <https://doi.org/10.18254/S207987840014182-9>; *Смирнов С.В.* Русские эмигранты в Маньчжурии и японский новый порядок: крушение надежд // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10. № 2. С. 440–454, <https://doi.org/10.15826/qr.2022.2.680>; *Hohler S.* Fascism in Manchuria: the Soviet-China encounter in the 1930s. London, 2016; *Gamsa M.* Harbin: A Cross-Cultural Biography. Toronto, 2020; *Gruner F.* Russians in Manchuria: From Imperial to National Identity in Colonial and Semi-Colonial Space // *Crossing Boundaries: Ethnicity, Race and National Belonginess in a Transnational World*. Lanham, 2013. P. 183–205; *Manchester L.* Fusing Russian Nationalism with Soviet Patriotism: Changing Conceptions of Homeland and the Mass Repatriation of Manchurian Russians after Stalin's Death // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Summer 2019. Vol. 20. № 3. P. 529–558.

«индуктивного выхода» дает возможность широкой репрезентации и более взвешенной оценки событий, лишенных ангажированности и клишированных форм². Более глубокое изучение военно-политических и общественных процессов, явлений через обращение к персонифицированной истории становится возможным благодаря историко-биографическим (генеалогическим) исследованиям, представляющим человека на фоне эпохи и эпоху на примере его судьбы. Исследована судьба харбинской репатриантки Людмилы Максимилиановны Абрамовой, уроженки Харбина, прожившей 40 лет в Китае и переехавшей в СССР в ходе массовой репатриации русского населения Маньчжурии в 1950-х гг.

В 2012 г. сотрудники Исторического архива Омской области Ю.Н. Ефремова и Д.И. Петин подготовили короткометражный документально-публицистический фильм «Владимир Абрамов: путь белого офицера» о сложной и неоднозначной жизни супруга Л.М. Абрамовой³. Но биография Людмилы Максимилиановны, затронутая в киноленте лишь фрагментарно, оказалась не менее значима. Реконструкция непростой женской судьбы стала возможной благодаря обращению к комплексу источников, преимущественно из фондов Государственного архива Хабаровского края и Исторического архива Омской области. В его основе – анкеты, заполненные Абрамовой в период проживания в Северной Маньчжурии в 1930–1940-е гг. и в 1964 г., мемуары, интервью ее сына – советского и российского театрального артиста Игоря Владимировича Абрамова. Вспомогательную роль сыграли анкеты родителей, брата и мужа Людмилы Абрамовой.

Теоретическая основа исследования – антропологический подход, историко-биографический и проблемно-хронологический методы. Вместе с тем важен факт: Л.М. Абрамова была замужем за бывшим офицером Белой армии, служившим в антибольшевистских и японо-маньчжурских спецслужбах, а затем в милитаризированных политических организациях. Таким образом, женщина приняла для себя традиции военной культуры. Это позволяет использовать в методологическом плане военную антропологию.

При подготовке статьи встал вопрос о репрезентативности источников и их верификации, а именно можно ли при отсутствии содержательных эго-документов (мемуаров, дневников, автобиографии, корреспонденции) реконструировать биографию простого «маленького» человека. Поэтому помимо комплекса архивных материалов для воссоздания биографии были применены историко-типологический и историко-сравнительный методы, чтобы восполнить лакуны в харбинский период жизни Абрамовой с помощью мемуаров и дневников бывших жителей Маньчжурии. Мы обращаем внимание на то, что личность Абрамовой сформировалась в особой культуре «русской Маньчжурии» с ее бытовыми привычками, традициями, отношением к труду, которые отличались от советских реалий. Репатриация в СССР обнажила эти различия, что тоже анализируется в исследовании.

Счастливая дочь «кавежединца»

Как сообщает выпись из метрической книги Градо-Харбинского Свято-Николаевского собора, сделанная на основании актовой записи от 13/26 февраля 1914 г., Людмила Абрамова появилась на свет 7/20 февраля 1914 г. в православной семье. Родителями девочки были дворянин Киевской губернии Максимилиан Николаевич Терешкевич (17 июля 1870 г., Липовец, Киевская губерния – 1948 г., Хар-

² См.: Кром М.М. «Методы» и «подходы»: происхождение и эволюция ключевых понятий современного исторического дискурса // Новое прошлое = The New Past. 2021. № 4. С. 92–108.

³ Бородин Г.Ю., Петин Д.И. «Гражданская война: судьбы и лица»: первые результаты проекта // Отечественные архивы. 2013. № 1. С. 128–129.

бин) и его законная жена Анастасия Архиповна ([1893] г. Павлоградский уезд Екатеринославской губернии – Омск, 1979 г.)⁴. Впоследствии в анкетах и автобиографии Людмила Максимилиановна называла датой своего рождения 20 декабря 1913 г.⁵ Найти объяснения разночтению не представилось возможным. По свидетельству И.В. Абрамова, она всегда отмечала день рождения именно 20 декабря.

В анкете Бюро по делам российской эмиграции в Маньчжурской империи (БРЭМ) Максимилиан Терешкевич сообщал, что в 1872 г. он с родителями переехал в Санкт-Петербург, где его отец служил приставом окружного суда. В 1889 г., окончив Гатчинский институт императора Николая I, юноша начал службу. Некоторое время жил в Минске, будучи чиновником в акцизном управлении. В 1903 г. М.Н. Терешкевич прибыл в Северную Маньчжурию, где служил на КВЖД до 1929 г. в должностях конторщика и счетовода на Западной и Восточной линиях дороги, станции Мяндухэ, в Харбине на главном топливном складе. Был уволен по сокращению штатов. Как служащий КВЖД, Максимилиан Николаевич получил в 1927 г. советский паспорт, но в 1934 г. вместе с женой и детьми перешел в «эмигрантское состояние»⁶. Уйдя с КВЖД, Максимилиан Терешкевич занимался домашним хозяйством⁷. Как свидетельствует И.В. Абрамов, будущая супруга Максимилиана Терешкевича – Анастасия Костина – была дочерью отставного подпрапорщика 1-го железнодорожного батальона Заамурской пограничной стражи, оставшегося крестьянствовать на станции Мяндухэ (проживал там до 1937 г.). В Харбине родители Л. Абрамовой встретились, к 1913 г. заключили брак⁸.

Спустя четыре года после появления на свет дочери, 28 марта 1918 г. у супругов Терешкевичей родился сын. Жизнь Людмилы и ее брата на рубеже 1920–1930-х гг. складывалась во многом традиционно для русской молодежи Харбина. О достойном статусе и определенном материальном благополучии семьи говорит то, что Людмила в 1921 г., 7 лет от роду, была определена в Харбинскую русскую частную гимназию Я.А. Дризуля. Как следует из выданного гимназией свидетельства от 20 августа 1931 г., 17-летняя Людмила Терешкевич достаточно успешно окончила полный курс наук. Девушка обладала широким кругозором, проявив также прилежание к учебе. Из 21 предмета 12 были аттестованы оценкой «отлично». Наилучшие знания выпускница показала по точным и естественным наукам, Закону Божьему и английскому языку⁹. Ее брат Евгений в 1926–1928 гг. учился в 4-й железнодорожной школе, занимался с репетиторами, экстерном сдал экзамены в той же гимназии¹⁰.

Заметим, члены семьи Терешкевичей не считались эмигрантами (поскольку не бежали и не выезжали из России), они относились к «коренному населению» Маньчжурии, которое отличалось прочным и устойчивым бытом, жили в «патриархальном царстве Хорватии, в уютных гнездах, свитых старожильским привольем»¹¹. Эмигранты-беженцы, прибывавшие в Харбин в начале 1920-х гг., поразились уровню жизни местного населения:

⁴ ГИАОО. Ф. Р–3693. Оп. 2. Д. 2. Л. 1–2.

⁵ ГАХК. Ф. Р–830. Оп. 3. Д. 46876. Л. 6; ГИАОО. Ф. Р–3693. Оп. 2. Д. 1. Л. 1.

⁶ ГАХК. Ф. Р–830. Оп. 3. Д. 47009. Л. 1, 1об., 3об., 4–6.

⁷ Там же. Д. 47007. Л. 7.

⁸ Абрамов И. Стезя. Омск, 2012. С. 6, 125, 234; ГАХК. Ф. Р–830. Оп. 3. Д. 47007. Л. 4 об.

⁹ ГИАОО. Ф. Р–3693. Оп. 2. Д. 4. Л. 4–5.

¹⁰ ГАХК. Ф. Р–830. Оп. 3. Д. 47007. Л. 1об., 4 об., 5 об., 7.

¹¹ Гинс Г.К. Харбин, эмиграция и культура // Заря. 1938. 10 июля. № 180. С. 2. – «Хорватией» называли полосу отчуждения КВЖД по имени первого Управляющего дорогой с 1903 по 1918 гг. генерала Д.Л. Хорвата (прим. М.К., Д.П.).

Все тут живут великолепно, сыто и, что называется, без хлопот и забот <...> Тут живут так, как будто ничего и не произошло¹².

Революция и Гражданская война их практически не коснулись, поэтому именно старожилы – «кавежедеки» или «кавежединцы»¹³ – с легкостью принимали (восстанавливали) советское гражданство, не считая это чем-то ненормальным и постыдным. Судя по мемуарам других детей старожил, детство их было вполне безмятежным и счастливым, протекавшим в уютной и радостной атмосфере, наполненной ритуалами и праздниками¹⁴. И.В. Абрамов утверждает, что по воспоминаниям старших,

до японской оккупации в Харбине хорошо жилось тем, кто работал на железной дороге: у них была высокая зарплата, а по достижении преклонного возраста им назначались пенсии, обеспечивавшие достойную жизнь, и давали выходное пособие, на которое можно было купить дом¹⁵.

Многие эмигранты в мемуарах вспоминали именно «благополучную», пусть не очень богатую, жизнь, даже и «при японцах», когда ситуация в Харбине и Маньчжурии изменилась с образованием Маньчжоу-Го.

В рядах радикальной партии

18-летняя Л. Терешкевич в 1932 г. вступила в ряды Всероссийской фашистской партии (ВФП) и в состав Национального объединения русской молодежи (НОРМ)¹⁶. По понятным причинам позднее, живя в СССР, она не упоминала о своем участии в этих организациях. О русском фашизме в Китае есть значительный пласт литературы с самыми противоречивыми оценками этого явления, но нельзя упускать из вида важное обстоятельство, а именно его оппозиционную логику. Фашистское движение в Северной Маньчжурии, как и в Италии и Германии, представляло собой одно из пореволюционных течений русской эмиграции. Оно возникло как антикоммунистическое, идеалом русских фашистов было государство, основанное на православной вере и социальной справедливости – «за спасение России, против атеизма и интернационализма на основе национализма». Русское фашистское общество было создано в Харбине еще в 1925 г. в студенческой среде, в противовес комсомольской организации. Оно провело ряд антикоммунистических акций, но к началу 1930-х гг. внутри общества произошел раскол. В 1931 г. была организована Российская фашистская партия (ее генеральный секретарь – К.В. Родзаевский – печально известная фигура русской эмиграции в Китае). В 1934 г. организацию переименовали во Всероссийскую фашистскую партию, внутри которой возникли женское, юношеское и детское движения. В числе причин участия женщин в праворадикальном движении выделяются антисоветские настроения, присущие значительной части эмигранток, которые

легко воспринимали идеи фашизма, поддерживаемые их отцами, мужьями и братьями. Им казалось, что эти идеи в состоянии остановить развитие мирового коммунистического движения¹⁷.

¹² Ильин И.С. Дневник. Запись от 10 февраля 1920 г. // ГАРФ. Ф. Р–6599. Оп. 1. Д. 8. Л. 5.

¹³ Так в Северной Маньчжурии называли служащих КВЖД.

¹⁴ Горшенева В. Прошлое не отменяется! М., 2007. С. 9–11; Яроцкая Ю.А. Русская культура и русское искусство в воспоминаниях о детстве и юности в Харбине // Любимый Харбин – город дружбы России и Китая. Харбин – Владивосток, 2019. С. 191–199.

¹⁵ Абрамов И. Стезя. Омск, 2012. С. 4, 8.

¹⁶ ГАХК. Ф. Р–830. Оп. 3. Д. 46876. Л. 6.

¹⁷ Сергеев О.И., Лазарева С.И. Женщины-эмигрантки в пореволюционных общественно-политических движениях российской эмиграции в Китае в 1920–30 годы XX в. // Китай в Северо-Восточной Азии: история и современность. Владивосток, 1999. С. 168.

Создание ВФП совпало с захватом Маньчжурии Японией и возникновением в 1932 г. на оккупированной территории государства Маньчжоу-Го. Часть русских общественных организаций в Маньчжурии стали ориентироваться на японскую администрацию, подчеркивая свой милитаристский и антикоммунистический характер. Особая ставка делалась на русскую молодежь – наиболее активную категорию, подверженную в силу возраста идеологическому и политическому влиянию. Представители молодого поколения, в свою очередь, рассчитывали использовать членство в таких организациях, открывавшее возможности карьерных и жизненных перспектив. Чтобы понять мотивы прихода Л. Терешкевич в праворадикальное движение, обратимся к мемуарам А.С. Ивельского, вступившего в ВФП в 1934 г. в Харбине по рекомендации В.С. Абрамова, будущего мужа Люмилы. Он объяснял, что вступил в партию, «увидев активность фашистской организации», «самой большой <...> в Харбине. Живые идеи этой организации привлекали людей»¹⁸. В личном деле Ивельского в БРЭМ содержится типовое прошение:

Разделяя вполне идеологию и тактику Русской Фашистской партии, настоящим ходатайствую о включении меня в число ее членов. По вступлению в партию обязуюсь выполнять все распоряжения подлежащих высших органов ее и соблюдать необходимую конспирацию¹⁹.

Л. Терешкевич стала дополнительно изучать японский язык. Об активной деятельности девушки свидетельствует следующий факт: с марта 1932 г. по июль 1934 г. она была секретарем НОРМ²⁰, оставив эту должность, по всей видимости, по личным мотивам (об этом далее). При регистрации в БРЭМ 12 февраля 1935 г. Людмила Максимилиановна указала свою профессию «конторщица, кассирша»; политические убеждения – «монархистка». Брат Людмилы Евгений Терешкевич, также зарегистрированный в БРЭМ, в 1934–1936 гг. состоял в Национальной организации русских разведчиков и ВФП²¹. Причиной недолгого членства молодого человека в названных структурах послужило начало трудовой деятельности электромонтером и самостоятельной семейной жизни²².

К 1934 г. число членов ВФП в Харбине достигло 2 тыс. чел., по Маньчжурии – 6 тыс. чел.²³. Но в переписке эмигранты приводят иные цифры. Так, генерал Г.А. Вержбицкий в письме А.П. Воробчуку от 4 сентября 1934 г. сообщал:

Русский фашизм – нездоровое явление русского зарубежья, вернее, Дальнего Востока. <...> Здесь (в Харбине. – М.К., Д.П.) их около 500. Не нужно закрывать глаза и на то, что значительная часть молодежи, разочарованная пассивностью русской общественности, пошла за кричащими лозунгами... фашизма. <...> «Деятельность» – доносы на все русское и разложение²⁴.

И если молодежь воспринимала фашистскую организацию как возможность реализации и социализации (кружки, занятия спортом, военная подготовка, возможность трудоустройства, организация праздников), то старшее поколение весьма скептически смотрело на «забавы» фашистов, считая их чем-то несерьезным и вред-

¹⁸ Архив ДРЗ им. А.И. Солженицына. Ф. 1. Всероссийская мемуарная библиотека. Оп. 1. Д. М–198. Л. 18.

¹⁹ ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 17887. Л. 6.

²⁰ Там же. Д. 46876. Л. 6.

²¹ Там же. Д. 47007. Л. 5 об.

²² Там же. Д. 46876. Л. 9.

²³ *Родзаевский К.В.* Отчет о моей 20-летней антисоветской деятельности // Кентавр. 1993. № 3. С. 109.

²⁴ Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Rare Book and Manuscript Library, Columbia University (BAR). Vorobchuk collection. Box #1.

ным. Эмигрант В.А. Морозов в воспоминаниях называл фашистскую организацию в Маньчжурии «противной русскому духу» и «русским национальным интересам», полностью зависимой от японцев. О руководстве фашистов Морозов писал: «Одна молодежь, ни одного солидного, серьезного человека», методы фашистов беспринципны – «шантаж, выколачивание денег из зажиточных эмигрантов», а ее «полупреступная деятельность» отталкивала от себя «серьезных людей из эмиграции». Отношение эмиграции к ВФП, по мнению Морозова, было настороженное из-за неясности того, какой фашисты видят будущую Россию:

Если без царя, то тогда это напоминало большевиков. Поэтому фашисты скоро сделали вид, что они монархисты, повесили у себя портреты императорской семьи и Николая II. Но эти маневры не сумели завоевать симпатий эмиграции. Их терпели, но «своими» не считали²⁵.

Австралийский ученый Томас Пул, анализируя причины популярности русских фашистов в Маньчжурии, считает, что они «эксплуатировали чувства отчаяния, унижения, беспомощности и тоски по родине русских эмигрантов», и ключевыми понятиями фашистов были «авторитарное государство, харизматичный лидер и национальный дух»²⁶. Девизом ВФП был «Бог, нация, труд», значком – сочетание свастики и двуглавого орла, приветствием – поднятие вверх правой руки и возглас «Слава России», партийным гимном – стихотворение «Подымайтесь, братья, с нами!» на мотив «Преображенского марша»²⁷. Не случайно многие фашисты во второй половине 1930-х гг. стали симпатизировать политике И.В. Сталина по «восстановлению великодержавности», а во время Второй мировой войны перешли на просоветские позиции, в том числе – муж героини статьи В.С. Абрамов.

Жена и мать

Участие Л. Терешкевич в общественно-политических организациях Харбина стало судьбоносным. В те же годы на службе в ВФП находился белоэмигрант В.С. Абрамов, также изучавший на курсах язык Страны восходящего солнца. В его жизни отразились коллизии эпохи. Представитель обеспеченной семьи личного почетного гражданина Москвы, будучи студентом Томского технологического института, он летом 1918 г. добровольно вступил в Сибирскую армию, в качестве юнкера-артиллериста участвовал в боях под Пермью. Впоследствии получив чин офицера, в Омске являлся сотрудником осведомительного аппарата белых спецслужб. Оказавшись в плену при отступлении антибольшевистских сил, бывший прапорщик Абрамов попал на службу в РККА. За участие в карательной операции Белой армии состоял в 1920–1921 гг. под арестом и следствием по линии Томской губЧК. Выйдя на свободу по амнистии, В.С. Абрамов безуспешно пытался заниматься в Томске коммерческой деятельностью. Нелегально перейдя границу в 1924 г., он обосновался в Харбине.

Важная деталь: знакомство Людмилы Терешкевич с В.С. Абрамовым произошло на фоне переживания им крупных неурядиц личной жизни: потеря работы, разрыв с первой женой и детьми, уехавшими в 1933 г. в СССР. В среде членов ВФП и БРЭМ будущий муж Людмилы, как видно, обрел поддержку в лице ряда антисоветски настроенных эмигрантов (И.А. Михайлова, К.В. Родзаевского и др.). С 1935 г. в течение десяти лет В.С. Абрамов прослужил в Особом отделе «Киовакай» – про-

²⁵ РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 5. Д. 12. Л. 62, 73.

²⁶ Пул Т. Русские фашисты в Квисленде (1935–1945) // Русская эмиграция и фашизм: статьи и воспоминания. СПб, 2011. С.156–178.

²⁷ Стефан Д. Русские фашисты. Трагедия и фарс в эмиграции. 1925–1945. М., 1992. С. 97.

японской националистической организации²⁸. Его деятельность на этом поприще была отмечена маньчжурскими наградами²⁹.

Мать Людмила Максимилиановны категорично не приветствовала выбор своей дочери, не желая отпускать ее из родительского дома. У В. Абрамова была далеко не безупречная репутация: некоторое время он являлся комиссионером и за вознаграждение занимался «устройством дел». По обвинению в мошенничестве он арестовывался полицией Харбина³⁰.

Нелестно об избраннике молодой девушки отзывался эмигрант Н.А. Мартынов:

Владимир Абрамов был до Киовака в фашистской партии, потом оттуда вышел, а некоторые говорили, что его исключили – малоразвитый человек с нетвердыми моральными принципами и устоями, легкомысленный, честолюбивый человек, любящий деньги³¹.

Невзирая на такие факты и протест матери, Л. Терешкевич проявила твердость характера и в 1934 г. вышла замуж за Абрамова. 18 июня 1935 г. у них родился сын Игорь³².

Трехкомнатная квартира Абрамовых в одноэтажном кирпичном доме была съемным жильем. Игорь Абрамов вспоминал:

Мой отец <...> был достаточно высокопоставленным служащим, благодаря чему мы ни в чем не нуждались, но, тем не менее, он не мог себе позволить жить где-нибудь в центре города, в большом каменном доме, в хорошей квартире со всеми удобствами. Мы жили в непрестижном районе, в Сунгарийском городке, в просторечье именуемом Нахаловкой³³.

Бывшая харбинка Наталья Лалетина, которая часто бывала в 1930-х гг. в Нахаловке в гостях у своего крестного, оставила воспоминания об этом районе Харбина:

Болотная улица вполне оправдывала свое название: она была настолько грязной и болотной, что идти по дощатым шатким тротуарам было небезопасно³⁴.

С хозяином дома, китайцем, у Абрамовых сложились добрые отношения, Людмила Максимилиановна учила его сына, за это семья не платила за съем жилья. И. Абрамов также отмечал:

Факт японской оккупации внешне никак не проявлялся <...> на бытовом уровне никакого антагонизма не наблюдалось, скорей напротив: мы мирно общались с японцами и даже дружили. Хотя, получается, в одном дворе с нами жили две семьи оккупантов³⁵.

Мемуары эмигрантов Маньчжурии сходятся в том, что и при японцах жизнь «шла своим чередом, как будто все оставалось более или менее по-старому», и только во время войны эмигранты почувствовали «тяжелую руку японских завоевателей»³⁶.

²⁸ Киовакай (японский вариант – Сехэхой) – «Общество согласия и мирного сотрудничества народов Маньчжурской империи» создано в 1932 г. в Маньчжоу-Го как государственная общественная организация для объединения многонационального населения страны в «гармоничный целостный организм». В Киовакай должны были вступить все граждане страны, достигшие 20 лет. Общество имело в своей структуре русский сектор.

²⁹ Петин Д.И., Ефремова Ю.Н. Источниковый потенциал семейных архивов в реконструкции биографии и генеалогии участника Гражданской войны. На примере архива семьи Абрамовых. Первая половина XX в. // Вестник архивиста. 2013. № 1. С. 221–227.

³⁰ Харбинское обозрение. 1932. 15 апреля. № 90. С. 3.

³¹ Мартынов Н.А. О жизни и политических событиях в Харбине, в Маньчжурии и на Дальнем Востоке за период 1923–1948 гг. // Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Rare Book and Manuscript Library, Columbia University (BAR). N.A. Martynov collection. Box #1.

³² ГИАОО. Ф. Р–3693. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.

³³ Абрамов И. Стезя. Омск, 2012. С. 7.

³⁴ Николаева Н. Японцы. Рига, 2019. С. 110.

³⁵ Абрамов И. Стезя. Омск, 2012. С. 7.

³⁶ Рачинская Е. Перелетные птицы. San Francisco, 1992. С. 42.

Профессиональный статус и общественное положение супруга были достаточно высокими, и молодая женщина была вовлечена в светский круг общения, который можно назвать элитарным по отношению к основной массе русской эмиграции. Подруг в дом Л.М. Абрамова не приглашала. Зато в доме Абрамовых тогда по праздникам бывали известные белоэмигранты: генералы А.П. Бакшеев, В.А. Кислицын и др., а также высокопоставленный сотрудник японских спецслужб Р. Като – начальник Особого отдела Бинцзянского штаба Киовакай и советник БРЭМ. Но, по словам И.В. Абрамова, эти встречи носили характер официозного «церемониального» общения. При этом Людмила Максимилиановна позднее утверждала, что ничего конкретного о службе Владимира Семеновича (даже чина в белой армии) не знала. Вряд ли это так. В.С. Абрамов был слишком заметной фигурой в Харбине 1930-х гг., непременно участником собраний, банкетов и съездов, организатором крупных мероприятий. В 1939 г. он был назначен представителем Киовакай в БРЭМ. В этом качестве он стал одним из организаторов проведения Дня Анτικοминтерна в Харбине.

Спустя некоторое время после рождения ребенка в 1935 г. молодая женщина вернулась к общественной деятельности, каковая теперь соответствовала служебному положению ее супруга. По традиции жены всех высших чинов прояпонских организаций должны были исполнять определенные общественные обязанности. В октябре 1939 г. был организован Русский сектор харбинского штаба женской организации содействия государственной обороне Маньчжоу-Ди-Го (Кокубоо-Фудзинкай). Председательницей этой организации стала супруга начальника БРЭМ О.В. Кислицына. Харбин был разбит на 4 района: Пристанский, Новгородский, Модягоу и Сунгарийский городок. Л. Абрамова была назначена начальницей Сунгарийского городка³⁷, входила в правление этой организации, была знаменосцем Русского сектора. По долгу общественной работы она принимала участие во всех антикоммунистических митингах, демонстрациях, иных протокольных мероприятиях. О характере ее общественной деятельности свидетельствуют приглашения на собрания и торжества, а также письма, адресованные ей, сохранившиеся в архиве БРЭМ. Как начальница района Л.М. Абрамова должна была с началом «Великой восточноазиатской войны» в 1941 г. организовывать помощь воинам и их семьям: собирать средства, заботиться о раненых, устраивать концерты для солдат, готовить им угощение, посылать подарки, починять белье, чтить память погибших героев и пр.³⁸

Перемена участи

«11 счастливых лет» – так называла Людмила Максимилиановна годы жизни со своим супругом. Август 1945 г. стал переломным для жизни русской диаспоры Северного Китая, особенно это касалось тех, кто имел связи с оккупационными властями. И.В. Абрамов подчеркивает:

Мы все стали гражданами СССР. Хорошо помню, как из Харбина тихо исчезли японцы, тихо-тихо, их в одну ночь словно сдуло: вчера были, а сегодня мы проснулись – их уже нет. <...> Моего отца сразу же арестовали. Он ушел из дома и не вернулся, и в течение девяти лет мы о нем ничего не знали³⁹.

В тот же день Игорь Абрамов выбросил по указанию матери в выгребную яму служебные документы, награды и пистолет отца. В СССР отец мемуариста был приговорен к 10 годам лишения свободы, отбывал наказание в Красноярском крае⁴⁰.

³⁷ ГАХК. Ф. Р–830. Оп. 3. Д. 46876. Л. 8.

³⁸ Великая Маньчжурская империя. Харбин, 1942. С. 220.

³⁹ Абрамов И. Стезя. Омск, 2012. С. 21, 22.

⁴⁰ Петин Д.И., Ефремова Ю.Н. Источниковый потенциал семейных архивов в реконструкции биографии и генеалогии участника Гражданской войны. На примере архива семьи Абрамовых. Первая половина XX в. // Вестник архивиста. 2013. № 1. С. 228.

По свидетельству Н.А. Мартынова, он предлагал В.С. Абрамову как старшему сотруднику Особого отдела Кюовакай уехать на юг с японцами и тем самым избежать ареста. Но тот, как и многие другие высшие чины БРЭМ, поддался обаянию советской пропаганды о стирании различий между эмиграцией и СССР и поверил лозунгу тех лет «Советское правительство все прощает и все забывает». Мартынову он возразил:

Всегда Вы так, Н.А., говорите несурзости. Я вот только что говорил с некоторыми совработниками, которые настроены антибольшевистски, и вот они-то и говорят об изменении отношения совруководства и здесь, и там, в СССР к эмигрантам⁴¹.

По словам Мартынова, Абрамов остался в Харбине. По прибытии РККА он «явился к ним с приветствием» и в числе многих других был арестован⁴². Можно представить себе чувства оставшейся «соломенной вдовой» Л. Абрамовой. Но ее подписи нет под коллективным письмом на имя И.В. Сталина от 18 июня 1946 г. от родственников лиц, арестованных и вывезенных в СССР (всего подписалось 769 чел.)⁴³.

О судьбе оставшихся эмигрантов можно судить по различным источникам. По указу Президиума Верховного Совета СССР от 10 ноября 1945 г. эмигранты в Маньчжурии смогли обрести подданство СССР. К концу 1946 г. там насчитывалось 60 514 чел. советских граждан⁴⁴. Л. Абрамова также получила («восстановила») советское гражданство, адаптируясь к изменившейся внутривосточной ситуации. «Новосоветских» граждан объединили в Общества граждан СССР (ОГС), заменившие эмигрантские организации. Но, по мнению советских консулов, такие эмигранты не считались «своими», не сумели «усвоить» новой идеологии и представляли собой «сырой материал», требующий большой «культурно-просветительной работы» для превращения их в «сознательных граждан СССР»⁴⁵. Для этого при ОГС в Харбине создавали клубы с библиотеками и кружками самодеятельности, где читались лекции и доклады на политические темы, но «вытравить» бытовые привычки, представления о старой морали, религиозность так и не удалось.

С уходом советских войск из Маньчжурии в апреле 1946 г. в Китае разгорелась гражданская война, фактически разделив Маньчжурию на две зоны. Северная и северо-восточная часть оказалась в руках Народно-демократической армии Китая, южная – под контролем Гоминьдана. Социально-экономическое положение русского населения стало крайне тяжелым. Власти Китая не могли стабилизировать ситуацию. Юани, сменившие маньчжурские гоби, стремительно обесценивались: в 1946–1947 гг. 1 рубль равнялся 200 юаням; в конце 1948 г. – 4 166 юаням⁴⁶, причем зарплаты рассчитывали по прежнему курсу. Из-за скачков цен на местном рынке возник дефицит продовольствия. Начался голод. Е. Рачинская описывала ситуацию так:

То исчезал сахар, то не было жиров; то вводилась казенная выпечка хлеба и он превращался во что-то совершенно несъедобное. Были «холодные» зимы – когда трудно было с углем и дровами. Была зима без света: мы сидели с какими-то коптилками, а электричество было дано нам в виде особой милости только на три дня нового года. Во многих домах перестал работать водопровод, полопалась канализация, остановилось центральное отопление... Жизнь становилась все тяжелее и тяжелее, и морально, и физически⁴⁷.

⁴¹ Мартынов Н.А. О жизни и политических событиях...

⁴² Там же.

⁴³ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 869. Л. 62–68.

⁴⁴ АВП РФ. Ф. 100. Оп. 34. П. 132. Д. 48. Л. 58–59.

⁴⁵ Там же. Л. 60.

⁴⁶ РГАЭ. Ф. 413. Оп. 24. Д. 6640. Л. 1.

⁴⁷ Рачинская Е. Перелетные птицы. Воспоминания. Посвящается Харбину и харбинцам. San Francisco, 1982. С. 90–91.

Людмила и Игорь Абрамовы вынуждены были переехать из Харбина в русскую деревню Покровка, где в то время жил Е. Терешкевич, который помог сестре и племяннику в обустройстве и выживании⁴⁸. Некоторый период средством заработка на жизнь семьи было изготовление выпечки, которую сдавали в торговый дом Чурина.

Вспоминая о детстве и юности, И.В. Абрамов говорит, что мать его всегда старалась выглядеть опрятной, хорошо одетой, к сыну не была строга, не наказывала сурово за проступки. Она отличалась большой заботой и стремлением дать ребенку необходимое и лучшее, даже в самое тяжелое время. Видя стремление мальчика к театру, она водила его на все детские постановки, они были записаны в две библиотеки, где Игорь перечитал все книги и журналы. Как отметил Игорь Владимирович, в их семье до прихода в 1945 г. советских войск поддерживались христианские традиции, каковые впоследствии пришлось нивелировать. Свою мать на рубеже 1940–1950-х гг. он характеризует как уравновешенную, замкнутую, далекую от политики женщину, которая из-за опасений ничего не вспоминала вслух о муже, хотя сильно тосковала по нему.

В анкете 1964 г. Людмила Максимилиановна лаконично напишет об этом периоде:

С 1946 по 1948 гг. имела случайную работу. В 1948 г. уехала в Тооген⁴⁹, где работала в школе преподавателем. В 1949 г. вернулась в Харбин и поступила на КЧЖД в депо, а в октябре 1950 г. перешла работать в 1-ю Советскую среднюю школу (где учился ее сын. – *М.В., Д.П.*). В 1954 г. поступила преподавательницей в китайский институт, оттуда ушла из-за отъезда на Родину⁵⁰.

В эти годы Л. Абрамова повысила свой образовательный уровень: в сентябре 1952 г. окончила полный курс технического черчения при районном Сунгарийском клубе Общества граждан СССР, а через год – курсы по подготовке преподавания русского языка Учебно-технического совета при Комитете Союза советской молодежи северо-востока КНР⁵¹. Преподавательскую работу Л. Абрамова успешно совмещала с активной общественной и культурно-просветительской деятельностью (в чем-то схожей с тем, чем она занималась за 10 лет до этого). Она являлась секретарем ревизионной комиссии 5-го Сунгарийского местного отделения, состояла в кружке художественной самодеятельности клуба Сунгарийского района. Поощрялась грамотами, в том числе по линии Центрального правления ОГС⁵². Ее сын Игорь тогда решил стать артистом театра. Людмила Максимилиановна одобрила это начинание, хотя считала такой профессиональный выбор лишь временным увлечением.

В апреле 1954 г. русское население Маньчжурии узнало о постановлении Совета министров СССР № 751-329с от 18 апреля 1954 г., которое разрешало въезд на территорию СССР на постоянное жительство 6 тыс. семей советских граждан, изъявивших желание покинуть КНР и планировавших работать на целине в районах Центральной и Южной Сибири, Южного Урала и в северо-западных областях Казахстана. Затраты на перевоз переселенцев брало на себя государство. Начался массовый отъезд русских из Китая в СССР поездами на целину. За 1954–1961 гг. из харбинского консульского округа выехало в СССР 19 068 чел.⁵³

⁴⁸ Абрамов И. Стезя. Омск, 2012. С. 23.

⁴⁹ Тооген – район в Северной Маньчжурии близ границы с СССР, куда во время Второй мировой войны японцы организованно переселяли русских эмигрантов.

⁵⁰ ГИАОО. Ф. Р-3693. Оп. 2. Д. 1. Л. 1.

⁵¹ Там же. Д. 4. Л. 1–3.

⁵² Там же. Д. 8. Л. 1–2.

⁵³ Аблажей Н.Н. С востока на восток. Российская эмиграция в Китае. Новосибирск, 2007. С. 198, 213.

И.В. Абрамов вспоминает:

Должен подчеркнуть: это была не депортация – все происходило на основе свободного волеизъявления. У каждого из нас был выбор: можно было уехать и не в СССР, а куда-нибудь в Австралию или Бразилию...⁵⁴

У многих харбинцев были сомнения в правильности выбора, но вескими мотивами в принятии решения о возвращении в СССР, кроме напряженной внутриполитической обстановки в Китае, были воссоединение с семьей, сохранение русской культуры и языка, будущее детей, получение ими образования. Эпизод, объясняющий географическое направление отъезда, сын нашей героини описал так:

Как-то раз во дворе нашего дома появился человек, по виду железнодорожник. Так оно и оказалось, это был работник поезда, ходившего из СССР в Китай и обратно. Он спросил, не здесь ли живут Абрамовы. Я ответил:

– Да, здесь.

– Мать замуж не вышла?

– Нет, не вышла. А что вы хотели?

Оказалось, железнодорожник привез записку от отца, из лагеря <...> Отец каким-то образом сумел договориться с этим человеком, чтобы он, когда придет в Харбин, узнал, живем ли мы еще здесь. В записке он писал только, что жив-здоров, и через год должен быть освобожден. Это для нас все и решило. <...> 3 июня 1955 г. я навсегда покинул Харбин⁵⁵.

Наша героиня получила направление в один из «районов освоения целинных и залежных земель». Министерством совхозов СССР была распределена с семьей в составе трех человек в распоряжение Бейского овцеводческого совхоза Бейского района Красноярского края⁵⁶.

44 года на театральной ниве

Поезд с репатриантами прибыл сначала в Красноярск, где благодаря усилиям театрального деятеля Ю.Л. Хороша Людмилу и ее сына в числе группы артистов-репатриантов документально переоформили из ведения Министерства сельского хозяйства СССР в ведение Министерства культуры СССР. Л. Абрамова с сыном 17 июня 1955 г. прибыли в Минусинск, где Игорь Владимирович поступил в труппу Минусинского драматического театра, а Людмила Максимилиановна получила должность администратора данного театра, проработав здесь до 1964 г.⁵⁷

В мемуарах И.В. Абрамов практически не пишет о трудностях перемены участи, возможно потому, что он был молод и полон планов на будущее. А ведь большинство репатриантов никогда не были в России, и уж тем более плохо представляли себе, как устроена жизнь в СССР. Как заметила поэтесса-репатриантка Л.Ю. Хаиндрова,

мы вернулись «домой», где никогда не жили, из дома, где родились, но никогда не считали своим домом⁵⁸.

Практически все мемуаристы соглашались с тем, что одним из самых тяжелых испытаний на вновь обретенной родине было столкновение с советским бытом, вернее, с его отсутствием, а также отношение окружающих к репатриантам как к чужакам, низкая культура, грубость и хамство, особенно при столкновении с со-

⁵⁴ Абрамов И. Стезя. Омск, 2012. С. 36.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ ГИАОО. Ф. Р–3693. Оп. 2. Д. 6. Л. 1.

⁵⁷ Там же. Д. 1. Л. 1; Абрамов И. Стезя. Омск, 2012. С. 46–48.

⁵⁸ Дземешкевич Л.К. Харбинские были. Омск, 1999. С. 168.

ветской бюрократией⁵⁹. У каждого из репатриантов были свои уроки выживания и свой опыт адаптации к новым условиям. Историк Лори Манчестер считает, что именно в СССР проявилась особая «харбинская» идентичность⁶⁰.

Начало жизни в СССР для Людмилы и Игоря Абрамовых было ознаменовано важным событием – воссоединением с главой семьи, вернувшимся из мест заключения. И.В. Абрамов об этом пишет:

У отца на руках была справка о том, что он освобожден за отсутствием состава преступления. Зачем и кому все это было нужно? Позади остался такой пласт жизни! Мне было десять лет, когда его забрали, а теперь, когда встретились, уже двадцать. Он говорил, что заключение ни коим образом не повлияет на мою судьбу <...> Главное – он вернулся. Это было для нас огромное счастье⁶¹.

Тяжелые условия лагерного быта серьезно подорвали здоровье В.С. Абрамова, вскоре он получил инвалидность 2-й группы⁶². До 1964 г. Л. Абрамова жила вместе с мужем, но вынуждена была впоследствии направить его в дом престарелых в Минусинске, переехав в Омск, чтобы помогать сыну в воспитании детей. Овдовев в 1968 г., Людмила Максимилиановна до конца дней хранила у себя небольшой архив, оставшийся от покойного супруга.

Как указывает И.В. Абрамов, жившие в Англии родственники (тетя Людмилы) присылали им журналы мод, которые затем можно было негласно перепродать в ателье, выручив за номер до 100 руб.

В Омском ТЮЗе Людмила Максимилиановна проработала с 1964 по 1999 гг. завхозом, позднее – сторожем пожарной охраны. 10 декабря 1996 г. ей было присвоено звание «Ветеран труда»⁶³. К созданию в 1989 г. Омской областной общественной организации «Омские харбинцы» Людмила Максимилиановна отнеслась равнодушно. Последние десять лет жизни в силу сложных личных отношений она мало общалась с сыном. Л.М. Абрамова ушла из жизни 31 декабря 2002 г. и была похоронена на Западном кладбище г. Омска.

Выводы

Изучив жизненный путь Л.М. Абрамовой, отметим, что особенности ее гендерной социальной и семейной роли обусловило полученное консервативное воспитание, определявшее нахождение на втором плане – в тени успешного мужа и знаменитого сына. Приоритетами для Л.М. Абрамовой были сохранение традиций и, как и для большинства женщин, семья, ставшая сосредоточием жизни. Надо заметить, что семья и в эмиграции, и в советской жизни стала спасением, стержнем в эпоху утраты ориентиров и традиционных ценностей. Несомненно, Людмила Максимилиановна была хорошей женой и матерью, обеспечив супругу возможность успешного карьерного роста, а своему единственному ребенку – шанс на достойное жизненное и профессиональное развитие. Превратности политики, потеря опоры не сломили ее, наоборот, заставили проявить такие качества, как способность к выживанию вопреки внешним обстоятельствам. Героине приходилось начинать жизнь заново в другой стране

⁵⁹ Ефанова В.К. Домой с черного хода. М., 1999. С. 209–242; Кротова М.В. «Встреча с родиной» в мемуарах реэмигрантов из Китая // Мемуары в культуре русского зарубежья: сб. ст. М., 2010. С. 227–239; Николаева Н. Японцы. Рига, 2019. С. 269–291; Смирнов С.В. «Русская Атлантида»: воспоминания русских репатриантов из Китая и проблема конструирования диаспорической идентичности // Новое литературное обозрение. 2014. № 3. С. 478–486.

⁶⁰ Manchester L. Repatriation to a Totalitarian Homeland: The Ambiguous Alterity of Russian Repatriates from China to the USSR // *Diaspora: A Journal of Transnational Studies*. 2007. № 16 (3). P. 353–386.

⁶¹ Абрамов И. Стезя. Омск, 2012. С. 52–53.

⁶² ГИАОО. Ф. Р–3693. Оп. 2. Д. 10. Л. 1.

⁶³ Там же. Д. 4. Л. 1–2.

и при иных обстоятельствах, в условиях послевоенного Китая и репатриации, но ее адаптацию к условиям жизни в СССР можно назвать успешной.

В жизнеописании Людмилы Абрамовой, как и в судьбах других людей, отразились сложная и противоречивая эпоха, важные вопросы, связанные с понятиями идентичности, родины и жертвенности, личного выбора. На примере ее биографии можно проследить, как политика вмешивается в жизнь «маленького» человека и как он противостоит давлению внешних факторов. В этом смысле жизнь Л.М. Абрамовой можно назвать и типичной, и уникальной, позволяющей выявить особенности индивидуальной стратегии и тактики.

Рассмотренный нами пример показывает, насколько важны микроанализ и биография, а также гендерные аспекты для изучения новейшей истории, когда частная судьба приобретает значение при условии сочетания разных подходов к исследованию.

Поступила в редакцию / Submitted: 10.12.2021

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 15.01.2022

Принята к публикации / Accepted for publication: 22.01.2022

References

- Ablazhey, N.N. *S vostoka na vostok. Rossiiskaia emigratsiia v Kitae* [From east to east. Russian emigration to China]. Novosibirsk: SO RAN Publ., 2007 (in Russian).
- Abramov, I. *Stezia* [Path]. Omsk: Iuton Publ., 2012 (in Russian).
- Aurilene, Elena. “Russian Emigration in Manchuria at the Turn of 1920s – 1930s: ‘The Harbin Russian Refugee Assistance Committee Considers It Its Duty...’.” *Istoriya* 10, no. 2 (2020): <https://doi.org/10.18254/S207987840008739-1> (in Russian).
- Borodina, G.Yu., and Petin, D.I. “‘Grazhdanskaia voina: sud’by i litsa’: pervye rezul’taty proekta [‘Civil War: destinies and faces’: the first results of the project].” *Otechestvennye arkhivy*, no. 1 (2013): 128–129 (in Russian).
- Dzemeshevich, L.K. *Kharbinskie byli* [Harbin Stories]. Omsk: OmGPU Publ., 1999 (in Russian).
- Gamsa, M. *Harbin: A Cross-Cultural Biography*. Toronto: University of Toronto, 2020.
- Gorshenina, V.Z. *Proshloe ne otmienaietsa* [The past is not canceled]. Moscow: Top Union Publ., 2007 (in Russian).
- Gruner, F. “Russians in Manchuria: From Imperial to National Identity in Colonial and Semi-Colonial Space.” In Behnken, Brian D., and Wendt, Simon, eds. *Crossing Boundaries: Ethnicity, Race and National Belongingness in a Transnational World*, 183–205. Lanham: Lexington Books, 2013.
- Hohler, S. *Fascism in Manchuria: The Soviet-China Encounter in the 1930s*. London: I.B. Taurus & Co Ltd., 2016.
- Krom, M.M. “‘Metody’ i ‘podkhody’: proiskhozhdenie i evolutsiia kluchevykh poniatii sovremennogo istoricheskogo diskursa [‘Methods’ and ‘approaches’: the origin and evolution of key concepts of modern historical discourse].” *Novoe proshloe – The New Past*, no. 4 (2021): 92–108 (in Russian).
- Krotova, M.V. “‘Vstrecha s rodinoi’ v memuarakh reemigrantov iz Kitaia [‘Meeting with the Motherland’ in the memoirs of emigrants from China].” In *Memuary v kul’ture russkogo zarubezh’ia*. Moscow: Flinta; Nauka Publ., 2010: 227–239 (in Russian).
- Manchester, L. “Fusing Russian Nationalism with Soviet Patriotism: Changing Conceptions of Homeland and the Mass Repatriation of Manchurian Russians after Stalin’s Death.” *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History* 20, no. 3 (Summer 2019): 529–558.
- Manchester, L. Repatriation to a Totalitarian Homeland: The Ambiguous Alterity of Russian Repatriates from China to the USSR.” *Diaspora: A Journal of Transnational Studies*, no. 16 (2007): 353–386.
- Nazemtseva, Elena. “Russian Emigration in China: Attempts and Problems of Unification in the 1920–1940s.” *Istoriya* 12, no. 2 (2021): <https://doi.org/10.18254/S207987840014182-9> (in Russian).
- Nikolaeva, N. *Iapontsy* [Japanese]. Riga: [N.s.], 2019 (in Russian).
- Petin, D.I., and Yefremova, Yu.N. “The source potential of family archives for reconstruction of biography and genealogy of the civil war participant. On an example of Abramov’s family archive.” *Vestnik arkhivista – Herald of an Archivist*, no. 1 (2013): 221–227 (in Russian).
- Pul, T. “Russkie fashisty v Kvislende (1935–1945) [Russian Fascists in Kvisland (1935–1945)].” *Russkaia emigratsiia i fashizm: Stat’i i vospominaniia*. St. Petersburg: SPbGASU Publ., 2011: 156–178 (in Russian).

- Rachinskaya, Ye. *Pereletnye ptitsy. Vospominaniia. Posviashchaetsia Kharbinu i kharbintsam* [Migratory birds. Memories. Dedicated to Harbin and Harbin residents]. San Francisco: Globus Publishers Publ., 1982 (in Russian).
- Repina, L.P. “Ot ‘istorii odnoi zhizni’ k ‘personal'noy istorii’ [From the ‘story of one life’ to the ‘personal story’].” In *Istoriia cherez lichnost': istoricheskaia biografiia segodnia*, 55–74. Moscow: Krug Publ., 2005 (in Russian).
- Rodzayevskiy, K.V. “Otchet o moei 20-letnei antisovetskoj deyatelnosti [Report on my 20-year anti-Soviet activity].” *Kentavr*, no. 3 (1993): 95–114 (in Russian).
- Sergeyev, O.I., and Lazareva, S.I. “Zhenshchiny-emigrantki v porevoliutsionnykh obshchestvenno-politicheskikh dvizheniyakh rossiiskoi emigratsii v Kitae v 1920–30 gody XX v [Emigrant women in the post-revolutionary socio-political movements of Russian emigration in China in the 1920–30 years of the twentieth century].” In *Kitai v Severo-Vostochnoi Azii: istoriia i sovremennost'*. Vladivostok: Dal'nauka Publ., 1999: 163–170 (in Russian).
- Smirnov, S.V. “‘Russkaya Atlantida’: vospominaniya russkikh repatriantov iz Kitaya i problema konstruirovaniya diasporicheskoy identichnosti [‘Russian Atlantis’: Memoirs of Russian Repatriates from China and the Problem of Constructing a Diasporic Identity].” *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 3 (2014): 478–486 (in Russian).
- Smirnov, S.V. “Russian Emigrants in Manchuria and the Japanese New Order: The Collapse of Hopes.” *Quaestio Rossica* 10, no. 2 (2022): 440–454, <https://doi.org/10.15826/qr.2022.2.680> (in Russian).
- Stefan, D. *Russkie fashisty. Tragediia i fars v emigratsii. 1925–1945* [Russian fascists. Tragedy and farce in emigration. 1925–1945]. Moscow: St. Petersburg: Slovo Publ., 1992 (in Russian).
- Yarotskaya, Yu.A. *Russkaia kul'tura i russkoe iskusstvo v vospominaniakh o detstve i iunosti v Kharbine, Liubimyi Kharbin – gorod družby Rossii i Kitaiia* [Russian culture and Art in memories of childhood and youth in Harbin]. Kharbin; Vladivostok: VGUES Publ., 2019 (in Russian).
- Yefanova, V.K. *Domoi s chernogo khoda: [Vospominaniia]* [Home from the back door: Memoir]. Moscow: Izdatel'stvo N. Bochkarevoy Publ., 1999 (in Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

Мария Владимировна Кротова, д-р истор. наук, профессор кафедры международных отношений, медиалогии, политологии и истории, Санкт-Петербургский государственный экономический университет; 191023, Россия, Санкт-Петербург, ул. Садовая, 21; mary_krot@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7948-0251>

Mariia V. Krotova, Dr. Habil. Hist., Professor of the Department of International Relations, Mediaology, Political Science and History, St. Petersburg State University of Economics; 21, Sadovaya Str., St. Petersburg, 191023, Russia; mary_krot@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7948-0251>

Дмитрий Игоревич Петин, канд. истор. наук, доцент, доцент кафедры истории, философии и социальных коммуникаций, Омский государственный технический университет; 644050, Россия, Омск, пр. Мира, 11; dimario86@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1614-8133>

Dmitrii I. Petin, PhD in History, Associate Professor of the Department of History, Philosophy and Social Communications, Omsk State Technical University; 11, Prospekt Mira Av., Omsk, 644050, Russia; dimario86@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1614-8133>

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-1-125-138>

Научная статья / Research article

Репрессивная политика как инструмент решения «китайского вопроса» в СССР в 1930-е гг.

Наталья Аблажей , Наталья Потапова

^a Институт истории, Сибирское отделение Российской академии наук, Новосибирск, Россия

^b Новосибирский государственный университет экономики и управления, Новосибирск, Россия

 ablazhey@academ.org

Аннотация: Исследуется репрессивная политика в отношении постоянно проживавшего на территории СССР китайского населения. Цель исследования состоит в соотнесении массовых репрессий с внешнеполитической ситуацией и внутренней политикой, выявлении причин репрессий в отношении отдельных этнических групп и иностранцев. В этой связи показано, что в период с 1929 по 1938 г. имели место несколько антикитайских репрессивных кампаний, дана оценка их последствий. Авторы опровергают мнение о проведении в СССР в период Большого террора самостоятельной «китайской» операции. На материалах протоколов внесудебных инстанций 1937–1938 гг. показано, что данная категория населения подверглась репрессиям в ходе двух «национальных» операций НКВД СССР, а именно «харбинской» и «смешанной». Доказано, что с февраля 1938 г. происходит усиление репрессий в отношении китайского населения, но соответствующая этническая линия оформляется только на заключительном этапе массовых репрессий в сентябре 1938 г. На данный момент есть основания утверждать, что в период Большого террора жертвами «национальных» операций НКВД стало 18 тыс. этнических китайцев, что составило 5 % от общей численности репрессированных по ним. Депортации китайцев в отдаленные районы страны и за ее пределы были самостоятельными кампаниями, но применялись как вид наказания также при реализации «национальных» операций. Делается вывод, что в 1930-е гг. политические репрессии и действия государства в области натурализации привели к сокращению численности китайской диаспоры и изменили географию ее расселения.

Ключевые слова: китайские мигранты, гражданство, иностранцы, иноэтническая община, сталинизм

Для цитирования: Аблажей Н.Н., Потапова Н.А. Репрессивная политика как инструмент решения «китайского вопроса» в СССР в 1930-е гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2023. Т. 22. № 1. С. 125–138. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-1-125-138>

Repressive Policy as a Tool of Resolving the “Chinese Issue” in the USSR in the 1930s

Nataliya Ablazhey , Nataliya Potapova

^a Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia

^b Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russia

 ablazhey@academ.org

Abstract: The authors analyze the dynamics of repressions in the 1920–1930s towards Chinese people permanently residing on the territory of the USSR. There is illustrated the interdependence of the naturalization of the Chinese and the punitive policy. It is shown that in the period of 1929–1936

there were several anti-Chinese campaigns in the Far East and Siberia, and there is given an assessment of their consequences. The authors refute the hypothesis of conducting a special “Chinese” operation in the USSR during the Great Terror of 1937–1938. Based on the materials of extrajudicial bodies and reporting statistics of the NKVD, it is concluded that this category of the population was referred to two “national” categories, namely, “Harbin” and “mixed.” It is proved that from February 1938 terror against the Chinese was escalated, but only in September 1938 did an independent “Chinese” category appear in the statistics of the NKVD; in total, during the years of the Great Terror, about 18,000 Chinese underwent “national” punitive actions. Repressions against them were justified by a single logic implemented in relation to foreign nationals, which nevertheless allowed some regions to intensify repressions against certain ethnic groups. It is well documented that the expulsions of Chinese outside the country were widely used; they were organized repressive campaigns. It is concluded that the political repressions and state actions in the field of naturalization led to the reduction in the size of the Chinese diaspora and changed the geography of its settlement.

Keywords: Chinese migrants, citizenship, foreigners, foreign ethnic community, Stalinism

For citation: Ablazhey, Nataliya, and Potapova, Nataliya. “Repressive Policy as a Tool of Resolving the ‘Chinese Issue’ in the USSR in the 1930s.” *RUDN Journal of Russian History* 22, no. 1 (February 2023): 125–138. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-1-125-138>

Введение

Обостренное внимание к теме китайской миграции в российском обществе в значительной степени объясняется вниманием к проблемам внешних угроз и опасением потерять Дальний Восток. Именно проблематика угрозы усиливает интерес к теме этнической дискриминации. Для исследователей китайцы стали объектом двух противоположных реальностей, когда, с одной стороны, они рассматриваются как угроза, а с другой – как жертва. Китайская тема привлекает в первую очередь специалистов, изучающих национальную политику, этническое предпринимательство и политические репрессии. Отечественные исследователи добились несомненного прогресса в изучении истории государственной политики в отношении китайцев на Дальнем Востоке и анализе отдельных дискриминационных и репрессивных кампаний позднеимперского и раннесоветского периодов. Одним из важных вопросов для историков стало изучение причин репрессий по отношению к китайцам, инициированных государством.

Большинство российских исследователей придерживаются той точки зрения, что жесткая политика государства, как российского, так и советского, по отношению к китайским мигрантам обусловлена проблемами в сфере регулирования миграции и интеграции китайских переселенцев в принимающее общество. Этническая составляющая в дискриминационной и карательной политике государства обсуждается специалистами наряду с социальными и политическими мотивами и факторами. Повышенное внимание власти к определенному этническому меньшинству и проведение в отношении него целенаправленной дискриминации и преследований допускает использование термина «этнические чистки», но такой подход, как нам представляется, в значительной степени нивелирует экономические, социальные и национально-гражданские аспекты при изучении политических репрессий в СССР. В плане изучения репрессий в отношении китайского населения в СССР в 1920–1930-е гг. особый интерес представляют работы Е.Н. Чернолуцкой, О.В. Залесской, Н.Ф. Бугая, В.Г. Дацьшена и Е.Г. Калкаева.

Тезис о наличии дифференцированного подхода советского государства к этническим группам и тенденции к этнизации репрессивной политики вызвал бурную дискуссию среди специалистов по советской истории, разделив их на сторонников и оппонентов концепции «этнизации сталинизма», предложенную Й. Баберовским¹. Тему отказа от интернационализма и тренда на русификацию актуализировал В. Ден-

¹ *Баберовски* J. *Der rote Terror. Die Geschichte des Stalinismus*. München, 2003.

нигхаус². Работа Т. Мартина стала заметным событием в изучении советской национальной политики, но его концепция «позитивной дискриминации», предложенная для объяснения принципов национального строительства в СССР, оказалась рабочей только для анализа событий 1920-х гг.³ На данный момент среди исследователей нет однозначного мнения относительно причин резкой эволюции советской национальной политики с начала 1930-х гг. Неудачи в проведении политики советизации некоторых этнических групп и линии на интеграцию диаспор говорят в пользу концепции «этнизации сталинизма», однако это не дает достаточных оснований утверждать о целенаправленных репрессиях по этническим основаниям. Формируется гипотеза о том, что репрессии в значительной степени были обусловлены низкими темпами натурализации и стремлением активизировать интеграцию диаспоры.

Цель исследования – показать зависимость дискриминационной и репрессивной политики по отношению к китайскому населению в СССР от внешнеполитической ситуации и потребностей внутренней политики.

В плане изучения истории китайской диаспоры в СССР существует проблема дефицита статистических данных. Исходя из этого, изучение репрессивной политики в СССР невозможно без привлечения делопроизводства НКВД, в том числе такого массового источника как материалы внесудебных инстанций. Эти источники отложились в архивах ФСБ и доступны для отечественных исследователей при получении соответствующего разрешения ведомства. В Центральном архиве ФСБ и Архиве ФСБ по Омской области представлены коллекции протоколов Комиссии НКВД и Прокурора СССР, инстанции, выносившей решения по «национальным» операциям. Использование материалов внесудебных инстанций позволяет описать алгоритм отдельных кампаний и скорректировать количественные масштабы репрессий.

Проблема интеграции китайцев в инокультурную среду

С проблемой миграции из Китая российское государство столкнулось уже во второй половине XIX в., а в начале XX в. она приняла массовый характер. Приток китайского населения на Дальний Восток открыл широкие возможности по использованию дешевой рабочей силы, но породил неконтролируемое перемещение людей через границу и привел к появлению замкнутой иноэтнической общины. Власти пытались бороться с таким наплывом, но приток продолжался, что вело к расширению их присутствия в Дальневосточном регионе. При численности постоянной диаспоры в 50–70 тыс. чел. количество китайцев в стране постоянно увеличивалось по причине высокого спроса на рабочую силу. Вслед за царским правительством большевики, столкнувшись с «китайским вопросом», также вынуждены были его как-то решать. И если до 1917 г. власть пыталась заставить китайцев жить в России по российским законам, то после революции – по советским.

Придя к власти, большевики декларировали равенство граждан и иностранцев, но при этом пытались интегрировать и натурализовать последних. Так, некоторые преференции китайское население получило в рамках политики коренизации, что давало ему возможности сохранить своеобразие в рамках национально-культурной автономии при условии полной интеграции и советизации. Эти шаги не привели к ожидаемым результатам, китайцы в Советском Союзе остались иноэтнической

² Деннигхаус В. В тени «Большого Брата». Западные национальные меньшинства в СССР (1917–1938 гг.). М., 2011.

³ Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М., 2011.

и иногражданской группой. Традиционной стратегией их адаптации в инокультурной среде являлось формирование постоянной общины, представляющей собой замкнутые и самодостаточные землячества с собственной системой регуляции жизнедеятельности. Стратегия «меньше контактов – меньше конфликтов» успешно работала как в империи, так и в СССР, хотя и усиливала замкнутость китайцев в рамках диаспоры. При этом открытость границы позволяла сохранять связи с Китаем. Таким образом, и государство, и диаспора жили двойными стандартами⁴.

Вопрос о численности китайцев в СССР сложен, хотя переписи и учеты населения позволяют составить представление об их примерной численности. Первая общесоюзная перепись 1926 г. зафиксировала на территории страны 101,7 тыс. китайцев⁵, в частности, на территории Дальневосточного края проживало 77 тыс. чел. При этом руководитель ЦСУ СССР В.В. Осинский (Оболенский) оценивал численность диаспоры всего в 81,8 тыс. чел.⁶ Последующие переписи 1937 и 1939 гг. также демонстрируют значительное расхождение в цифрах. Региональные и общесоюзные административные учеты также проводились, но их данные крайне фрагментарно введены в научный оборот. Анализ переселенческой динамики показывает, что если для начала 1920-х гг. характерен отток, то с середины 1920-х гг. значимость дальневосточных миграционных потоков начала возрастать. Фиксируется массовый приток в СССР китайцев и корейцев, но при этом количество китайских мигрантов все-таки в разы меньше, чем накануне Первой мировой войны. Так, согласно данным пограничного учета, за 1928 г. в страну прибыло 23,6 тыс. китайцев, а выехало 17,7 тыс. чел.⁷ Известно, что советское правительство в 1928 г. планировало прибегнуть к массовому ввозу китайской рабочей силы для нужд экономики Дальнего Востока, но отказалось от него. В промежутке между 1929 и 1932 гг. статистика фиксирует сокращение численности китайцев: если в 1929 г. во Владивостокском округе Дальневосточного края было учтено 42,3 тыс. чел., а уже в 1932 г. (Приморская область Дальневосточного края) – 32,6 тыс. чел.⁸ Эти цифры свидетельствуют о начале оттока китайского населения из Советского Союза и подобная тенденция становится очевидной ко второй половине 1930-х гг.

Правовое положение китайцев в СССР

Советская власть, декларируя интернационализм, очень быстро сформировала институт национального гражданства. Первые Конституции – РСФСР 1918 г. и СССР 1924 г. – давали широкие возможности для натурализации иностранцев. Тем не менее, большинство китайцев, постоянно проживавших в стране, предпочитало сохранить национальное гражданство, а возможности его подтверждения и пролонгации существовали в силу деятельности консульских учреждений. Их деятельность не прерывалась после 1917 г., хотя Пекин до 1924 г. не признавал СССР. Нормализация советско-китайских отношений привела к расширению консульской сети. На территории страны функционировало посольство в Москве, четыре генконсульства

⁴ Этот феномен отмечен в частности Н.Ф. Бугаев. См.: подробнее: *Бугаев Н.Ф.* Китайцы в СССР и России: политика двух стандартов (1920–1940-е годы) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8. № 1/2. С. 52–66.

⁵ Всесоюзная перепись населения. Краткие сводки. Вып. IV. Народность и родной язык населения СССР / Центральное статистическое управление СССР. Отдел переписи. М., 1928. С. 22.

⁶ *Осинский (Оболенский) В.В.* Международные и межконтинентальные миграции в довоенной России и СССР. М., 1928. С. 96.

⁷ *Моисеенко В.* Международная миграция в России (СССР) в конце XIX – первой трети XX века. Часть третья. Международная миграция в СССР в 1923–1930 гг. // Демографическое обозрение. 2017. Т. 4. № 2. С. 116.

⁸ *Чернолуцкая Е.Н.* Конец «Миллионки»: ликвидация китайского квартала во Владивостоке (1936 г.) // Россия и АТР. 2008. № 4. С. 24.

(Владивосток, Хабаровск, Благовещенск, Новосибирск) и шесть консульств (Чита, Алма-Ата, Семипалатинск, Зайсан, Ташкент, Андижан). Наличие действующего национального паспорта позволяло, согласно советскому закону о гражданстве 1924 г., получить либо вид на жительство иностранца, либо вид на жительство лица, заявляющего о принадлежности к иностранному гражданству; иностранцы, не подтвердившие иногражданство и не заявившие о таковом, автоматически признавались советскими гражданами. В дальнейшем юридические нормы 1930 и 1931 гг. сохранили нормы об автоматическом признании не имеющего вида на жительство иностранца гражданином СССР⁹.

Государство попыталась также взять под контроль внешнюю миграцию, однако решить эту задачу удалось далеко не сразу. Начиная с 1923 г. въезд в СССР стал возможен только по въездным визам, выданным полномочными представителями и консулами СССР за рубежом. В 1923 г. было выдано 2723 таких виз, 1924 г. – 4013, 1925 г. – 5711, 1926 г. – 9567, 1927 г. – 11 524¹⁰. Приведенные цифры свидетельствуют не только о ежегодном увеличении потока миграции в СССР, но также о положительной динамике в легализации мигрантов.

Визы выдавались на три, шесть месяцев и год, отметка о получении вносилась в национальный паспорт. При пересечении границы в пунктах пропуска ставились соответствующие штампы; в соответствии с визой административные отделы региональных исполкомов выдавали временные виды на жительство. Продлить сроки пребывания в стране было возможно только при наличии действующего национального паспорта. В 1926 г. стартовала массовая кампания по выдаче советских видов на жительство, их введение позволило наладить административный учет иностранцев. К началу 1928 г. в Дальневосточном крае лицам китайской национальности было выдано более 89 тыс. советских видов на жительство. С 1930 г. в СССР вводился новый порядок выдачи иностранцам видов на жительство: тем, кто не имел национальных паспортов, перестали выдавать виды на жительство.

Проживающие на территории страны граждане Китая переходили под действие советской юрисдикции. Для диаспоры была характерна криминогенность, которая представляла собой проблему как для самих китайцев, так и местного населения. Процент правонарушений, совершенных «восточниками», доходил до 10 % от общего уровня преступности в СССР; приблизительно четвертую их часть составляли нарушения правил пребывания в стране. Важно отметить, что до середины 1920-х гг. китайцев в СССР не преследовали по политическим мотивам.

Тренд на ужесточение политики

Положение китайцев в СССР во многом зависело от международной обстановки. Ухудшение советско-китайских отношений на рубеже 1920–1930-х гг., обусловленное конфликтом на КВЖД, спровоцировало волну преследований. Согласно приказу ОГПУ от 20 июля 1929 г., в ответ на аресты советских граждан в полосе отчуждения КВЖД надлежало провести аресты 1–2 тыс. китайцев на Дальнем Востоке и в Сибири. Фактически, по разным оценкам, в июле – сентябре 1929 г. в Хабаровске и Владивостоке арестам подверглось свыше 8 тыс. чел. Кроме того, в качестве репрессивной меры прибегали к депортациям. Начиная с 1929 г., советские власти опробовали по отношению к китайцам практики выселения: только в Забайкалье высылке подверглось более 1,3 тыс. чел., хотя официально сообщалось, что

⁹ Белковец Л.П. Регулирование порядка доказательств прав иностранного гражданства в СССР (1930–1950-е гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 338. С. 112.

¹⁰ Архив внешней политики РФ (далее – АВП РФ). Ф. 0100. Оп. 12. Пап. 150. Д. 12. Л. 2.

Китай и СССР выслали по 354 чел.¹¹ В целом кампанию 1929 г. можно рассматривать как начало массовых репрессий в СССР отношении китайцев.

Новая волна преследований относится к 1932–1933 гг., поскольку все иностранцы с этого момента стали объектом повышенного внимания карательных органов. Причиной стала частичная паспортизация населения СССР, которая была нацелена, в первую очередь, на социальную чистку городов путем ограничения притока сельских жителей и выселения маргинального населения, что должно было снизить масштабы теневого бизнеса и преступности (советская пресса называла паспортизацию «суровым пролетарским фильтром», а ее результаты видела в уничтожении, прежде всего на Дальнем Востоке, Миллионки, опекурилен, притонов и т. д.¹²). Паспортизация не могла не затронуть иностранцев, в том числе китайцев во Владивостоке, Хабаровске, Никольск-Уссурийское, Спасске и Благовещенске. Не только в городах, но и на приграничных территориях в 1932 г. были проведены тотальные проверки населения, поскольку паспортизация проводилась под контролем ОГПУ. Лицам, которым отказывали в праве проживания, предписывалось в десятидневный срок покинуть режимные местности, в противном случае они автоматически становились нарушителями паспортного режима. С августа 1933 г. при региональных полномочных представительствах ОГПУ на основании ведомственного циркуляра № 96 создавались специальные тройки, получившие право использовать административную высылку в отношении таких лиц¹³. «Паспортные» тройки функционировали до конца 1935 г., затем их сменили так называемые «милицейские» тройки. Именно решения «паспортных» троек санкционировали массовые аресты в городах и высылку деклассированных элементов за пределы режимных территорий и в отдаленные районы страны. По итогам паспортизации в ссылку на сроки от 3–5 лет попали более 175 тыс. чел.¹⁴ Мы не можем назвать точное количество высланных иноподданных, но известно, что в отношении китайцев административная ссылка стала применяться с 1933 г. Их выслали главным образом в Казахстан и на север Томской области.

Паспортизация совпала с общесоюзной перерегистрацией всех иностранцев, проводимой с целью уточнения их национально-гражданского статуса. Отныне всех иностранцев поделили на две категории: имевших диппредставительства в СССР и не имевших. В отношении вторых, в силу того что их статус не могли подтвердить национальные представительства, процедура подтверждения статуса иностранца была крайне сложной, хотя и возможной, при том, что окончательное решение выносилось республиканским ВЦИКом. Так появилась новая категория иностранцев – «отказники». Китайцы были отнесены к первой категории, в силу наличия в стране сети консульских учреждений, но, во-первых, они должны были подтвердить свое гражданство в кратчайшие сроки, во-вторых, среди них тоже оказались «отказники»: ими стали те, кто имел советский вид на жительство, выданный в 1926 г., и который оказался просроченным. В условиях начавшейся перерегистрации китайцы массово обращались в консульства, однако советские власти запретили всем иностранным консульствам, в том числе и китайским, выдачу национальных пас-

¹¹ *Аблажей Н.Н.* Конфликт 1929 г. на КВЖД и его последствия // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. Новосибирск, 2006. Т. 5. Вып. 1. С. 59.

¹² *Чернолуцкая Е.Н.* Принудительные миграции на советском дальнем Востоке в 1920–1950-е гг. Владивосток, 2011. С. 138.

¹³ История сталинского ГУЛАГа. Т. 1. Массовые репрессии в СССР. М., 2004. С. 156–157.

¹⁴ *Потемкина М.Н., Кузнецова И.В.* Паспортизации городского населения СССР в 1930-х гг. // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. № 4 (46). С. 172

портов и пролонгацию гражданства. Запрет был снят только осенью 1936 г.¹⁵ На момент учета абсолютное большинство китайцев имело на руках либо национальные паспорта (в массе своей просроченные), либо вообще не имело никаких бумаг¹⁶.

Учетная кампания 1932 г. была призвана стимулировать процесс натурализации. Власти декларировали возможность получения гражданства в упрощенном порядке. На практике тенденция к росту масштабов натурализации китайцев постепенно наметилась, однако темпы ее были крайне низкими, как в силу нежелания отказываться от национального гражданства, так и банального отсутствия документов. Китайцы привыкли находиться в серых зонах правового поля и неохотно шли на легализацию. Часть из них на фоне паспортизации предпочла перебраться из городов в сельскую местность и уехать с приграничных территорий¹⁷. Низкие темпы натурализации китайского населения вызывали особую озабоченность партийного руководства Дальнего Востока¹⁸. Отметим, что именно в ходе учета 1932 г. была проведена первая тотальная регистрация всего китайского населения страны, когда наряду с поданными Китая и лицами без документов были учтены также натурализовавшиеся китайцы. В 1934 г. все иностранцы перешли в ведение НКВД, в структуре которого появился ОВИР – Отдел виз и регистрации (до этого их учет осуществлялся только по линии Наркомата иностранных дел).

Положение китайцев в СССР усугубила оккупация северо-востока Китая Японией и создание марионеточного государства Маньчжоу-Го. С 1933 г. ОГПУ стала выявлять лиц и организации по обвинению в связях с японской разведкой¹⁹. В это же время в СССР появилась еще одна категория китайского населения – интернированные: ими стали перешедшие на территорию Приморья и Забайкалья в декабре 1932 – январе 1933 гг. китайские военнослужащие, отказавшиеся подчиниться японцам. Численность интернированных, которых разместили в Сибири (Нарыме, Хакасии и Кузбассе), составила около 11 тыс. чел. В феврале – мае 1933 г. до 10 тыс. интернированных через Казахстан были отправлены в Сынцзян; еще около 700 чел. были вывезены в Западный Китай накануне Большого террора. Оставшиеся 150–300 человек были репрессированы по обвинению в шпионаже в пользу Японии.

Вынужденная продажа КВЖД в 1935 г. спровоцировала новые преследования, в частности НКВД развернул кампанию по ликвидации «диверсионно-террористических и разведывательных организаций» японской разведки. О ликвидации «групп диверсантов с участием китайцев» чаще других отчитывались чекисты Восточной Сибири и Дальнего Востока²⁰.

В 1936 г. репрессии в отношении китайского населения вышли на новый уровень. В СССР стартовал новый этап паспортизации населения, в рамках которой проводился обмен паспортов и повторные «зачистки» городов. В крупных городах Дальнего Востока, относившихся с 1932 г. к режимным территориям, прошли ме-

¹⁵ *Калкаев Е.Г.* Китайские мигранты между двумя наркоматами: история перерегистрации китайского населения восточных регионов СССР в 1936–1937 гг. // *Проблемы Дальнего Востока*. 2022. № 3. С. 112–115.

¹⁶ *Залеская О.В.* Китайские мигранты в условиях политической ситуации на Дальнем Востоке в конце 1920-х – середине 1930-х годов // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*. 2008. № 86. С. 59.

¹⁷ *Чернолуцкая Е.Н.* Конец «Миллионки»: ликвидация китайского квартала во Владивостоке // *Россия и АТР*. 2008. № 4. С. 29.

¹⁸ *Маленкова А.А.* Политика советских властей в отношении китайской диаспоры на дальнем Востоке СССР в 1920–1930-е гг. // *Проблемы Дальнего Востока*. 2014. № 4. С. 128–129.

¹⁹ *Потапова Н.А.* Антикитайская акция НКВД СССР периода «большого террора» в Дальневосточном крае: механизмы и масштабы репрессий // *Проблемы Дальнего Востока*. 2018. № 3. С. 157.

²⁰ *Дацышен В.Г.* Китайское население Забайкалья в условиях сталинской системы в 1930-е гг. // *Вестник РУДН. Серия: История России*. 2022. Т. 21. № 1. С. 67–68.

роприятия, направленные на обеспечение паспортного режима. Крупной акцией стала ликвидация китайского квартала «Миллионки» во Владивостоке: единственный в СССР чайна-таун подлежал расселению и перепрофилированию. В ходе операции было арестовано порядка 800 чел., еще 3682 чел. были этапированы к границе и выселены за пределы страны. Всего за 1936 г. из города в Китай выселили порядка 4,2 тыс. чел., часть бежали в сельскую местность и вели полулегальное существование²¹. Можно предположить, что аналогичные акции, пусть и менее масштабные, прокатились и по другим городам Дальнего Востока. К 1936 г. китайское-направление в работе НКВД стало очевидным, но антикитайские кампании носили все еще локальный характер. В масштабах страны к 1936 г. наметилось несколько репрессивных линий, которые трансформировались в так называемые национальные операции, которые наряду с «кулацкой» операцией, проводившейся по приказу №00447, заняли центральное место в ходе Большого террора.

Антикитайские акции 1937–1938 гг.

Сегодня специалисты уже достаточно много знают о массовых репрессиях 1937–1938 гг., что позволяет судить об эволюции террора. Идеологическое обоснование необходимости массовых репрессий дал февральско-мартовский Пленум ВКП(б) 1937 г.²² Широкие полномочия в том числе право на принятие внесудебных решений, власть делегировала НКВД. Массированная пропаганда всего за несколько месяцев погрузила советское общество в атмосферу шпиономании и поиска внутренних врагов. Так, например, летом 1937 г. в газете «Правда» была опубликована большая статья «Подрывная работа японской разведки», которая, с одной стороны, подвела своеобразные итоги деятельности японской разведки на территории СССР, с другой – наметила новый решающий удар по японским шпионам, который должен был стать тотальным²³. Все это вместе обеспечило единение власти и общества и сделало террор «большим».

В отношении иностранцев и ино-националов репрессивная траектория была следующей. Приблизительно с марта 1937 г. начинает готовиться почва для их дальнейшего преследования²⁴. Пробная кампания по аннулированию советских видов на жительство проводилась в Западно-Сибирском крае весной 1937 г. в отношении подданных Германии, а уже летом НКВД принимает особый циркуляр «Об иностранцах», предписывающий начать общесоюзную кампанию по массовому отказу в продлении советских видов на жительство для иностранцев, в том числе китайским подданным. При наличии компромата их следовало выдворять из страны²⁵. В июле – сентябре 1937 г. выходят первые приказы НКВД СССР в рамках национальных операций – «немецкий», «польский» и «харбинский»²⁶. Последний (№ 00593 от 20 сентября 1937 г.) санкционировал аресты и осуждения в отношении так называемых харбинцев, под которыми понимались бывшие служащие КВЖД и реэмигранты. Китайцы, массово обвиняемые в японском шпионаже, стали, фактически, одной из целевых групп в рамках данного приказа.

Следующим шагом по активизации преследований против иностранцев стал октябрьский 1937 г. приказ НКВД СССР № 00693, предписывавший начать репрес-

²¹ Чернолуцкая Е.Н. Конец «Миллионки»... С. 29.

²² Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938. М., 2004. С. 95–109.

²³ Правда. 1937. 9–10 июля.

²⁴ Пакков С.А. Обыкновенный террор. Политика сталинизма в Сибири. М., 2012. С. 216.

²⁵ Потанова Н.А. «Харбинская» операция НКВД СССР 1937–1938 гг.: механизмы, целевые группы и масштабы репрессий. СПб., 2020. С. 36.

²⁶ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 2. Л. 8–33.

сии в отношении так называемых перебежчиков²⁷. В СССР термин «перебежчик» не только широко употреблялся, но и имел политико-юридический статус. К перебежчикам относили преимущественно нелегалов с западных рубежей. В отношении китайцев, незаконно оказавшихся на территории СССР, он стал применяться уже в ходе репрессий. Фактически приказ предписывал репрессировать всех беженцев, когда-либо перешедших советскую границу и не успевших легализоваться.

Всего за период Большого террора, с июля 1937 по ноябрь 1938 гг., высшую партийную санкцию получили семь приказов, меморандумов и директив, ориентированных на разворачивание национальных операций. К таковым следует отнести «немецкий», «польский» и «харбинский» приказы, латышский и афганский меморандумы, директиву по греческой операции. 31 января 1938 г. своим постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) продлило «национальные» операции, активизировав еще несколько направлений, том числе румынское, финское, эстонское, болгарское, македонское и китайское²⁸. К весне 1938 г. «национальные» операции заняли главное место в репрессивной политике СССР: поскольку лимиты по «кулацкой» операции к этому времени во многих регионах были выполнены, акцент был перенесен на националов.

На Дальнем Востоке, где китайская община была особенно многочисленна, репрессии были усилены дополнительными директивами НКВД СССР от декабря 1937 г. Предполагалась, что антикитайская кампания в регионе станет отдельной линией в рамках «национальных» операций. Для этого возможность рассмотрения дел «восточников» предоставили региональным тройкам, не направляя их в Москву²⁹. Кроме того, решения в отношении подданных Китая продолжали выносить и в обычном судебном порядке. В феврале 1938 г. полномочия по вынесению приговоров были переданы Комиссии НКВД и Прокурора СССР, карательные меры в отношении дальневосточного китайского населения были вписаны в рамки приказа № 00593³⁰.

Как уже отмечалось выше, в январе 1938 г. Политбюро ЦК ВКП(б) продлило данную политику до 15 апреля 1938 г., включив в число этносов, попадавших под репрессии, китайцев³¹; продолжалась и «харбинская» операция. Приказ НКВД СССР от 1 февраля 1938 г. дал зеленый свет новым карательным линиям, в том числе китайской, но оставил прежним алгоритм осуждения, известный как «альбомный». Суть его сводилась к тому, что репрессивные решения выносились исключительно на основании персональных справок, поданных управлениями НКВД регионов в Москву и укомплектованных в специальные альбомы с разбивкой по отдельным «национальным» операциям или линиям. Помимо одобрения серии «национальных» операций Политбюро ЦК ВКП(б) и НКВД СССР рекомендовали усилить репрессии в отношении перебежчиков³². С этого момента все, кто проходил через Особое совещание при НКВД, получали 10 лет лагерей, а через военные трибуналы – расстрел. Кроме того, в январе 1938 г. НКВД инициирует еще одну «национальную» операцию, так называемую смешанную, которая включала в себя несколько линий, в том числе по ней прошли и «восточники», которым инкриминировали японский шпионаж. Фактически это означало, что с января по середину сентября 1938 г. китайцы проходили по «хар-

²⁷ История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7 т. М., 2004. Т. 1. С. 284–285.

²⁸ Лубянка. Сталин и Главное управление... С. 468–469.

²⁹ Сталинские депортации. 1928–1953 / под ред. акад. А.Н. Яковлева; сост. Н.Л. Поболь, П.М. Полян. М., 2005. С. 101–104.

³⁰ Потапова Н.А. Антикитайская акция... С. 157–158.

³¹ Лубянка. Сталин и Главное управление... С. 468–469.

³² Там же. С. 469.

бинской» и «смешанной» акциям. Китайское население Дальнего Востока попадало также в рамки приказа № 00593 от 20 сентября 1937 г., санкционировавшего новую волну преследований перебежчиков.

К началу сентября 1938 г. Комиссии НКВД и Прокурора СССР рассмотрели около 18 тыс. дел. При этом около 2 тыс. чел. прошли в рамках «смешанной» карательной акции³³, остальные – по «харбинской»³⁴. Лишь в середине сентября 1938 г. центральные органы передали часть полномочий в регионы, началась самостоятельная «китайская» операция, не ставшая, однако, массовой. Из 2248 китайцев, осужденных в сентябре – ноябре 1938 г., лишь 240 чел. прошли по этому направлению, в то время как в рамках «харбинской» операции – 1974 чел.³⁵

Что касается общей численности репрессированного китайского населения СССР в рассматриваемый период, то пока невозможно представить точные данные, поскольку еще не обработаны в полном объеме материалы других внесудебных инстанций.

Депортации китайского населения

При анализе репрессий периода 1937–1938 гг. в отношении китайского населения следует принять во внимание и депортации. Например, при изучении корейской депортационной кампании 1937 г. акцент сделан на ее тотальном характере, когда выселению подверглись все 172 тыс. советских корейцев, однако эта репрессивная акция была не только тотальной, но комбинированной, поскольку в нее попали также представители других этнических групп, в частности, в Казахстане во второй половине 1937 г. оказалась и какая-то часть китайцев. Массовое выселение китайцев не было проведено в 1937 г. в силу двух причин: в массе своей они не были советскими гражданами и не проживали компактными анклавами. Как альтернатива депортации в отдаленные районы предусматривался выезд за пределы страны под контролем НКВД, но был ли он реализован, не известно.

Депортация китайцев была санкционирована в следующем, 1938 г. Решение о ее проведении Политбюро приняло 5 марта 1938 г., а соответствующая директива НКВД № 11161 по организации выселения вышла лишь 16 мая 1938 г. Выселение китайцев из г. Владивостока и пограничной полосы можно охарактеризовать как депортацию «по зачистке границ». Выселяли нелегалов, к таковым относились лица с просроченным китайским гражданством или заявившие о наличии китайского гражданства, но не подтвердившие его. Предусматривалось поэтапная высылка контингента: сначала в Казахстан, а потом за пределы страны, в китайскую провинцию Синьцзян. Количество арестованных и подлежащих выселению должно было составить около 7–8 тыс. чел., однако после выдворения 1361 чел. операцию внезапно свернули. 10 июня 1938 г. Политбюро предписало прекратить аресты китайцев, равно как и высылку находившихся в заключении, если в их отношении не были вынесены приговоры. Возможно, именно в связи с этим решением летом 1938 г. были аннулированы уже отправленные Управлением НКВД по Дальневосточному краю на рассмотрение в Комиссию НКВД и Прокуратуры СССР «китайские» альбомы. Особое совещание при НКВД к началу сентября рассмотрело лишь остатки «китайских» альбомов. В ходе заседаний 2 и 5 сентября 1938 г. комиссия НКВД и Прокурора СССР приняла решение о высылке из страны 364 граждан Китая³⁶,

³³ Архив УФСБ по Омской области. Ф. 6. Протоколы Комиссии НКВД и Прокурора СССР по «смешанной» операции. Порядок 10516–10527.

³⁴ Там же. Ф. 6. Протоколы Комиссии НКВД и Прокурора СССР по приказу № 00593. Порядок 9828–9874.

³⁵ ЦА ФСБ. Ф. 8-ос. Оп. 1. Порядок 70. Л. 30.

³⁶ *Потанова Н.А.* Антикитайская акция... С. 160–161.

из тюрем предписывалось освободить 2853 китайца³⁷, отправке в Синьцзян подлежали 6189 китайцев с семьями³⁸. Есть данные, что в ходе второй волны в Синьцзян было выслано 3173 чел.³⁹ Выселения продолжили и в 1939 г.

Всего в соответствии с решениями внесудебных инстанций за годы Большого террора из СССР выслали чуть больше 9,2 тыс. иностранцев. Но реальные масштабы выселения были существенно больше, поскольку в ряде случаев депортация из страны осуществлялась в соответствии с особыми директивными решениями⁴⁰. С одной стороны, депортации стали самостоятельными репрессивными кампаниями, либо совпавшими по времени с «национальными» операциями, либо проведенными накануне или после их завершения, с другой – стали их составной частью. Именно это обстоятельство создает дополнительные сложности при изучении депортаций иностранцев в рассматриваемый период и оценке численности высланных из страны. Далеко не всех высланных в 1937–1938 гг. из страны иностранцев следует рассматривать как жертв «национальных» операций НКВД.

Завершающий этап репрессий совпал с принятием в августе 1938 г. нового закона «О гражданстве СССР», который вводил категорию «лиц без гражданства», то есть апатридов. Местные советы и высшие органы автономий окончательно потеряли право принимать в советское гражданство; отменялся также упрощенный порядок его приобретения. Отныне наличие статуса бывшего подданного иностранного государства или лица без гражданства служило основанием для ограничения в правах и даже репрессий, хотя Конституция гарантировала им все гражданские права, за исключением политических. Постановление Совнаркома от 29 июня 1939 г. вводило новые правила проживания иностранцев и лиц без гражданства в СССР, сохранившиеся в них ограничения в очередной раз подстегнули натурализацию.

Отдельный большой вопрос касается того, в какой степени советские переписи 1937 и 1939 гг. отражают реальные масштабы репрессий в отношении китайцев за период Большого террора (напомним, что перепись 1937 г. власть признала дефектной из-за политических соображений, потому что численность населения страны оказалась ниже ожидаемой). Общая численность китайцев в СССР по переписи 1937 г. составила почти 38,5 тыс., в том числе 20 тыс. граждан Китая. Практически все они проживали на территории РСФСР⁴¹, в том числе основная часть граждан Китая, а это почти 19 тыс. чел., преимущественно на Дальнем Востоке⁴². Что касается данных переписи 1939 г., то в СССР проживало уже 32 тыс. китайцев, в том числе около 25,5 тыс. в России и 5,1 тыс. в Казахстане⁴³. Заметно резкое сокращение численности китайцев наблюдалось на Дальнем Востоке. За межпереписной период

³⁷ Дацышен В.Г. Политические репрессии и китайцы в СССР. URL: http://www.penpolit.ru/papers/detail2.php?ELEMENT_ID=947 (дата обращения: 12.02.2022).

³⁸ Чернолуцкая Е.Н. Принудительные миграции... С. 262.

³⁹ Чернолуцкая Е.Н. Депортация китайцев из Приморья (1938 г.) // Исторический опыт открытия, заселения и освоения Приамурья и Приморья в XVII–XX вв. (к 350-летию начала похода В.Д. Пояркова на Амур): тезисы докладов и сообщений Международной научной конференции. Владивосток, 1993. Вып. 2. С. 78–81.

⁴⁰ Аблажей Н.Н. Депортации из СССР периода Большого террора // Исторический курьер. Статья 8. 2019. № 1 (3). URL: <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-1-08.pdf> (дата обращения: 20.02.2022).

⁴¹ Национальный состав населения СССР по республикам, краям, областям по материалам Всесоюзной переписи населения 1937 г. // Электронная библиотека исторических документов. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/47599#mode/inspect/page/3/zoom/4> (дата обращения: 01.03.2022).

⁴² Мотревич В.П. Иностранцы граждане – китайцы в Советском Союзе по данным Всесоюзной переписи населения СССР 1937 г. // Китай: история и современность: материалы VIII Международ. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 7–8 окт. 2014 г. Екатеринбург, 2015. С. 178–181.

⁴³ См.: Всесоюзная перепись населения 1939 года. Национальный состав населения по республикам СССР // Демоскоп Weekly. 1922. № 963–964. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_39.php (дата обращения: 01.03.2022).

положительную динамику иллюстрирует только Казахстан. Поскольку перепись учитывала и лиц, находившихся в заключении, приведем и эти цифры: численность заключенных китайцев в ГУЛАГе в 1939 составляла 3161 чел., в 1940 – 4 033 чел., в 1941 г. – 3 025 чел.⁴⁴ Таким образом, разница в численности китайцев по переписям 1937 и 1939 г. составляет 6,5 тыс. чел., что, безусловно, свидетельствует о сокращении китайской диаспоры в стране, однако не отражает истинный масштаб репрессий.

Выводы

В СССР в период 1929–1938 гг. было проведено несколько антикитайских кампаний, пики которых пришлось на советско-китайский конфликт 1929 г., двух волн паспортизации 1933 г. и 1936 г. и репрессий Большого террора 1937–1938 гг.

Обработка материалов внесудебных инстанций 1937–1938 гг. показала, что данная этническая группа подверглась репрессиям в ходе двух «национальных» операций НКВД СССР, а именно «харбинской» и «смешанной». Эскалация репрессий в отношении китайского населения пришлось на 1938 г., но при этом особая «китайская» линия в репрессиях оформляется только на заключительном этапе Большого террора. На данный момент есть основания утверждать, что в период Большого террора жертвами «национальных» операций НКВД стало более 18 тыс. этнических китайцев, что составило 5 % от общей численности репрессированных по этническим основаниям. Итоговые цифры могут быть скорректированы при дальнейшей обработке материалов всех внесудебных инстанций.

Широко практиковавшиеся принудительные переселения лиц китайской национальности в отдаленные районы страны и за ее пределы были самостоятельными кампаниями, но применялись и как вид наказания при реализации «национальных» операций. Доминирующим критерием для выселения иностранцев стал не только факт отсутствия у них гражданства, но и национальность. Депортации позволили резко сократить численность китайского населения на Дальнем Востоке и в Сибири. Власть прибегла к репрессиям, преследуя цель максимально ускорить интеграцию и натурализацию постоянно проживающего в СССР китайского населения. Итогом десятилетней политики дискриминации стали ликвидация территориальных анклавов и сокращение китайской диаспоры в стране.

Поступила в редакцию / Submitted: 05.11.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 30.01.2023

Принята к публикации / Accepted for publication: 01.02.2023

References

- Ablazhei, N.N. “Deportatsii iz SSSR perioda Bol'shogo Terrora [Deportation from the USSR during the Great Terror].” *Istoricheskii kur'er*, no. 1 (2019): <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-1-08.pdf> (in Russian).
- Ablazhei, N.N. “Konflikt 1929 g. na KVZHD i ego posledstviia [The conflict of 1929 on the CER and its consequences].” *Vestnik NGU. Ser.: Istoriya, filologiya* 5, no. 1 (2006): 57–61 (in Russian).
- Baberowski, J. *Der rote Terror. Die Geschichte des Stalinismus*. München: Deutsche Verlags-Anstalt, 2003 (in German).
- Belkovec, L.P. “Regulirovanie poriadka dokazatel'stva prav inostrannogo grazhdanstva v SSSR (1930–1950-e gg.) [Regulation of the procedure for proving the rights of foreign citizenship in the USSR (1930–1950)].” *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 338 (2010): 112–115 (in Russian).

⁴⁴ Земсков В.Н. ГУЛАГ (историко-социологический аспект) // Социологические исследования. 1991. № 6. С. 13.

- Bugaj, N.F. Chinese in Soviet Union and Russia: the policy of two standards (1920–1940). *Istoricheskaya i sotsyal'no-obrazovatel'naya mysl'* 8, no. 1/2 (2016): 52–66 (in Russian).
- Chernoluskaya, E.N. *Prinuditel'nye migratsii na sovetskom dal'nem Vostoke v 1920–1950-e gg.* [Forced Migration in the Soviet Far East in the 1920–1950]. Vladivostok: Dal'nauka Publ., 2011 (in Russian).
- Chernolutsкая, E.N. “Deportatsiya kitaitsev iz Primoriia (1938 g.) [Deportation of Chinese from Primorye (1938)].” In *Istoricheskii opyt otkrytiia, zaseleniia i osvoeniia Priamur'ia i Primor'ia v XVII–XX vv. (k 350-letiiu nachala pokhoda V.D. Poiarkova na Amur): tezisy dokladov i soobshchenii Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. Issue 2, 78–81. Vladivostok: Institut istorii, arkhologii i etnografii narodov Dal'nego Vostoka Dal'nevostochnogo otdeleniya RAN Publ., 1993 (in Russian).
- Chernolutsкая, E.N. “Konets ‘Millionki’: likvidatsiya kitaiskogo kvartala vo Vladivostoke (1936 g.) [The end of the ‘Millionka’: the liquidation of Chinatown in Vladivostok (1936)].” *Rossiia i ATR*, no. 4 (2008): 24–31 (in Russian).
- Datsyshen, V.G. “The Chinese Population of Transbaikalia under the Conditions of the Stalinist System in the 1930s.” *RUDN Journal of Russian History* 21, no. 1 (2022): 57–71 (in Russian).
- Dyonninghaus, V. *V teni ‘Bol'shogo brata.’ Zapadnye natsional'nye men'shinstva v SSSR, 1917–1938 gg.* [In the shadow of ‘Big Brother.’ Western national minorities in the USSR 1917–1938]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2011 (in Russian).
- Kalkaev, E.G. “Kitaiskie migranty mezhdvumya narkomatami: istoriya pereregistratsii kitajskogo naseleniia vostochnykh regionov SSSR v 1936–1937 gg. [Chinese migrants between two people's commissariats: the history of reregistration of the Chinese population of the eastern regions of the USSR in 1936–1937].” *Problemy Dal'nego Vostoka*, no. 3 (2022): 112–128 (in Russian).
- Malenkova, A.A. “Politika sovetskikh vlastei v otnoshenii kitaiskoi diaspory na Dal'nem Vostoke SSSR v 1920–1930-e gg. [The policy of the Soviet authorities towards the Chinese diaspora in the Far East of the USSR in 1920–1930].” *Problemy Dal'nego Vostoka*, no. 4 (2014): 120–136 (in Russian).
- Martyn, T. *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*. Moscow: ROSSPEN Publ., 2011 (in Russian).
- Moissenko, V. “Mezhdunarodnaya migratsiya v Rossii (SSSR) v kontse XIX – pervoi treti XX veka Chast' tret'ya. Mezhdunarodnaia migratsiia v SSSR v 1923–1930 gg. [International migration in Russia (USSR) at the end of the 19th – first third of the 20th century, part three. International migration in the USSR in 1923–1930].” *Demograficheskoe obozrenie* 4, no. 2 (2017): 109–132 (in Russian).
- Motrevich, V.P. “Inostrannye grazhdane – kitaitsy v Sovetskom Soyuze po dannym Vsesoyuznoi perepisi naseleniia SSSR 1937 g. [Foreign nationals – Chinese in the Soviet Union according to All-Union Census of the USSR in 1937].” *Kitai: istoriia i sovremennost': materialy VIII Mezhdunarod. nauch.-prakt. konf. Ekaterinburg, 7–8 okt. 2014 g.*, 178–181. Yekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta Publ., 2015 (in Russian).
- Osinskii (Obolenskii), V.V. *Mezhdunarodnye i mezhkontinental'nye migratsii v dovoennoi Rossii i SSSR* [International and intercontinental migrations in prewar Russia and the USSR]. Moscow: CSU SSSR Publ., 1928 (in Russian).
- Papkov, S.A. *Obyknovennyi terror. Politika stalinizma v Sibiri* [Ordinary terror. The policy of Stalinism in Siberia]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2012 (in Russian).
- Potapova, N.A. *‘Kharbinskaia’ operatsiia NKVD SSSR 1937–1938 gg.: mekhanizmy, tselevye gruppy i masshtaby repressii* [‘Harbinian’ operation of the NKVD of the USSR in 1937–1938: mechanisms, target groups and the scale of repression]. St. Petersburg: Aleteiia Publ., 2020 (in Russian).
- Potapova, N.A. “Antikitaiskaia aktsiia NKVD SSSR perioda ‘bol'shogo terrora’ v Dal'nevostochnom krae: mekhanizmy i masshtaby repressii [Anti-Chinese action of the NKVD of the USSR during the ‘great terror’ in the Far Eastern Territory: mechanisms and scales of repression].” *Problemy Dal'nego Vostoka*, no. 3 (2018): 156–162 (in Russian).
- Potemkina, M.N., and Kuznetsova, I.V. “Pasportizatsii gorodskogo naseleniia SSSR v 1930-h gg. [Passportization of the urban population of the USSR in the 1930s].” *Problemy istorii, filologii, kul'tury*, no. 4 (2014): 167–173 (in Russian).
- Yakovlev, A.N., ed. *Stalinskie deportatsii. 1928–1953* [Stalinist deportations. 1928–1953] (Moscow: Mezhdunar. fond ‘Demokratiya’: Materik Publ., 2005 (in Russian).
- Zalesskaya, O.V. “Kitaiskie migranty v usloviakh politicheskoi situatsii na Dal'nem Vostoke v kontse 1920-kh – seredine 1930-kh godov [Chinese migrants in the context of the political situation 1920-kh – seredine 1930-kh godov]

in the Far East at the end of the 1920 – middle 1930].” *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena*, no. 86 (2008): 52–62 (in Russian).

Zaleskaya, O.V. *Kitaiskie migranty na Dal'nem Vostoke Rossii (1917–1938 gg.)* [Chinese migrants in the Russian Far East (1917–1938)]. Vladivostok: Dal'nauka Publ., 2009 (in Russian).

Zemskov, V.N. “GULAG (istoriko-sociologicheskij aspekt) [GULAG (historical and sociological aspect)].” *Sociological Studies*, no. 6 (1991): 10–27 (in Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

Наталья Николаевна Аблажей, д-р истор. наук, ведущий научный сотрудник Института истории, Сибирское отделение Российской академии наук; 630090, Россия, Новосибирск, ул. Николаева, 8; ablazhey@academ.org; <https://orcid.org/0000-0001-8237-9023>

Natalya N. Ablazhey, Dr. Habil. Hist., Leading Researcher of the Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; 8, Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russia; ablazhey@academ.org; <https://orcid.org/0000-0001-8237-9023>

Наталья Анатольевна Потапова, канд. истор. наук, научный сотрудник, Институт истории, Сибирское отделение Российской академии наук; 630090, Россия, Новосибирск, ул. Николаева, 8; старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права, Новосибирский государственный университет экономики и управления; rector@nsuem.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8562-0310>

Natalya A. Potapova, PhD in History, Researcher at the Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; 8, Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russia; Senior Lecturer of the Department of Theory and History of State and Law, Novosibirsk State University of Economics and Management; rector@nsuem.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8562-0310>

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-1-139-150>

Научная статья / Research article

Ультиматум Керзона и его влияние на политику СССР в отношении Польши

Сергей Скляр^{ORCID}

Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия

✉ redactors@mail.ru

Аннотация: Поднимается практически неисследованный ранее вопрос о влиянии на советско-польские отношения предъявленного Советскому Союзу в мае 1923 г. ультиматума Великобритании. Автор приводит новые документы из дипломатической переписки центрального аппарата Народного комиссариата иностранных дел (НКВД) с полпредством в Польше, которые показывают, что негативный эффект, который вызвал меморандум Керзона в советском руководстве, простирался далеко за сферу советско-британских отношений. Анализируются варианты уступок Варшаве, на которые была готова пойти Москва, чтобы не допустить присоединения Польши к новому антисоветскому фронту. Путем сравнительно-исторического анализа исследуется динамика изменения характера и масштаба этих уступок в зависимости от остроты накала советско-британских отношений. Делается вывод, что меморандум Керзона спровоцировал поворот в политике СССР в отношении Польши, от которого Москва не отказалась в полной мере даже тогда, когда опасения относительно формирования новой антисоветской коалиции были развеяны. Обосновываются также мотивы, по которым советское руководство решило не отказываться от готовности пойти на ряд уступок Польше, несмотря на то что уже в июне 1923 г. угроза новой антисоветской интервенции и участия в ней Варшавы миновала.

Ключевые слова: советско-польские отношения, режим наибольшего благоприятствования, транзит в Персию, внешняя политика, дипломатической изоляции

Для цитирования: Скляр С.А. Ультиматум Керзона и его влияние на политику СССР в отношении Польши // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2023. Т. 22. № 1. С. 139–150. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-1-139-150>

Curzon's Ultimatum and Its Impact on the USSR Policy Towards Poland

Sergey Sklyarov^{ORCID}

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO), Moscow, Russia

✉ redactors@mail.ru

Abstract: The author raises the issue that was practically unexplored on the impact of the British ultimatum delivered to the USSR in May 1923 on the relations between Moscow and Warsaw. The author cites new documents from the diplomatic correspondence of the People's Commissariat for Foreign Affairs' central office (NKID) with the Polish embassy which show that the uproar caused by the Curzon memorandum in the Soviet leadership extended far beyond the sphere of Soviet-British relations. There are analyzed the concessions that Moscow was ready to make in order to prevent Poland from joining the new anti-Soviet front. The comparative-historical analysis is used to examine the dynamics of changes in the nature and scale of these concessions depending on the tension in Soviet-British rela-

tions. The conclusion is made that the Curzon memorandum provoked a turn in the Soviet policy towards Poland which Moscow did not fully abandon even when the fears of forming a new anti-Soviet coalition were dispelled. The article also substantiates the reasons why the Soviet leadership decided not to give up its readiness to make a number of concessions to Poland, despite the fact that in June 1923 there was no threat of a new anti-Soviet intervention and Warsaw's participation in it.

Keywords: Polish-Soviet relations, most-favored nation treatment, transit to Persia, foreign policy, diplomatic isolation

For citation: Sklyarov, Sergey. "Curzon's Ultimatum and Its Impact on the USSR Policy towards Poland." *RUDN Journal of Russian History* 22, no. 1 (February 2023): 139–150. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-1-139-150>

Введение

Исследование польско-советских отношений в начале 20-х гг. XX в., несмотря на достаточно высокую степень их изученности, до сих пор остается в числе наиболее актуальных задач для историков. Это связано как с возросшей в последние годы остротой текущих польско-российских взаимоотношений, многие проблемы в которых тянутся от событий вековой давности, так и с открытием ранее неизвестных фактов и документов, позволяющих по-новому взглянуть на становление и развитие отношений между Польшей и Советским государством в период между двумя мировыми войнами. К одному из до сих пор неисследованных аспектов польско-советских взаимоотношений следует отнести влияние на них предъявленного Москве 8 мая 1923 г. Лондоном меморандума Керзона.

Этот документ занимает одно из ключевых мест в отечественной историографии внешней политики СССР и советско-британских отношений 1920-х гг. Выдвинутые в нем главой Форин-офис Джорджем Натаниэлем Керзоном ультимативные требования стали серьезным испытанием для советского руководства, которое, с одной стороны развернуло жесткую антибританскую кампанию с его осуждением, с другой – пошло на ряд уступок, которые привели к завершению кризиса в отношениях с Лондоном.

Советские историки вслед за официальной пропагандой оценивали исход кризиса в связи с предъявлением меморандума Керзона как победу СССР. Высказывалось мнение, что Керзону «пришлось удовлетвориться уступками по неприципиальным вопросам»¹. Такие оценки можно встретить во многих работах советского периода². В отдельных публикациях без опоры на документы даже утверждалось, что «провал его агрессивной внешней политики, проводимой по отношению к СССР» сыграл «решающую роль» в поражении лорда Керзона в борьбе за пост премьер-министра Великобритании Стэнли Болдуину, возглавившему британское правительство 22 мая 1923 г. после отставки Эндрю Бонар Лоу³.

Долгое время подобные оценки господствовали и в современной российской историографии⁴. Лишь в середине первого десятилетия XXI в. последствия меморандума Керзона были подвергнуты переоценке. Важную роль в этом сыграли исследо-

¹ Трухановский В.Г. Внешняя политика Англии на первом этапе общего кризиса капитализма (1918–1939 гг.). М., 1962. С. 117–118.

² Лемин И.М. Внешняя политика Великобритании от Версаля до Локарно 1919–1925. М., 1947. С. 406–410; Волков Ф.Д. Крах английской политики интервенции и дипломатической изоляции советского государства (1917–1924 гг.). М., 1954. С. 299–322; Картова Р. Л.Б. Красин – советский дипломат. М., 1962. С. 153; Кремнев Б. Красин. М., 1968. С. 227–229;

³ История международных отношений и внешней политики СССР 1917–1939 гг. М., 1961. Т. 1. С. 251.

⁴ Шишкин В.А. Становление внешней политики послереволюционной России (1917–1930 годы) и капиталистический мир: от революционного «западничества» к «национал-большевизму». СПб., 2002. С. 169; Василенкова О.В. Англо-советские отношения в 1918–1924 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Владимир, 2007. С. 147–152.

вания Е.Ю. Сергеева, который акцентировал внимание на несоответствии заявлений советской пропаганды об официальном отказе СССР выполнять условия меморандума с последующими практическими уступками Москвы Лондону по всем предъявленным требованиям. Свою позицию автор подкрепил телеграммой заместителя нарком иностранных дел М.М. Литвинова заместителю полпреда СССР в Великобритании Я.А. Берзину, в которой отмечалось, что Москва «по всем пунктам» приняла «требования, абсолютно несовместимые с нашим суверенитетом»⁵.

В то же время в зарубежной историографии уступки Советского Союза в ответ на меморандум Керзона изначально расценивались как выполнение Москвой главных требований Лондона, о чем свидетельствуют публикации в тогдашней прессе⁶.

Несмотря на то, что и во времена СССР, и в постсоветский период меморандум Керзона находился в центре внимания многочисленных исследований, до сих пор детально не изучен вопрос его влияния на политику СССР вне советско-британского направления. В частности, не раскрыто влияние Меморандума на польско-советские отношения, в том числе в наиболее обстоятельных работах советского полониста П.Н. Ольшанского и польского исследователя Е. Куманецкого⁷. Не упоминается этот сюжет и в коллективной российско-польской монографии, посвященной острым вопросам польско-советских отношений⁸, что связано с достаточно поздним рассекречиванием архивных материалов по данной теме.

Меморандум Керзона и ответ на него Москвы Лондону

В меморандуме Лондон, угрожая разрывом заключенного в 1921 г. советско-британского торгового договора, потребовал от СССР ряда действий, ограничивавших суверенитет молодого государства во внешней и внутренней политике.

Москва была обвинена в антибританской деятельности, и Лондон требовал от нее прекратить поддержку национально-освободительных движений на Среднем и Ближнем Востоке, а также в Индии. Предъявив компрометирующие выдержки из перехваченной советской дипломатической переписки с полпредствами в Иране и Афганистане, Великобритания также настаивала на отозвании из этих стран советских полпредов Бориса Шумяцкого и Федора Раскольниковца. Кроме того, Москва должна была отказаться от ареста задержанных за ловлю рыбы вдоль побережья Северного Ледовитого океана британских траулеров, ограничить территориальные воды в этих районах 3-мя милями, не препятствовать за пределами этой зоны британскому рыболовству, освободить арестованные траулеры и выплатить компенсации их владельцам и командам, отказаться от репрессий против духовенства, выплатить компенсации семьям погибших и репрессированных советской властью британских подданных⁹.

В переданной британскому торговому представителю в Москве Роберту Ходжсону 12 мая НКВДом РСФСР ответной ноте отрицались попытки противодействия

⁵ Сергеев Е.Ю. Ультиматум Керзона Советской России 1923г.: новая интерпретация // Вестник РГГУ. Серия: политология, история, международные отношения, зарубежное регионоведение, востоковедение. 2015. № 11 (154). С. 97–105; Сергеев Е.Ю. Джордж Натениэль Керзон: последний рыцарь Британской империи. М., 2015. С. 252–256.

⁶ Britain's dispute with Russia ended; Curzon says the Soviet has complied with his essential conditions // New York Times. 1923. June 14. P. 3.

⁷ Ольшанский П.Н. 1) Советско-польские отношения в 1921–1924 гг. // Советское славяноведение, 1972, № 1. С. 21–34; 2) Рижский договор и развитие советско-польских отношений 1921–1924. М., 1974; Ольшанский П.Н.; Kumaniecki J. Stosunki Rzeczypospolitej Polskiej z państwem radzieckim 1918–1943. Wybór dokumentów. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1991.

⁸ Białe plamy – Czarne plamy. Sprawy trudne w relacjach polsko-rosyjskich 1918–2008 / ed. by Adam D. Rotfeld, Anatolij W. Torkunow. Warszawa, 2011.

⁹ Англо-советские отношения со дня подписания торгового соглашения до разрыва (1921–1927). Ноты и документы. М., 1927. С. 32–39.

Великобритании на Востоке и выдвигались встречные претензии о подрывной работе Лондона против советской власти в Туркестане и на Кавказе. В ноте также выражалась готовность выплатить компенсации пострадавшим от советской власти британским подданным, если британское правительство выплатит компенсации семьям погибших 26-ти бакинских комиссаров, вина за гибель которых возлагалась на Великобританию. Кроме того, Москва соглашалась освободить арестованные британские траулеры¹⁰.

Одновременно была развернута пропагандистская кампания, демонстрировавшая советским гражданам и трудящимся других стран решимость Москвы не уступать Великобритании в вопросах, ограничивавших суверенитет. И все же, несмотря на активную антибританскую риторику, в мае – июне 1923 г. СССР предпринял целый ряд шагов, направленных на удовлетворение ультимативных требований Лондона. Фактически Москва в ноте полпреда СССР в Великобритании Л.Б. Красина от 23 мая, ответе советского правительства от 4 июня на меморандум британского МИДа от 29 мая и ответе наркома иностранных дел Г.В. Чичерина от 29 июня пошла на уступки Лондону по всем направлениям, кроме замены полпредов в Персии и Афганистане. Советские власти освободили арестованные английские траулеры, разрешили британцам лов рыбы в прибрежных северных водах вне трехмильной зоны впредь до урегулирования этого вопроса на международной конференции, выплатили компенсации пострадавшим от советской власти англичанам, на время прекратили наиболее громкие процессы против духовенства¹¹. Кроме того, официально отказав в мае – июне 1923 г. Лондону в отзыве советских полпредов из Афганистана и Персии, Москва все-таки их отозвала позже: в феврале 1924 г. Ф.Ф. Раскольников, а в апреле 1925 г. – Б.З. Шумяцкого.

Новая политика в отношении Польши

Рассекреченные в постсоветский период документы Наркомата иностранных дел (НКВД) свидетельствуют о том, что выдвинутый Керзоном ультиматум вызвал настолько большой переполох в Москве, что стал причиной поворота внешней политики СССР на польском направлении. Из хранящихся в фонде секретариата Г.В. Чичерина Архива внешней политики Российской Федерации документов следует, что в мае – июне 1923 г. Москва вопреки своей прежней политике была готова пойти на широкомасштабные уступки Варшаве, только чтобы не допустить формирования нового антисоветского фронта с участием Польши. Такому повороту во многом способствовало утвердившееся в НКВД и Политбюро мнение о подготовке в 1923 г. новой иностранной интервенции против СССР. При этом меморандум Керзона до конца мая рассматривался советским руководством как этап дипломатической подготовки к ее началу.

В марте 1923 г. в НКВД увидели угрозу нового широкомасштабного наступления на советскую власть по периметру ее границ. В письме Генеральному секретарю ЦК РКП(б) И.В. Сталину от 20 марта 1923 г. Г.В. Чичерин сообщал о том, что «надо быть готовыми ко всему» в связи с планами Польши провести в течение весны и лета мобилизацию сразу трех возрастов. В числе других угроз он также выделял «вероятный новый взрыв басмачества», возможное нападение со стороны Маньчжурии, причем сразу трех вероятных противников: правителя трех северо-восточных провинций Китая Чжан Цзолия, маньчжурских белоохранителей и японцев, возможное восстание в Грузии, а также вторжение в Карелию¹².

¹⁰ Документы внешней политики СССР. М., 1962. Т. 6. С. 288–302.

¹¹ Англо-советские... С. 40–58.

¹² Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ). Ф. 04. Оп. 32. П. 213. Д. 52571. Л. 4.

После того, как 8 мая 1923 г. был получен меморандум Керзона, в Москве укрепились в мнении о возможности новой иностранной интервенции. Стремясь ее не допустить, советское руководство постаралось к концу мая – началу июня не только выполнить ключевые положения ультиматума, но и ослабить предпосылки для создания широкого антисоветского фронта. Потенциальных участников такого фронта было решено заинтересовать экономическими и политическими уступками.

В результате разразившегося в мае в Польше правительственного кризиса к власти там пришло новое правоцентристское правительство Винценты Витоса. В его составе были партии, традиционно ориентировавшиеся на Великобританию, что укрепило в Москве подозрения о возможном участии Варшавы в ожидавшейся интервенции. Одним из поводов для агрессии Польши в то время мог служить срыв советскими республиками выполнения финансово-экономических и имущественных статей Рижского мирного договора. В Москве опасались, что вслед за меморандумом Керзона последует демарш со стороны Варшавы. Член коллегии НКВД Я.С. Ганецкий 25 марта 1923 г. в письме советскому полпреду в Варшаве Л.Л. Оболенскому сообщал:

За последние дни у нас заметна была маленькая паника... пустили слух, что Кноль¹³ приезжает с ультиматумом, только его посещение меня, где он спокойно возбудил несколько конкретных вопросов, дало мне возможность убедить публику, что опасения абсолютно излишни¹⁴.

К концу мая в связи с поражением Керзона в борьбе за пост премьер-министра Великобритании также ослабла паника, вызванная предъявлением британского меморандума.

Однако до того момента, как опасения Москвы по поводу новой интервенции были окончательно развеяны, коллегия НКВД рекомендовала Политбюро ЦК РКП(б) изменить ранее проводимую политику в отношении Польши. Соответствующие предложения были разработаны на состоявшемся 20 мая 1923 г. заседании коллегии НКВД, которое проходило с участием представителей Наркомфина Г.Я. Сокольников, наркомата внешней торговли (НКВТ) – М.И. Фрумкина и П.Л. Войкова, руководившего делегацией РСФСР и УССР на переговорах с Польшей о выполнении условий Рижского мирного договора.

Планировалось активизировать выполнение крайне тяжелых положений финансово-экономической части Рижского мирного договора 1921 г. и предложить Варшаве три варианта погашения долгов. В области торговой политики – «при заключении торгового договора с Польшей предоставить для товаров польского происхождения беспрепятственный транзит в любом направлении». Кроме того, предлагалось предоставить Польше статус наибольшего благоприятствования в торговле, правда, с возможной оговоркой – распространить его на все страны, а также поощрять создание смешанных обществ с польскими промышленниками. Коллегия НКВД также рекомендовала установить льготные ставки таможенных пошлин для польских товаров и увеличить выдачу польским предприятиям советских госзаказов¹⁵.

Особую позицию на этом заседании занял М.И. Фрумкин, возражавший против предоставления Польше статуса наибольшего благоприятствования в таможенной сфере и свободного транзита на Восток. Со слов Я.С. Ганецкого (в его сообщении в Варшаву Л.Л. Оболенскому), Фрумкин считал, что «транзит явился бы сильной конкуренцией для нашей промышленности, главным образом текстильной»¹⁶.

¹³ Роман Кноль с 16.12.1922 г. по 30.12.1923 г. возглавлял дипломатическое представительство Польши в РСФСР.

¹⁴ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 32. П. 212. Д. 52564. Л. 97.

¹⁵ Там же. П. 213. Д. 52571. Л. 5–6.

¹⁶ Там же. П. 212. Д. 52564. Л. 97.

Отметим, что НКВТ последовательно с 1921 г. выступал против предоставления Польше права транзита на Восток, прежде всего в Персию, в том числе в обмен на свободу транзита через польскую территорию в торговле между советским государством и странами Центральной Европы. Однако до мая 1923 г. основной спор по этому вопросу шел между наркомом внешней торговли Л.Б. Красиным и Л.Л. Оболенским, и победу в нем неизменно одерживал НКВТ. Л.Б. Красин настаивал на том, что транзит на Восток в силу его значимости для Польши можно разрешить только в случае более существенных политических и экономических уступок со стороны Варшавы. В мае 1923 г. против позиции НКВТ по этому вопросу открыто выступили уже коллегия НКИД и нарком иностранных дел Г.В. Чичерин.

В сопроводительном письме в Политбюро ЦК РКП(б) к этому решению коллегии НКИД от 20 мая Г.В. Чичерин указывал:

Чтобы противодействовать враждебным нам влияниям и привлекать Польшу на нашу сторону, следует заинтересовать польскую промышленности в российском рынке и в восточных рынках при транзите через Совресп. В вопросах о наших выплатах следует дать Польше словесное удовлетворение и некоторый аванс при отсрочке выплат в какой-либо форме¹⁷.

Столь резкий поворот в отношении Польши, готовность пойти на уступки по целому ряду вопросов, вызвали недоумение у Л.Л. Оболенского, который не видел оснований опасаться в ближайшее время нового нападения Польши на СССР. В письме от 1 июня 1923 г. Я.С. Ганецкий вынужден был пояснять полпреду в Варшаве мотивы смены политики в отношении Польши. Он, в частности, напомнил об ультиматуме Керзона, за которым, по его мнению, крылись попытки создать антисоветский фронт с участием Польши и Франции. Пояснял он и щедрые уступки в вопросах транзита и наибольшего благоприятствования в торговле:

Транзит через Россию мы обязались дать Польше на основании мирного договора, <...> совещание с хозорганами единодушно пришло к заключению, что на ближайшие годы такой транзит не может быть ущербом даже для нашей текстильной промышленности, <...> принцип наибольшего благоприятствования, если мы дадим, то лишь как фикцию, которая нас не связывала бы в других договорах...¹⁸

В этом же письме Ганецкий перечислил возможные уступки Москвы в политической сфере «против коварных замыслов втянуть Польшу» в борьбу против России. Предполагалось распространить оптацию поляков на Дальневосточную республику, которая в ноябре 1922 г. была присоединена к РСФСР, и дать согласие на открытие в СССР при подписании консульской конвенции консульств Польши в нескольких городах¹⁹.

Переоценка возможных уступок

К началу июня 1923 г. опасения по поводу создания нового антисоветского фронта и возможного нападения Польши, похоже, окончательно развеялись. Во всяком случае, самые радикальные варианты ускорения выполнения Рижского мирного договора 1921 г. и предоставления Польше экономических преференций были отвергнуты. В то же время политика Москвы в отношении Польши не вернулась в то русло, в котором она велась до предъявления ультиматума Керзона. Представители НКИД и финансово-хозяйственных органов СССР по-прежнему обсуждали возможные уступки, призванные задобрить Варшаву и не допустить новую агрессию с ее стороны в будущем.

¹⁷ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 32. П. 213. Д. 52571. Л. 7.

¹⁸ Там же. П. 212. Д. 52564. Л. 102–103.

¹⁹ Там же.

В письме от 8 июня 1923 г. И.В. Сталину Г.В. Чичерин сообщал о прошедшем в тот же день новом совещании коллегии НКВД по польскому вопросу с участием наркома финансов Г.Я. Сокольникова, а также М.И. Фрумкина и П.Л. Войкова. В ходе совещания было отклонено предложение Г.Я. Сокольникова выплатить Польше сразу 10 млн золотых рублей в счет погашения долгов по Рижскому мирному договору. Более спокойно прошло также обсуждение вопроса о предоставлении Польше транзита на Восток. Представитель ВСНХ П.А. Богданов доложил о количестве товаров, которые могли быть размещены в Персии и о возможности транзита товаров из Польши в Персию. Выслушав П.А. Богданова и М.И. Фрумкина,

совещание решило, что вывоз из России сахара и бумажной мануфактуры желательнее охранять от конкуренции польского транзита²⁰.

В самом постановлении коллегии НКВД от 8 июня 1923 г. предлагалось ввести упомянутые ограничения в отношении транзита сахара и бумажной мануфактуры. В нем также отмечалось, что состояние советской промышленности не дает возможности в отношении главных предметов польского вывоза полностью удовлетворить восточные рынки по доступным ценам товарами советского производства. Это вызывает недовольство на Востоке и «подрывает наше политическое положение». При этом признавалось желательным разрешить транзит польских товаров для «повышения доходности наших железных дорог». В качестве необходимого условия такого транзита выдвигалось требование отмены права Польши ограничивать транзит в СССР через свою территорию товаров из Германии, Австрии и других стран и транзит советских товаров в эти страны. Наркомату путей сообщения предлагалось определить «приемлемые <...> пути транзита с закрытием для него кавказских и кубанских портов». Рекомендовалось также отдать директивы о поощрении создания смешанных обществ с группами польских промышленников²¹.

Несмотря на то, что опасения советского руководства по поводу новой интервенции и участия в ней Варшавы не оправдались, Политбюро ЦК РКП(б) 14 июня 1923 г. утвердило смену курса в отношении Польши. Наибольшее его смягчение должно было произойти на экономическом направлении. Сообщая об этом решении Л.Л. Оболенскому, член коллегии НКВД В.Л. Копп в письме от 15 июня 1923 г. давал пояснения по вопросам транзита:

Польской промышленности необходимы восточные рынки и, прежде всего, транзит в Персию. Ей необходимы сбыт на Кавказ и в Украину. Мы готовы решить эти вопросы путем заключения торгового договора <...>, что касается транзита в Персию, конечно только формально, то мы дадим его для сахара и бумажных тканей, потребовав однако в виде компенсации отказа Польши от права устанавливать ограничения для транзита в Россию с Германией и Австрией²².

Учитывая политические взгляды правоцентристского правительства В. Витоса и его тесные связи с крупными промышленными кругами, В.Л. Копп в том же письме писал Л.Л. Оболенскому:

дайте эндекам почувствовать, что мы отлично знаем, что их пребывание у власти в значительной мере обусловлено возможностью добиться дипломатических успехов в сношениях с Россией. Мы дадим эти успехи в наиболее интересующей их области – экономической и ожидаем, что из этой нашей готовности они сделают соответствующие выводы²³.

²⁰ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 32. П. 213. Д. 52571. Л. 12–13.

²¹ Там же. Л. 14–15.

²² Там же. П. 212. Д. 52564. Л. 108–111.

²³ Там же. Л. 211.

При этом, если в мае 1923 г. главным побудительным мотивом для изменения советской политики в отношении Польши были опасения о возможном военном нападении с ее стороны, то в июне Москва ставила задачи уже не столько военного, сколько экономического и дипломатического характера. Прежде всего ее волновала необходимость добиться от Польши отказа от требований выполнения советским государством экономических статей Рижского мирного договора, а также вопросы признания Варшавой образования СССР²⁴.

Переход к новой политике в отношении Польши, выразившийся в попытке «купить» путем экономических уступок и размещения советских заказов благосклонность национальной буржуазии и пролетариата, чтобы через них добиться смягчения антисоветского курса польским правительством, видимо, настолько воодушевил НКВД, что он начал зондировать возможность распространения подобной тактики и на другие страны. В частности, 19 июня в письме Л.Л. Оболенскому В.Л. Копп сообщил со ссылкой на М.И. Фрумкина о намерении НКВД произвести в Польше в ближайшее время крупные закупки угля и котлов, в связи с чем он просил представить данные о безработице в этих отраслях и выяснить, в какие металлургические и угольные фирмы вложен французский капитал²⁵.

Отношение Польской республики к инициативам Москвы

Первая реакция польских дипломатов на новую советскую политику в отношении Польши, включая транзит на Восток, не была особо обнадеживающей. В письме Л.Л. Оболенскому от 28 июня 1923 г. Г.В. Чичерин пересказал беседу с поверенным в делах Польши в РСФСР Р. Кноллем. Польский дипломат в ответ на попытку наркома объяснить выгодность пересмотра и отказа от финансово-экономических положений Рижского мирного договора в обмен на экономические преференции со стороны СССР стал настаивать на скорейшей выплате Польше 30 млн зол. руб. Р. Кноль указал при этом на важность для польского правительства учитывать общественное мнение в Польше относительно выполнения Россией Рижского мирного договора²⁶.

Л.В. Копп в конце июня – начале июля отправил Л.Л. Оболенскому несколько писем. Он требовал «вбить полякам в голову две мысли»: о том, что если они будут настаивать на неукоснительном выполнении Москвой Рижского договора, то не получат обещанных экономических выгод в торговле, при этом советская сторона выставит финансовые контрпретензии за ущерб от «набегов польско-петлюровских банд на нашу территорию». Л.В. Копп также запросил у Л.Л. Оболенского какие-либо цифры и сводки, которыми можно было бы подтвердить ущерб от налетов на советскую территорию этих банд²⁷.

Отказ Варшавы пересматривать финансово-экономические условия Рижского мирного договора в обмен на экономические преференции вызвал разногласия среди советских дипломатов. В письме Л.Л. Оболенскому от 6 июля 1923 г. Л.В. Копп выразил несогласие с предложением первого секретаря полпредства РСФСР в Польше И.Л. Лоренца,

²⁴ В 1923 г. вопрос международного признания факта объединения в декабре 1922 г. советских республик в СССР был одним из ключевых во внешней политике Москвы. Польша затягивала признание образования СССР и распространение на него обязательств, заключенных с РСФСР и другими советскими республиками, т.к. не признавала сам факт существования некоторых советских республик, в частности, Грузинской ССР, продолжая поддерживать отношения с прежним меньшевистским правительством Грузии и считая территорию Грузии аннексированной Советской Россией.

²⁵ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 32. П. 212. Д. 52564. Л. 114.

²⁶ Там же. Л. 126–129.

²⁷ Там же. Л. 130–131, 135–136.

чтобы, отодвинув вопрос о Рижском договоре, дать полякам некоторые экономические выгоды и тем купить их благорасположение²⁸.

По мнению И.Л. Лоренца, заключив торговый договор, предусматривавший транзит польских товаров на Восток, статус наибольшего благоприятствования в торговле и даже контингенты на поставки товаров, поляки будут молчать о невыполнении Москвой Рижского договора. Л.В. Копп возражал, полагая, что при такой тактике «поляки получают крупнейшие экономические преимущества без всякого эквивалента»²⁹, при этом они сохраняют все претензии относительно невыполнения советским государством Рижского договора, которые могут быть пущены в дело в любой момент. Он отмечал:

когда решающие круги Польши поймут, что без ликвидации мирного договора мы не откроем польскому капитализму двери на Восток, наша игра будет выиграна³⁰.

По всей видимости, предложения Москвы вызвали определенные колебания и в Варшаве. В письме в Политбюро ЦК РКП(б) от 11 июля 1923 г. В.Л. Копп отчитался о согласии польского правительства вступить в дискуссию об условиях ликвидации советских обязательств перед Польшей по Рижскому мирному договору. К тому моменту, по его оценкам, Варшава требовала уплаты примерно 140 млн зол. руб., в том числе – 30 млн зол. руб. в виде репараций по статье 13 Рижского договора за эксплуатацию польских земель при царизме, 100 млн зол. руб. – за утраченное польскими гражданами в ходе эвакуации в годы Первой мировой войны вглубь Российской империи промышленного имущества и 10 млн зол. руб. – за железнодорожное имущество. Из-за отсутствия надежных юридических оснований и доказательств, а также контрпретензий советской стороны, «сумма которых также может быть сделана весьма значительной», В.Л. Копп предлагал считать реальными претензии только на 50 млн зол. руб., в том числе 30 млн – по статье 13 Рижского договора, 10 млн – за промышленное и 10 млн – за железнодорожное имущество.

Так как по условиям Рижского договора 1 золотой рубль был привязан к 50 польским маркам, а в 1923 г. из-за экономического кризиса в Польше произошла девальвация польской марки, дальнейшая затяжка с выплатами в условиях обесценения польской марки должна была еще больше снижать размер советских долгов Польше. В этих условиях, по расчетам В.Л. Коппа, Польша не должна была серьезно сопротивляться ликвидации Рижского договора, согласившись оценить все долги Москвы уже без привязки к слабеющей польской марке в 20 млн зол. руб. Из них 5 млн зол. руб. Москва должна была уплатить сразу, а оставшуюся сумму – в течение 10 лет с начислением на остаток шести процентов годовых.

Взамен Варшава должна была получить при заключении торгового договора свободу транзита на Восток и наибольшее благоприятствование при установлении таможенных ставок. При этом предлагалось сначала не давать запрашиваемых польской стороной при первых переговорах генеральных лицензий на некоторые товары, так называемых контингентов. В.Л. Копп запрашивал согласия Политбюро на указанные цифры для начала переговоров³¹.

В письме Л.Л. Оболенскому от 13 июля 1923 г. В.Л. Копп сообщил о полученном от Политбюро согласии:

²⁸ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 32. П. 212. Д. 52564. Л. 138–141.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

³¹ Там же. П. 213. Д. 52571. Л. 18–19.

...объектом компенсации за отказ Польши от дальнейших претензий должны служить выгоды по торговому, а именно: свободный транзит на Восток и наибольшее благоприятствование³².

При этом он отмечал, что польское правительство будет обсуждать эти условия только

после предварительного и очень сильного дипломатического нажима <...> и при нажиме нам нужно будет, в конце концов, увеличить как стоимость всего денежного эквивалента, так в особенности поднять размер немедленного взноса³³.

В.Л. Копп также писал, что в дальнейшем Москве, видимо, придется пойти на уступки Варшаве в вопросах предоставления ей контингентов для поставок товаров в СССР или более или менее длительных заказов для польской промышленности. Необходимость дальнейших уступок он объяснял тем, что право транзита на Восток Польша и так уже имела по Рижскому договору, а режим наибольшего благоприятствования носил формальный характер, так как без него невозможна была любая торговля с советским государством, установившим монополию на внешнюю торговлю. В качестве самого крайнего аргумента В.Л. Копп советовал очень осторожно использовать на переговорах с министром иностранных дел Польши Марианом Сейдой мнение, что если Варшава не пойдет навстречу в вопросе ликвидации Рижского договора, то прогресса по его исполнению не будет. В.Л. Копп завершал письмо следующей фразой:

Фактически дело сведется к тому, к чему оно сводилось до сих пор, т.е. к самым минимальным платежам с нашей стороны, которые дадут Польше в общем итоге вряд ли больше, чем предложенный нами сейчас аккорд³⁴.

Однако начавшиеся переговоры не приносили положительного результата. Варшава отказывалась менять финансовые условия Рижского договора на предложенные Москвой экономические льготы. В ходе состоявшейся 19 июля беседы с Л.Л. Оболенским замминистра иностранных дел Польши Хенрик Страсбургер парировал советские предложения. Он заявил, что из-за разрухи и падения покупательной способности российских крестьян Польша в ближайшем будущем не сможет получить особых выгод от допуска ее товаров на российский рынок «даже в случае предоставления ей <...> самых широких льгот». Подверг сомнению он и выгоды от открытия транзита на Восток «ввиду [плохого] состояния наших транспортных средств», – докладывал в Москву Л.Л. Оболенский. В ходе беседы Х. Страсбургер согласился на паушализацию советских обязательств по статьям XV, XVI и XVII Рижского договора. В то же время в вопросах выплаты 30 млн зол. руб. по XIII статье Рижского мирного договора он отказался идти на какие-либо уступки³⁵.

Результаты нового курса

Как показали дальнейшие события, переход к новому курсу в отношении Польши, несмотря на не совсем удачный первый опыт, оказался вполне оправданным. 13 декабря 1923 г. правительство Польши официально признало СССР. Все последующие годы в Варшаве никогда не обсуждали в практической плоскости планы военного вторжения в Советский Союз, а к середине 1920-х гг. постепенно утратил остроту вопрос невыплаты Москвой части репараций, прописанных в Риж-

³² АВП РФ. Ф. 04. Оп. 32. П. 212. Д. 52564. Л. 148–149.

³³ Там же.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. П. 213. Д. 52570. Л. 31–34.

ском мирном договоре. Польша фактически смирилась с невозможностью добиться от СССР выполнения обязательств на 30 млн зол. руб. в счет экономического вклада Польши в экономику Российской империи. Другие материальные обязательства по Рижскому мирному договору были урегулированы лишь частично в 1924 г. под предлогом отсутствия подтверждавших их размер документов и истечения срока, отведенного в договоре на их выполнение³⁶.

В то же время советские заказы плавно росли вплоть до начала 1930-х гг., став важным подспорьем для отдельных предприятий польской металлургической и текстильной промышленности. Если в целом для польской торговли эти заказы не играли большой роли, занимая считанные проценты в товарообороте польского государства, то более весомое значение они оказывали на его внешнеторговый платежный баланс. Пик заказов пришелся на индустриализацию в СССР. В 1930 и 1931 гг. они превысили 128 и 125 млн злотых, а активное сальдо Польши в польско-советской торговле составило тогда более 83 и 89 млн злотых соответственно³⁷. При этом Москва так и не разрешила свободный транзит польских товаров в Персию.

Выводы

Таким образом, предъявление в мае 1923 г. меморандума Керзона усугубило опасения советского руководства и НКВД по поводу возможного создания новой антисоветской коалиции для нападения на СССР и намерений Варшавы присоединиться к ней. Пытаясь воспрепятствовать негативному развитию событий, Москва пошла на серьезные уступки Лондону практически по всем выдвинутым им в меморандуме требованиям. Одновременно советское руководство решило изменить проводимую им политику в отношении Польши. Рассматривались различные варианты уступок Варшаве, прежде всего в экономической сфере. После того, как к началу июня 1923 г. самые худшие предположения советского руководства были развеяны и стало ясно, что Великобритания не готовит новую интервенцию, а Польша не собирается нападать на СССР, в Москве решили не отказываться от сделанных Лондону уступок, а также от внешнеполитического поворота на польском направлении.

При этом изначально, в период наибольших опасений в Москве, чтобы не допустить предъявления Польшей ультиматума и возможного военного нападения с ее стороны, рассматривались варианты выплаты крупных сумм в счет предусмотренных по Рижскому мирному договору репараций, предоставление Польше режима наибольшего благоприятствования во внешней торговле и свободного транзита товаров в Персию, а также размещения советских заказов на потерявших традиционный российский рынок сбыта польских предприятиях. После того как в июне 1923 г. самые пессимистические опасения оказались развеяны, советское руководство не отказалось от смены курса. Новая линия поведения предусматривала уступки Польше в вопросах размещения советских заказов, статуса свободного благоприятствования в торговле и предоставления права ограниченного транзита польских товаров на Восток в обмен на признание СССР и отказ Варшавы от полагавшихся ей по Рижскому мирному договору репараций.

Поступила в редакцию / Submitted: 09.03.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 08.10.2022

Принята к публикации / Accepted for publication: 23.01.2023

³⁶ Ольшанский П.Н. Рижский... С. 160–221.

³⁷ АВП РФ. Ф. 09. Оп. 8. П. 68. Д. 43. Л. 69–71.

References

- Karpova, R. L.B. *Krasin sovetskii diplomat* [L.B. Krasin Soviet diplomat]. Moscow: Izdatel'stvo sotsial'no-ekonomicheskoi literatury Publ., 1962 (in Russian).
- Kremnev, B. *Krasin*. Moscow: Molodaia gvardiia Publ., 1968 (in Russian).
- Kumaniecki, J. *Stosunki Rzeczypospolitej Polskiej z państwem radzieckim 1918–1943. Wybór dokumentów* [Relations of the Republic of Poland with the Soviet state 1918–1943. A selection of documents]. Warsaw: Państwowe wydawnictwo naukowe Publ., 1991 (in Polish).
- Lemin, I.M. *Vneshniaia politika Velikobritanii ot Versalia do Lokarno 1919–1925* [British foreign policy from Versailles to Locarno 1919–1925]. Moscow: OGIZ Publ., 1947 (in Russian).
- Ol'shanskii, P.N. “Sovetsko-pol'skie otnosheniia v 1921–1924 gg. [Soviet-Polish relations in 1921–1924].” *Sovetskoe slavianovedenie*, no. 1 (1972): 21–34 (in Russian).
- Ol'shanskii, P.N. *Rizhskii dogovor i razvitie sovetsko-pol'skikh otnoshenii 1921–1924* [The Treaty of Riga and the development of Soviet-Polish relations 1921–1924]. Moscow: Nauka Publ., 1974 (in Russian).
- Rotfeld, Adam D., and Torkunow, Anatolij W. *Biale plamy – Czarne plamy. Sprawy trudne w relacjach polsko-rosyjskich 1918–2008* [White Spots – Black Spots. Difficult Matters in Polish-Russian Relations 1918–2008]. Warsaw: Polski inst. spraw międzynarodow. Publ., 2010 (in Polish).
- Sergeev, E.Yu. “Curzon's Ultimatum to the Soviet Russia in 1923: New Interpretation.” *Vestnik RGGU. Serii: politologiia, istoriia, mezhdunarodnye otnosheniia, zarubezhnoe regionovedenie, vostokovedenie*, no. 11 (2015): 97–105 (in Russian).
- Sergeev, E.Yu. *Dzhordzh Nateniel' Kerzon: poslednii rytsar' Britanskoi imperii* [George Nathaniel Curzon: the last knight of the British Empire]. Moscow: Tovarishestvo nauchnykh izdani KMK Publ., 2015 (in Russian).
- Shishkin, V.A. *Stanovlenie vneshnei politiki poslerevoliutsionnoi Rossii (1917–1930 gody) i kapitalisticheskii mir: ot revoliutsionnogo 'zapadnichestva' k 'natsional-bol'shevizmu'* [The formation of the foreign policy of post-revolutionary Russia (1917–1930) and the capitalist world: from revolutionary 'Westernism' to 'National Bolshevism']. St. Petersburg: Izdatel'stvo Dmitrii Bulanin Publ., 2002 (in Russian).
- Truhanovskii, V.G. *Vneshniaia politika Anglii na pervou etapue obshhego krizisa kapitalizma (1918–1939 gg.)* [England's foreign policy in the first phase of the general crisis of capitalism (1918–1939)]. Moscow: IMO Publ., 1962 (in Russian).
- Vasilenkova, O.V. “Anglo-sovetskie otnosheniia v 1918–1924 gg. [Anglo-Soviet relations in 1918–1924].” PhD diss., Vladimir State Pedagogical University, 2007 (in Russian).
- Volkov, F.D. *Krakh angliiskoi politiki interventsii i diplomaticheskoi izoliatsii sovetskogo gosudarstva (1917–1924 gg.)* [The collapse of the British policy of intervention and diplomatic isolation of the Soviet state (1917–1924)]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury Publ., 1954 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Сергей Анатольевич Скляров, канд. истор. наук, доцент кафедры международных отношений и внешней политики, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации; Россия, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76; redaktors@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-5691-4088>

Sergey A. Sklyarov, PhD in History, Ass. Professor of the Department of International Relations and Foreign Policy, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO); 76, Vernadsky Ave., Moscow, 119454, Russia; redaktors@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-5691-4088>

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-1-151-156>

Рецензия на книгу:

**Петров А.Ю. Петр Первый и освоение севера Тихого океана.
Рязань: Ряз. гос. ун-т им. С. А. Есенина, 2022. 280 с.**

Вардан Багдасарян ^a, Сергей Реснянский ^{a,b}

^aМосковский государственный областной педагогический университет,
Москва, Россия

^bРоссийский университет дружбы народов, Москва, Россия

s-r44@yandex.ru

Для цитирования: Багдасарян В.Э., Реснянский С.И. Рецензия на книгу: Петров А.Ю. Петр Первый и освоение севера Тихого океана. Рязань: Ряз. гос. ун-т им. С. А. Есенина, 2022. 280 с. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2023. Т. 22. № 1. С. 151–156. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-1-151-156>

Book Review of

Petr Pervyi i osvoenie severa Tikhogo okeana

[*Peter the Great and the Development of the North Pacific*]

by A.Yu. Petrov. Ryazan: Ryazanskii gosudarstvennyi universitet
imeni S.A. Yesenina Publ., 2022. 280 p. (in Russian)

Vardan Baghdasaryan ^a, Sergey Resnyansky ^{a,b}

Moscow Region State Pedagogical University, Moscow, Russia

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia

s-r44@yandex.ru

For citation: Baghdasaryan, Vardan, and Resnyansky, Sergey. “Book Review of Petr Pervyi i osvoenie severa Tikhogo okeana [Peter the Great and the development of the North Pacific] by A.Yu. Petrov. Ryazan: Ryazanskii gosudarstvennyi universitet imeni S.A. Yesenina Publ., 2022. 280 p. (in Russian).” *RUDN Journal of Russian History* 22, no. 1 (February 2023): 151–156 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-1-151-156>

Монография ведущего российского специалиста по истории Русской Америки А.Ю. Петрова занимает особое место в серии публикаций, посвященных 350-летию со дня рождения великого российского реформатора – Петра Великого.

А.Ю. Петров в своей работе показывает, что Петр Великий «прорубил окно» и на Дальний Восток, и в Азиатско-Тихоокеанский регион. Петр I способствовал развитию торговых и культурных связей с Китаем. Именно он выбрал Витуса Беринга руководителем экспедиции, открывшей северо-запад Америки. Был задан импульс, в результате которого Российско-американская компания стала управлять

огромной территорией на Курильских, Алеутских островах, Аляске и Форт-Россе в Калифорнии. Россия заявила о себе как арктическая держава. Произошло становление Тихоокеанского флота. Русская православная церковь доказала возможность мирного вовлечения коренных народов Сибири, Дальнего Востока и Америки в общее с Россией историко-культурное пространство.

Монография основана на многочисленных новых материалах из отечественных и зарубежных архивов, связанных с освоением земель на севере Тихого океана. Это – переписка и документы, принадлежавшие перу Петра I, а также широкому кругу лиц его эпохи: донесения первооткрывателей новых территорий, переписка между представителями России и зарубежных стран, указы, рапорты, отчеты, письма, докладные записки, инструкции, уведомления, циркуляры государственных органов на всем пространстве Российской империи: от Санкт-Петербурга до Дальнего Востока.

Книга включена в список основных мероприятий Правительства Российской Федерации, посвященных празднованию 350-летия со дня рождения Петра I. Дается характеристика Петровской эпохи и проведенных реформ, поэтому книга будет представлять интерес как для специалистов-историков, преподавателей и учащихся высшей и средней школ, так и для широкой общественности.

Книга состоит из вступительного слова «Петр I и становление Российской империи», написанного выдающимся российским ученым-историком, академиком А.О. Чубарьяном, в котором отмечается, что А.Ю. Петров рассматривает начавшийся при Петре I процесс ускоренного развития российского государства, его экономики, культуры и роста национального самосознания, одновременного усиления торговых и дипломатических связей с Западной Европой и восточными соседями России, прежде всего с Китаем. Особое, ключевое место в работе отводится проблеме территориального расширения Российской империи, описанию хода экспедиций по изучению ее дальневосточных границ и севера Тихого океана, их истокам и последствиям как в локальном государственном, так и общемировом контекстах.

Книга состоит из 11 глав, документального приложения (по материалам отечественных архивов), списка персоналий Петровской эпохи («Птенцы гнезда Петрова»), избранной библиографии, именного указателя.

А.Ю. Петров счел целесообразным показать плаванья, которые были осуществлены в начале XVIII в., рассмотреть этапы подготовки, ход и итоги Первой Камчатской экспедиции Беринга. Это стало продолжением его более ранних исследований¹. Автор ставит задачу исследовать не только процесс самого плаванья, но и обстоятельность его подготовки, особенности движения экспедиции сухим путем от Санкт-Петербурга через всю Россию на Камчатку. Этот сухопутный этап экспедиции, который занял более трех лет, изучен весьма слабо (историки Русской Америки о нем упоминают лишь вскользь), а без него оценить специфику самого плаванья, его итоги и, главное, влияние на историю и наследие Русской Америки вряд ли возможно.

А.Ю. Петров включил специальную главу, посвященную преобразованиям конца XVII – первой четверти XVIII в. Поэтому данная монография может быть полезна широкому кругу читателей, в том числе преподавателям средних и высших учебных заведений. Кроме того, события на Тихоокеанском севере и сделанные там открытия могут быть поняты в контексте всех реформ внутренней и внешнеполи-

¹ *Петров А.Ю.* Витус Беринг: у истоков историко-культурного наследия Русской Америки // Вопросы истории. 2018. № 7. С. 12–29.

тической эпохи преобразований. В связи с этим так называемое восточное направление политики Петра I рассмотрено дважды – в кратком, легкодоступном формате и подробном изложении хода всех экспедиций и плаваний. Дополнительные сведения по Петровской эпохе опубликованы автором в виде специального пособия для учителей².

А.Ю. Петров приходит к закономерным выводам, что период освоения севера Тихого океана, начавшийся в XVII в., получил мощный импульс во время правления Петра I, которому было присуще многообразие талантов. Император сочетал деспотичность правления с простотой общения. Его отличала настойчивость в достижении поставленной цели. Петр I – патриот России, который был готов пожертвовать всем во имя ее процветания. Его жизнь была наполнена одной идеей – трудиться во благо государства. Он возвел государственные интересы в абсолютный приоритет. Реформы проводились в период напряженной войны за выход к морю, борьбы на южных рубежах империи и освоения ее восточных пределов. Вместе с этим Петр I долго вынашивал и перед самой кончиной предложил ряд мероприятий по изучению севера Тихого океана, реализация которых привела к формированию российской политики в Азиатско-Тихоокеанском регионе в XVIII в.

Петр Великий опирался на отечественный и мировой опыт географических исследований. В этом отношении весьма важным было посещение им Англии в ходе Великого посольства. Именно тогда, по всей видимости, он заинтересовался тем, что представляют собой очертания Америки со стороны Азии. В дальнейшем взгляды Петра развивались под влиянием западноевропейских ученых. Особенно важными были для него сведения Г. Лейбница и Н. Витсена. Однако решающей стала идея обеспечения безопасности и становления государственности на восточных рубежах империи.

Петров выделяет следующие составляющие движения русских на восток: военную (участие казачества), промысловую (участие поморов и представителей угрофинских народов и северо-запада России), культурную и правовую³, некоторые могут рассматриваться как в отдельности, так и в совокупности.

А.Ю. Петров справедливо пишет, что для первопроходцев Петровской эпохи «Америка» – термин, обозначающий не столько континент, сколько новую, неизвестную землю, границу. Поэтому историю освоения северной части Тихого океана в первой четверти XVIII в. нужно изучать как в узком (географическом), так и в широком контекстах. Широко это освоение рассматривается с позиции Петровских реформ и особенностей внешней политики, включая европейское, американское (Калифорния), восточное (Китай, Курильские острова) направления, которые, в свою очередь, продвигались государственными структурами или частными лицами. Хронологически можно отнести начало истории Русской Америки к эпохе Петровских реформ и целенаправленной стратегии государства по очерчиванию рубежей Российской империи и претензий на приобретение заморских колоний.

В освоении новых дальневосточных и граничащих с ними северотихоокеанских территорий в данный период А.Ю. Петров выделяет ряд этапов.

Первый этап, со второй половины XVII в. и до 1711 г., был продолжением политики изучения отдаленных территорий силами отдельных казацко-поморских отрядов. Все экспедиции с выходом в Тихий океан были сопряжены со смертель-

² Петров А.Ю., Майер А.С. Причины, особенности, последствия и цена петровских преобразований: учебно-методическое пособие. М., 2022.

³ Петров А.Ю., Савельев И.В., митрополит Климент (Капалин). Становление колониального права в Русской Америке // Российская история. 2015. № 4. С. 101–111.

ным риском. Кроме личных выгод и возможного получения повышения в званиях, денежных дивидендов и государственных наград, людьми двигало стремление решить важные государственные задачи даже ценой собственной жизни. Происходил постепенный переход от единичных экспедиций казаков и поморов к активному вовлечению государства в открытие новых территорий.

Второй этап, 1711–1722 гг., по праву считается «экспедиционно-исследовательским», поскольку ознаменовался направлением на Дальний Восток и к Тихому океану специально обученных геодезистов, использовавших современные им методы и изучавших окраины Российской империи. Поиски возможности морского путешествия из Охотска на Камчатку развивались одновременно с исследованиями южной оконечности полуострова. Инициатива данных исследований принадлежала казакам, которые проходили службу на Камчатке. Показателен поход И.П. Козыревского из Верхнекамчатского острога вдоль восточного побережья полуострова с выходом к северным Курильским островам. Плавания Ф.Ф. Лужина, И.М. Евреинова стали выдающимися отечественными достижениями в деле открытия и описания территорий на Тихоокеанском Севере.

Третий этап, 1723–1729 гг., связывается с принятием Петром I решения о направлении на север Тихого океана специальной экспедиции во главе с морским офицером. Экспедиция, наряду с основным вопросом Петровской инструкции – «о соединении Азии с Америкой», решала ряд задач и способствовала масштабным географическим исследованиям России на Дальнем Востоке и в Тихом океане. В ходе плаваний В. Беринга был заявлен государственный интерес по включению новых земель в общее историко-культурное пространство России, а также приобретен уникальный опыт взаимодействия различных культур и этносов. Были заложены основы политики европейских стран на севере Тихого океана. Важнейшим мотивом деятельности держав в этом регионе был внешнеполитический фактор, происходивший из опасений утратить сферу влияния в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

В ходе продвижения русских на север Тихого океана происходило взаимодействие с Китаем и Японией, освоение Курильских островов, решение внешнеполитических вопросов на восточных и западных границах Российской империи. Одним из важнейших стимулов для продвижения к берегам Тихого океана стало развитие русско-китайских отношений. Подготовка соглашений с Китаем, в том числе Кяхтинского трактата, проходила одновременно с формированием Первой Камчатской экспедиции В. Беринга. Оба события изменили и активизировали исторические процессы в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Они вырабатывались в одно время и были взаимосвязаны.

Расширение Российской империи за счет присоединенных территорий Сибири, Дальнего Востока, Алеутских островов и северо-западного побережья американского континента сопровождалось распространением православия. Российские подданные – исследователи новых земель — в основном исповедовали православную веру. Они не только открывали, но и освящали присоединяемые территории, адаптировали их под социокультурные ценности православного человека. Продвижение русских людей на Восток и создание укреплений сопровождалось возведением часовен, церквей и монастырских обителей, которые в дальнейшем складывались в православные епархии. Церковь в Сибири стала одной из мощнейших конструктивных сил, опора на которую способствовала утверждению российского правления на дальних окраинах страны.

Как отмечается в монографии, в Петровскую эпоху в Сибири учреждается училище и в центре России – семинария Ростовской и Ярославской епархий. Реали-

зация Петром вынашиваемого им проекта изучения пределов Российской империи и выхода к Тихому океану восходит к концу XVII в. Именно тогда молодой царь стремился укрепить власть в Сибири при поддержке Русской православной церкви. Сформированная в то время православная идентичность сохраняется и преумножается в наши дни. Идея о возможности перенесения культурной идентичности на огромные расстояния в процессе осознания пределов государства и взаимодействия с коренным населением была повторена уже в США в ходе экспедиции М. Льюиса и У. Кларка в 1804–1806 гг. Взаимодействие православных миссионеров и гражданских, а в дальнейшем колониальных властей, было заложено при Петре I. Основной проблемой оставалось отношение к коренным жителям. Выработке общей позиции способствовала деятельность Димитрия Ростовского, Филофея Лещинского. Следующий прорывной этап наступил уже при Германе Аляскинском, а основной завершился при Иннокентии (святитель) – митрополите Московском и Коломенском.

Идеи Петра I активно реализовывались и в ходе Второй Камчатской экспедиции, давшей, в свою очередь, старт десяткам плаваний частных купеческих компаний, в ходе которых были освоены Алеутские острова и часть побережья Аляски. Инициатива в освоении новых территорий перешла к купцам, среди которых выделяется деятельность Г.И. и Н.А. Шелиховых. Правительство возвратилось к намерению полномасштабного участия в освоении северной части Тихого океана уже в конце правления Екатерины II. В начале XIX в. была подготовлена и отправлена первая российская кругосветная экспедиция, профинансированная в большей степени за счет Российско-американской компании.

Россия получила контроль над Аляской, Алеутскими островами. Были основаны поселения в Калифорнии и на Гавайских островах. Фактически вся северная часть Тихого океана находилась в сфере интересов Российской империи. Все это стало возможным благодаря деятельности Петра I, заложившей фундамент будущей политики России в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Развязка изучаемого нами процесса пришлось уже на середину XIX в. Она ознаменовалась включением Калифорнии в состав США, а затем покупкой Аляски и Алеутских островов у России.

Монография А.Ю. Петрова написана хорошим литературным языком. Она вносит большой вклад в изучение Петровской эпохи и истоков Русской Америки.

Книга может быть использована при подготовке специальных университетских курсов по истории России и международных отношений. Думается, что ее выход послужит импульсом для подготовки междисциплинарных исследований такого рода и изучение Русской Америки и наследия России в северной части Тихого океана будет продолжено.

Поступила в редакцию / Submitted: 02.12.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 10.01.2023

Принята к публикации / Accepted for publication: 15.01.2023

References

- Petrov A.Yu., Savel'ev I.V., and mitropolit Kliment (Kapalin). "Stanovlenie kolonial'nogo prava v Russkoi Amerike [The Formation of Colonial Law in Russian America]." *Rossiiskaia istoriia*, no. 4 (2015): 101–111.
- Petrov, A.Yu., and Mayer, A.S. *Prichiny, osobennosti, posledstviia i tsena petrovskikh preobrazovani. Uchebno-metodicheskoe posobie [Causes, features, consequences and price of Peter's reforms. Teaching aid]*. Moscow: GAUGN-Press, 2022.
- Petrov, A.Yu. "Vitus Bering: u istokov istoriko-kul'turnogo nasledii Russkoi Ameriki [Vitus Bering: at the origins of the historical and cultural heritage of Russian America]." *Voprosy istorii*, no. 7 (2018): 12–29.

Информация об авторах / Information about the authors

Вардан Эрнестович Багдасарян, д-р истор. наук, профессор, декан факультета истории, политологии и права, заведующий кафедрой истории России средних веков и нового времени, Московский государственный областной педагогический университет; 105005, Россия, Москва, ул. Радио, 10А; vardanb@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4895-5108>

Сергей Иванович Реснянский, д-р истор. наук, профессор кафедры истории России средних веков и нового времени, Московский государственный областной университет; 105005, Россия, Москва, ул. Радио, 10А; профессор кафедры истории России, Российский университет дружбы народов; 117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6; s-r44@yandex.ru

Vardan E. Baghdasaryan, Dr. Habil. Hist., Professor, Dean of the Faculty of History, Political Science and Law, Head Departmentally, Head of the Department of Russian History of the Middle Ages and Modern Times, Moscow Region State Pedagogical University; 10A, Radio Str., Moscow, 105005, Russia; vardanb@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4895-5108>

Sergey I. Resnyansky, Dr. Habil. Hist., Professor of the Department of History of Russia of the Middle Ages and Modern Times, Moscow Region State Pedagogical University; 10A, Radio Str., Moscow, 105005, Russia; Professor of the Department of Russian History, RUDN University; 6, Miklukho-Maklaya Str., Moscow, 117198; s-r44@yandex.ru

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-1-157-160>

Рецензия на книгу:
**Переосмысление российско-латиноамериканских отношений
после окончания холодной войны / под ред. В. Рувинского,
В. Хейфеца. Нью-Йорк: Routledge, 2022. 302 с.**

Армандо Чагуаседа
Колледж Веракрус, Веракрус, Мексика
✉ xarchano@gmail.com

Для цитирования: Чагуаседа Армандо. Рецензия на книгу: Переосмысление российско-латиноамериканских отношений после окончания холодной войны / под ред. В. Рувинского, В. Хейфеца. Нью-Йорк: Routledge, 2022. 302 с. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2023. Т. 22. № 1. С. 157–160. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-1-157-160>

Book Review of
Rethinking Post-Cold War Russian-Latin American Relations
by Vladimir Rouvinski, and Victor JEIFETS, eds.
New York: Routledge, 2022. 302 p.

Armando Chaguaceda
El Colegio de Veracruz, Veracruz, Mexico
✉ xarchano@gmail.com

For citation: Chaguaceda, Armando. “Book Review of Rethinking Post-Cold War Russian-Latin American Relations by Rouvinski, Vladimir, and JEIFETS, Victor, eds. New York: Routledge, 2022. 302 p.” *RUDN Journal of Russian History* 22, no. 1 (February 2023): 157–160. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-1-157-160>

В последние десятилетия связи между Россией и Латинской Америкой укрепились в рамках изменения положения Москвы на мировой арене и возобновления ее интереса к влиянию на Западное полушарие в контексте спора с США и Европейским союзом. Это представляется альтернативой геополитической гегемонии Запада в соответствии с либеральным порядком после холодной войны. Российские СМИ усилили свое присутствие в Латинской Америке. В социальном и культурном плане широкие слои населения России и латиноамериканских стран имеют общие элементы в менталитете и духовных ценностях – национальные и консервативные. Кроме того, в течение первых десятилетий XXI в. в России и ряде стран Латинской Америки происходят параллельные процессы политического развития нелиберальных и личностных режимов в противовес полиархическому плюрализму. Все это указывает на необходимость исследовать глубокие исторические, геополитические

© Чагуаседа А., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

и культурные корни между обеими сторонами, которые можно проанализировать с помощью инструментов и дисциплин социальных наук.

В рамках этой перспективы важным интеллектуальным вкладом становится публикация коллективной монографии «Переосмысление российско-латиноамериканских отношений после холодной войны», вышедшая в 2022 г.¹ В ней проводится комплексное исследование возрождения интереса России к региону, что позволяет адекватно оценивать результаты сближения в области двустороннего экономического, политического и культурного взаимодействия. Книга объединяет предыдущие усилия, предпринятые учеными стран Латинской Америки в данном направлении². С этой целью редакторы пригласили к сотрудничеству известных экспертов – специалистов в области политологии, международных отношений, истории, права, миграционных исследований, экономики и других, научный вклад которых с междисциплинарной точки зрения позволяет лучше понять условия, в которых взаимодействуют Россия и Латинская Америка. Некоторые разделы работы написаны в соавторстве, когда взгляды исследователей на общую тему совпадают.

В первой главе Владимир Рувинский рассматривает в концептуальном и эмпирическом плане подход *символической взаимности*, который направляет активные действия России в этой части Западного полушария. Основное внимание уделяется геополитическому влиянию на задворки США своего главного глобального соперника. Для этого автор прослеживает присутствие Москвы и ее политические цели с самого начала зарождения российско-латиноамериканских отношений. Эта тема пересекается с той, к которой обращается Александра Ситенко в восьмой главе, когда она напоминает нам, что образ Латинской Америки в современной России проистекает из опыта и представлений, предшествовавших советской эпохе. Ситенко размышляет, насколько поистине «стратегическими» являются отношения Москвы с некоторыми странами Латинской Америки и Карибского бассейна; акцент делается на Бразилии, Эквадоре и Никарагуа. Автор признает важность для них таких элементов, как принципы доверия, политическая воля и личность дипломатов.

В аспектах, пересекающихся с интеллектуальной историей и политологией, в главах 2 и 3 Виктор Хейфец и Дмитрий Розенталь анализируют эволюцию научных исследований по региону с момента их появления в 1960-х годах в Советском Союзе. Они выявляют большое влияние идеологии и внешнеполитических целей советского государства. Авторы указывают на сильное воздействие политических подходов и акторов на современные российские научные исследования по Латинской Америке. Это помогает объяснить различия российских исследований по Латинской Америке (латиноамериканистики) от латиноамериканских исследований в других странах на основе их традиций, методологии и общественных обязательств.

В главах 4 и 5 Виктор Хейфец, Лазарь Хейфец и Умберто Моралес Морено рассматривают некоторые темы политической истории двусторонних отношений. Виктор Хейфец и Лазарь Хейфец, с одной стороны, демонстрируют противоречия между целями Коминтерна и задачами советской дипломатии, которые мы можем отнести к различной природе таких явлений, как влияние революционного движения, продвигаемое государством, и система международных отношений того же государства. Со своей стороны, Умберто Моралес сравнивает сходства и различия (социально-экономические, институциональные и доктринальные) между двумя государствами/режимами (мексиканским и советским), возникшими в результате

¹ *Rethinking Post-Cold War Russian-Latin American Relations* / ed. by Vladimir Rouvinski, Victor Jefefts. New York, 2022.

² *Pensamiento social rusosobre América Latina* / ed. by Soledad Jiménez Tovar, Andrés Kozel et al. Buenos Aires, 2017.

двух величайших революций XX века. Главу 6, написанную Марио Альберто Кахас-Сарриа, можно рассматривать в тесной связи с предыдущими главами (особенно с 4-й) при рассмотрении спорного вопроса о восприятии коммунистической угрозы (представленной внешнеполитической программой СССР) в правительствах стран Латинской Америки на примере Колумбии.

Другие главы посвящены конкретным темам, имеющим большое значение. В главе 7 Марина Мосейкина рассматривает русскую миграцию в Латинскую Америку на протяжении всей истории, определяя ее наследие в различных сферах социальной и национальной жизни региона. В главе 9 Виктор Хейфец и Лилия Хадорич затрагивают темы торговли оружием и сотрудничества между Латинской Америкой и Россией и объясняют основные тенденции и отличия этого процесса. По мнению авторов главы, это сотрудничество является одной из главных причин внешнеполитической стратегии России в отношении Латинской Америки и, в меньшей степени, торговли России с латиноамериканскими странами.

Работа дополнена рядом тематических исследований. В главе 10 Эван Эллис излагает перспективы и опасения Соединенных Штатов в отношении возвращения России в регион, который он определяет как территорию с общими интересами и историей с державой-гегемоном.

В главе 11 Дмитрий Розенталь и Лазарь Хейфец анализируют двусторонние отношения между Россией и Венесуэлой, рассматривают поддержку Кремлем правительств Уго Чавеса и его назначенного преемника Николаса Мадуро; данная поддержка включает в себя геополитические, военные, экономические аспекты и т. д. В главе 12 Лазарь Хейфец и Антон Андреев прослеживают эволюцию отношений Кубы сначала с СССР, а затем с Россией, размышляя над идеологическими и прагматическими факторами, лежащими в основе этих длительных и динамичных отношений.

Двусторонние отношения России с Мексикой проанализированы Виктором Хейфецем и Хорхе Лопесом Аревало в главе 13. Они рассматривают уровень растущей, но все еще ограниченной двусторонней торговли и географической близости к США как факторы, которые интересуют Россию в ее отношениях со страной ацтеков. Владимир Рувинский (глава 14), Николай Добронравин (глава 15) и Альберто Хутшенрейтер (глава 16) анализируют отношения с Колумбией, Бразилией и Россией. Это три случая с интересными особенностями. Обращает на себя внимание роль Москвы в качестве поставщика военной техники, прежде всего вертолетов, в Боготу, которая является традиционным союзником США в регионе. Кроме того, акцент делается на сотрудничестве с Бразилией в рамках БРИКС и формирующемся многополярном подходе, а также связях с Аргентиной, исторический опыт которой в таких областях, как миграция, культура и дипломатические отношения, предрекают еще больший потенциал развития этих связей.

Благодаря вкладу этой группы экспертов работа «Переосмысление российско-латиноамериканских отношений после окончания холодной войны» представляет многосторонний взгляд на возобновление присутствия России в Латинской Америке, а также на его историческую подоплеку. Эта книга заслуживает благодарности за сочетание баланса исследований в советский период и недавних тематических исследований, которые позволяют выявить общие и конкретные закономерности возобновления российско-латиноамериканских связей. Перед нами работа, где множественность взглядов сочетается со строгостью подходов к избранному объекту.

Поступила в редакцию / Submitted: 25.08.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 21.12.2022

Принята к публикации / Accepted for publication: 11.01.2023

References

- Rouvinski, Vladimir, and Jeifets, Victor, eds. *Rethinking Post-Cold War Russian-Latin American Relations*. New York: Routledge, 2022.
- Tovar, Soledad Jiménez, and Kozel, Andrés, et al., eds. *Pensamiento social rusosobre América Latina*. Buenos Aires: CLACSO, 2017.

Информация об авторе / Information about the author

Армандо Чагуаседа, д-р истор. наук, профессор, Колледж Веракрус; Мексика, 91000, Колония Сентро, Халапа, шт. Веракрус Каррильо Пуэрто, 26; xarchano@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-2497-178X>

Armando Chaguaceda, PhD in History, Professor, El Colegio de Veracruz; 26, Carrillo Puerto, Colonia Centro, Xalapa, Veracruz, 91000, México; xarchano@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-2497-178X>